# ТЮРЬМА и ССЫЛКА

ОБРАЗЦЫ ИЗЪ ЖИЗНИ
ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ
ВЪ РОССІИ

Изданіе Э. Л. Каспровича
въ Лейпцигѣ 1905 г.

BERLIN
J. LADYSCHNIKOW VERLAG G. M. B. H.

## Изданія бывшаго издательства
# Э. Л. КАСПРОВИЧА въ ЛЕЙПЦИГѢ.

| | М. пф. |
|---|---|
| **Бѣлый терроръ или выстрѣлъ 4 апрѣля 1866 г.** Разсказъ одного изъ сосланныхъ (1875) . . . . . . . . . . . | 1 50 |
| **Воспоминанія княгини Е. Р. Дашковой** (1876) . . . | 4 — |
| **Записки Екатерины II,** императрицы Россіи. Переводъ съ французскаго (1876) . . . . . . . . . . . . . | 5 — |
| **Записки генерала Н. А. Саблукова** о временахъ императора Павла I и о кончинѣ этого государя (1902) . . | 2 — |
| **Записки князя Трубецкаго** (1874) . . . . . . . . . . | 1 50 |
| **Записки Ивана Дмитріевича Якушкина** (1874) . . . | 2 — |
| **Историческіе документы** изъ временъ царствованія Александра I (1880) . . . . . . . . . . . . . . . | 2 50 |
| **Краткое обозрѣніе существующихъ въ Россіи расколовъ, ересей и сектъ,** какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ ихъ значеніи. Составилъ Липранди (1883) . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . | 1 — |
| **Матеріалы для біографіи княгини Е. Р. Дашковой** (1876) | 2 — |
| **Матеріалы для біографіи императора Павла I** (1874) | 1 50 |
| **Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина** и письма его къ Рылѣеву, Бестужеву и другимъ (1875) . . . . . | 1 50 |
| **Матеріалы для біографіи К. Ѳ. Рылѣева** (1875) . . . | 1 50 |
| **Матеріалы для будущей исторіи Сибири** и ссылки Михайлова (1880) . . . . . . . . . . . . . . . . . | 1 50 |
| **Матеріалы для исторіи гоненія студентовъ** при Александрѣ II (1902) . . . . . . . . . . . . . . | 2 50 |
| **Матеріалы для исторіи царствованія императора Николая Павловича** (1880) . . . . . . . . . . . | 3 — |
| **Новгородское возмущеніе въ 1831 г.** Записки полковника Панаева, временнаго начальника возмущенія (1874) | 1 — |
| **Нѣкоторыя выписки изъ бумагъ Дениса Васильевича Давыдова,** непропущенныя цензурою въ Россіи (1906) | 3 — |
| **Нѣкоторыя выписки изъ бумагъ Н. Данилевскаго** (1875) | 1 — |
| **О повреждении нравовъ въ Россіи.** Сочиненіе князя М. Щербатова (1876) . . . . . . . . . . . . . . | 1 50 |
| **О раскольникахъ** при императорахъ Николаѣ I и Александрѣ II. Пополнено запискою Мельникова (1882) | 1 50 |
| **Объ аристократіи, въ особенности русской.** Письмо изъ Россіи (1874) . . . . . . . . . . . . . . . . . . | 1 — |

Tiurma i ssylka

# Тюрьма и Ссылка.

## Образцы

из жизни политическихъ преступниковъ
въ Россіи.

(Gefängnis und Verbannung.)

ЛЕЙПЦИГЪ:
Э. Л. Каспровичъ.

LEIPZIG:
E. L. Kasprowicz.

1905.

# Тюремная жизнь
## РУССКИХЪ РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

(ДЖОРЖА КЕННАНА.)

Каждый просвѣщенный американскій читатель, интересующійся дѣлами Россіи, но неимѣющій возможности почерпать свои свѣдѣнія ни откуда, кромѣ тѣхъ въ высшей степени неполныхъ и неудовлетворительныхъ извѣстій о событіяхъ въ Россіи, которыя приноситъ нашъ телеграфъ, непремѣнно долженъ былъ не разъ спрашивать себя: „въ чемъ заключается особенность тѣхъ золъ, которыя способны вызывать именно среди русской молодежи проявленіе такой глубокой страстной ненависти къ царю и двигать на такія отчаянныя постоянныя попытки лишить его жизни". Напрасно стали бы мы искать въ доходящихъ до насъ свѣдѣніяхъ причинъ, которыя бы могли объяснить ту „бѣлокалильную" интенсивность чувства ненависти, которая должна лежать въ основаніи этого необыкновеннаго соціальнаго явленія. Намъ говорятъ, что Россія дурно управляется, что печать задавлена, что право общественныхъ собраній не признается, что всякое свободное стремленіе сурово подавляется испорченной и деспотической бюрократіей. Но

все это зло, хотя мы и знаемъ, что оно дѣйствительно существуетъ, не даетъ еще удовлетворительнаго объясненія тому факту, что десятки, можетъ быть, сотни молодыхъ мужчинъ и женщинъ въ Россіи охотно готовы умереть насильственной и позорной смертью на эшафотѣ, лишь бы передъ смертью убить человѣка, занимающаго престолъ. На съѣздѣ предводителей „террористовъ", состоявшемся въ г. Липецкѣ въ іюнѣ 1879 года, на которомъ рѣшено было убійство Александра II, сорокъ семь молодыхъ мужчинъ и женщинъ добровольно предложили себя, какъ исполнителей постановленія совѣта („Оффиціальный стенографическій отчетъ суда надъ цареубійцами въ С.-Петербургѣ въ 1881 г." Слова Желябова*), стр. 32.) Дурное управленіе въ томъ смыслѣ, какъ мы обыкновенно понимаемъ эти слова, никакъ не можетъ быть достаточной причиной для объясненія такого необыкновеннаго и ненормальнаго факта. Люди, вообще, не борятся изъ-за свободы печати посредствомъ убійствъ и не завоевываютъ себѣ гражданскихъ правъ путемъ цареубійства. Чувство страшнаго личнаго оскорбленія должно присоединиться къ этому общему давленію для того, чтобы обыкновенный средній человѣкъ дошелъ до того душевнаго состоянія, когда онъ отдаетъ свою собственную жизнь за одну возможность убить другого. Поэтому или нужно признать, что террористы обладаютъ какимъ-то

*) Слова Желябова, сказанныя имъ на судѣ, относятся не къ 79 г., а къ началу 81 г.

особенно жестокимъ и фанатическихъ характеромъ и что въ крови русскаго человѣка существуетъ болѣзненная наклонность къ убійству, въ такомъ случаѣ становится невозможнымъ судить о человѣкѣ этой категоріи на основаніи тѣхъ же нравственныхъ началъ, какія мы примѣняемъ къ другимъ, или же въ основаніи ненормальныхъ явленій современной русской жизни лежитъ нѣчто большее, чѣмъ просто дурное управленіе. Я намѣреваюсь указать въ этой и послѣдующихъ статьяхъ на то, что мнѣ кажется одною изъ самыхъ главныхъ и дѣйствительныхъ причинъ, побудившихъ русскихъ революціонеровъ принять въ 1878 г. печальную, ошибочную и преступную политику террора, а именно на обращеніе съ политическими ссыльными въ русскихъ тюрьмахъ. Какой бы точки зрѣнія не держаться по отношенію къ различнымъ фазисамъ, черезъ которые русское революціонное движеніе прошло съ 1870 года, не можетъ быть, я думаю, сомнѣнія въ томъ, что послѣдній его фазисъ — организованное убійство — есть результатъ жестокаго и безчеловѣчнаго обращенія съ политическими въ Петропавловской крѣпости, Шлиссельбургскомъ замкѣ и въ тюрьмахъ Москвы, Кіева, Одессы и пр. Поэтому, прежде чѣмъ разсматривать такія преступленія, какъ убійство Александра II, или разсуждать о тѣхъ характерахъ, которые выдвинулись съ принятіемъ террористической политики, необходимо составить себѣ ясное понятіе о жизни русскихъ революціонеровъ въ тюрьмѣ. Матеріаломъ для этихъ статей служили

мнѣ главнымъ образомъ три источника: вопервыхъ, личный осмотръ большаго числа русскихъ тюремъ; во-вторыхъ, показанія трехъ или четырехъ сотъ мужчинъ и женщинъ, вынесшихъ это заключеніе въ продолженіи разныхъ сроковъ отъ шести мѣсяцевъ до семи лѣтъ, въ различное время отъ 1874 г. до 1885 г.; и, въ третьихъ, указанія русскихъ оффиціальныхъ лицъ, имѣющихъ теперь или имѣвшихъ прежде отношеніе къ тюремной администраціи. Много дней и ночей трудился я на мѣстѣ каторжнаго заключенія и ссылки, какъ въ Сибири, такъ и въ городахъ Европейской Россіи, надъ собираніемь и провѣркой тѣхъ фактовъ, которые я намѣренъ здѣсь изложить, и имѣю полное основаніе думать, что всѣ мои показанія заслуживаютъ совершеннаго довѣрія.

Два или три года тому назадъ возникъ въ англійскомъ журналѣ споръ между княземъ Крапоткинымъ и мистеромъ Вильсономъ съ одной стороны и достопочтеннымъ г. Линделело и однимъ анонимнымъ корреспондентомъ „Pall Mall Gazette“ съ другой — относительно условій жизни „политическихъ“ и обращенія съ ними въ Петропавловской крѣпости. Мнѣ было отказано въ разрѣшеніи осмотрѣть эту тюрьму, почему я не могу описывать ее на основаніи личныхъ наблюденій; за то, вслѣдствіе совершенно исключительныхъ обстоятельствъ, мнѣ удалось собрать свѣдѣнія о жизни въ ней иными путями. Я познакомился въ Сибири, по крайней мѣрѣ, съ 30-ю ссыльными, которые подвергались заключенію въ

этой крѣпости. Въ общемъ, время ихъ пребыванія тамъ обнимаетъ весь промежутокъ времени отъ 1874 до 1884 г. Ссыльные эти были разсѣяны по всей Сибири, многіе изъ нихъ никогда не видѣли другъ друга, имъ не было никакой возможности входить между собой въ предварительное соглашеніе относительно того, что они мнѣ разсказывали. Большая часть изъ нихъ люди высоко-образованные и развитые и столько же неспособны преднамѣренно обманывать, какъ любой американскій джентельменъ изъ моихъ знакомыхъ. Они описывали до мельчайшихъ подробностей все, что испытали въ крѣпости, и я, просматривая свою записную книжку, нахожу въ разныхъ мѣстахъ 6 или 8 описаній одного и того же событія, однихъ и тѣхъ же порядковъ, переданныхъ 6 или 8 лицами, не знающими другъ друга, находящимися въ различныхъ мѣстахъ ссылки и живущихъ на громадныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Показанія ссыльныхъ съ юридической точки зрѣнія должны, конечно, быть разсматриваемы, какъ свидѣтельство „ex porte“, но очевидно, что даже партійныя свидѣтельства, когда они такъ совпадаютъ и данныя при тѣхъ обстоятельствахъ, на которыя я указалъ, должны считаться за достовѣрныя, если только не будетъ указано, что были возможны соглашенія. Насколько я могъ, я провѣрялъ эти показанія ссыльныхъ путемъ разговоровъ съ судьями и оффиціальными лицами тюремнаго управленія. По причинамъ, которыя нетрудно понять, я не могу назвать имена послѣднихъ, но это

были лица, хорошо знакомыя съ положеніемъ дѣлъ. Если участіе и роль правительства въ разсматриваемомъ вопросѣ и въ описываемыхъ событіяхъ не выступаютъ въ этой статьѣ такъ ярки, какъ это было бы желательно, то причина кроется отчасти въ томъ, что я для большей тщательности и полноты отложилъ до слѣдующей статьи разсмотрѣніе о дѣйствіяхъ со стороны правительства, и отчасти въ томъ, что генералъ Оржевскій, русскій шефъ жандармовъ, оказался нерасположеннымъ, когда я былъ у него въ прошломъ году лѣтомъ, снабдить меня фактами или дать мнѣ возможность сдѣлать личныя наблюденія. Позволеніе посѣтить большую петербургскую тюрьму, извѣстную подъ названіемъ „Дома Предварительнаго Заключенія", и Литовскій замокъ, я получилъ, благодаря г. Галкину-Врасскому, начальнику тюремнаго комитета. На Петропавловскую и Шлиссельбургскую крѣпость его власть не простиралась, и ген. Оржевскій, который могъ бы позволить осмотрѣть ихъ, вѣжливо, но твердо отклонилъ мою просьбу. Для того, чтобы лучше понять все, что я буду дальше описывать, читатель долженъ совершенно отрѣшиться отъ мысли, что русскія тюрьмы управляются по какой-нибудь системѣ, или что обращеніе съ заключенными вытекаетъ изъ предначертанной политики. Трудно найдти, я думаю, во всемъ цивилизованномъ мірѣ другой такой способъ примѣненія наказаній, какъ тотъ, который употребляется въ Россіи, при которомъ личный произволъ игралъ бы такую видную роль, и личныя

соображенія исполнителей такъ сильно вліяли бы на законъ. — Во всей имперіи 884 тюрьмы. Номинально онѣ всѣ находятся подъ однимъ управленіемъ и подлежатъ однимъ и тѣмъ же законамъ и правиламъ, и между тѣмъ трудно было бы найдти 20 тюремъ, которыя бы управлялись одинаковымъ образомъ въ продолженіе 3-хъ лѣтъ. Тѣ права, которыми пользуются заключенные въ одной тюрьмѣ, не существуютъ въ другой; въ одной — строгость есть общее правило, въ другой — только исключеніе; иныхъ заключенныхъ закармливаютъ, другіе содержатся въ проголодь; въ одномъ мѣстѣ нарушеніе правилъ не влечетъ за собой ничего, кромѣ выговора, тогда какъ въ другомъ — подобное же нарушеніе наказывается 20-ью ударами розогъ по обнаженному тѣлу. Вездѣ безпорядокъ, противозаконныя дѣйствія, произволъ и болѣе или менѣе полное отсутствіе всякой системы. Причинъ этого положенія дѣлъ много, но самыя главныя слѣдующія: во 1-хъ, самые законы чрезвычайно трудно примѣнимы на практикѣ и полны противорѣчій; во 2-хъ, управленіе тюрьмами распредѣлено между громаднымъ количествомъ лицъ и административныхъ органовъ, отношеніе которыхъ другъ къ другу не организовано правильно; въ 3-хъ, многія русскія административныя лица склонны рѣшать дѣла и поступать согласно не съ закономъ, а съ тѣмъ, что они считаютъ лучшимъ въ данное время или наиболѣе соотвѣтствующимъ видамъ высшаго начальства; и, въ 4-хъ, крайне низкій уровень административныхъ способ-

ностей и нравственности громаднаго большинства лицъ тюремной администраціи, въ которую невозможно привлечь болѣе порядочныхъ людей при такомъ ничтожномъ окладѣ, который они получаютъ. (Управляющій Домомъ Предварительнаго Заключенія въ С.-Петербургѣ, одной изъ самыхъ большихъ и главныхъ тюремъ имперіи, получаетъ только 900 руб., кромѣ столовыхъ и квартирныхъ. Старшій помощникъ его получаетъ только 400 руб. Въ С.-Петерб. пересыльной тюрьмѣ смотритель получаетъ 350 руб., а помощникъ его 200 руб. Въ провинціальныхъ тюрьмахъ платится еще меньше. Отчетъ Центральнаго Тюремнаго Управленія за 1884 г. стр. 83—84. С.-Петерб. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ 1886 г.) У меня есть копія съ секретнаго доклада царю ген. губерн. Анучина 81 г., въ которомъ это высокопоставленное лицо, говоря о низкомъ состояніи тюремъ и о неудовлетворительности законовъ, касающихся тюремнаго заключенія и ссылки, выражается такъ: „хотя законы и даютъ намъ безчисленное множество указаній въ этомъ дѣлѣ, но большая часть этихъ законовъ сдѣлалась мертвою буквою съ самого дня ихъ изданія, вслѣдствіе ихъ непримѣнимости и отсутствія контроля". (Секретный докладъ царю ген. губ. Анучина гл. V. отд. 3, подъ заглавіемъ: „ссылка, каторжныя работы и тюремное заключеніе.") У меня есть также копія съ циркуляра начальника одной изъ русскихъ губерній, отъ 25 августа 1885 года, тюремнымъ комитетамъ, городской полиціи, уѣзднымъ полицейскимъ управленіямъ и орга-

намъ тюремнаго контроля, въ которомъ губернаторъ обращаетъ вниманіе этихъ учрежденій „на существованіе въ уѣздныхъ тюрьмахъ безчисленныхъ и всевозможныхъ нарушеній закона, совершаемыхъ такъ открыто, что, кажется, почти невѣроятнымъ, чтобы люди, позволяющіе себѣ подобные поступки, сознавали всю незаконность ихъ“. Въ длинномъ рядѣ злоупотребленій, перечисляемыхъ губернаторомъ, встрѣчаются безчестныя соглашенія между лицами тюремной администраціи и поставщиками провіанта и одежды низшаго качества, чѣмъ-то, которое требуется, и о раздѣленіи между собой этой мошеннической экономіи; требованія пайка и одежды для арестантовъ, которые уже умерли, или выпущены на свободу, и продажа этихъ вещей администраціей въ свою пользу; обыкновеніе выпускать заключенныхъ на свободу для того, чтобы они могли имѣть частную работу, съ условіемъ дѣлить заработокъ съ тѣми, кто ихъ выпустилъ; незнаніе властей, что тюремные надзиратели наказываютъ и сѣкутъ заключенныхъ, безъ вѣдома и распоряженія исправниковъ и начальниковъ полиціи, въ участкахъ которыхъ находятся тюрьмы. Изъ этого циркуляра явствуетъ безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, что существуетъ, по меньшей мѣрѣ, 7 различныхъ лицъ и учрежденій, которыя имѣютъ отношеніе къ управленію уѣздными тюрьмами (острогами), а именно: во 1-хъ, лица самой тюремной администраціи, во 2-хъ, тюремные комитеты, въ 3-хъ, администрація городской полиціи, въ 4-хъ, уѣздная полиція, въ 5-хъ, органы тюремнаго контроля,

въ 6-хъ, исправники, и въ 7-хъ, губернаторъ. Къ этому же, однако, еще надо прибавить: въ 8-хъ, прокуроръ, въ 9-хъ, мѣстная городская дума, въ 10-хъ, генералъ-губернаторъ, въ 11-хъ, центральная тюремная администрація въ С.-Петербургѣ и, въ 12-хъ, министерство внутреннихъ дѣлъ. (Забыто жандармское управленіе). Изъ вышеупомянутаго оффиціальнаго источника видно, что, тѣмъ не менѣе, не смотря на всю эту сложную машину, не смотря на кажущееся изобиліе „контроля", въ уѣздныхъ острогахъ совершается безчисленное множество нарушеній закона такъ открыто, что „становится невѣроятнымъ, чтобы люди позволяли себѣ подобные поступки, сознавая ихъ незаконность". Въ тюрьмахъ, предназначенныхъ исключительно только для политическихъ преступниковъ, безпорядковъ и мошенничествъ, конечно, меньше, чѣмъ въ тюрьмахъ низшей степени провинности; но даже и въ нихъ случайныя обстоятельства и административный произволъ играютъ гораздо болѣе видную роль, чѣмъ законъ. Законъ рѣдко препятствуетъ тому, что административное лицо считаетъ высшими государственными интересами. Если такой прокуроръ, какъ Стрѣльниковъ, или шефъ-жандармовъ, какъ Мезенцевъ, думаютъ, что, поступая съ политическимъ преступникомъ извѣстнымъ образомъ, онъ можетъ вывѣдать отъ него показанія, которыя поведутъ къ аресту его товарищей по преступленію, или дадутъ ключъ къ раскрытію заговора, то онъ, не колеблясь, переступаетъ границы своей законной власти. Для достиженія своихъ

цѣлей, онъ прибѣгаетъ даже къ самымъ низкимъ и безчестнымъ средствамъ, которыя столько же мучаютъ преступниковъ, сколько дискредитируютъ правительство, допускающее ихъ. — Отношенія къ политическимъ преступникамъ зависятъ также въ сильной степени отъ настроенія, господствующаго въ оффиціальныхъ сферахъ въ различное время. Послѣ каждаго новаго покушенія со стороны заговорщиковъ, которые остались на свободѣ, строгость по отношенію къ ихъ товарищамъ въ тюрьмѣ усиливается. Сегодня администрація, раздраженная успѣхомъ заговора, котораго ей не удалось раскрыть, вымещаетъ свою неудачу на ихъ товарищахъ, которые находятся въ ея власти, — завтра, успокоенная мнимой покорностью тому, что ей кажется возстановленіемъ общественнаго порядка, она ослабляетъ крайнюю строгость тюремной дисциплины.

Естественнымъ результатомъ такого отношенія къ закону является полное отсутствіе всякой системы и постоянства въ тюремномъ управленіи. Обращеніе съ заключенными сообразуется не съ законами, но съ тѣмъ, что прокуроръ или шефъ жандармовъ считаетъ нужнымъ, въ виду обстоятельствъ или событій, къ которымъ сами заключенные не имѣли, можетъ быть, никакого отношенія.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію ежедневной жизни русскихъ революціонеровъ въ тюрьмѣ, я желалъ бы обратить вниманіе на три разряда фактовъ, которые имѣютъ близкое отношеніе къ тюрьмѣ и которые чрезвычайно сильно вліяютъ на состояніе

духа заключенныхъ въ ней. Эти разряды фактовъ, о которыхъ я говорю и которымъ я посвящу остальную часть этой статьи, слѣдующіе: во 1-хъ, обычай арестовывать людей безъ разбора, съ цѣлью терроризировать и въ надеждѣ разыскать нити революціонной дѣятельности; во 2-хъ, заключеніе людей въ тюрьму, какъ средство пытки для того, чтобы добиться отъ нихъ сознанія и выдачи друзей; и, въ 3-хъ, незаконное содержаніе политически-заподозрѣнныхъ въ одиночномъ заключеніи въ продолженіи мѣсяцевъ и даже годовъ, въ то время какъ полиція разыскиваетъ по всей имперіи улики для ихъ обвиненія. Всѣ эти средства практиковались въ Россіи въ самой широкой мѣрѣ; вѣроятно, что это-то и способствовало главнымъ образомъ тому, что тлѣющія искры недовольствія разгорѣлись въ ужасное пламя террористической борьбы. Говоря о политическихъ арестахъ, что они производятся „безъ разбора", я не хочу, конечно, сказать, что полиція въ Россіи арестуетъ людей такъ же, какъ Милису, бѣгающій по улицамъ и хватающій каждаго, кто ему попадется. Полицейскіе аресты, какъ бы они ни были многочисленны, всегда распространяются на одинъ только разрядъ людей, оффиціально извѣстный въ Россіи подъ названіемъ „неблагонадежныхъ".

Слово это не имѣетъ равнозначущаго на англійскомъ языкѣ и понятіе это до такой степени чуждо нашему уму, что его нельзя перевести, а можно только приблизительно объяснить его значеніе. Составленное изъ словъ „благо" и „надежда", оно выражаетъ

собою такія условія, при которыхъ можно надѣяться, что совершится нѣчто хорошее, а „неблагонадежность" — отрицательное понятіе этого сложнаго слова и на оффиціальномъ языкѣ означаетъ, приблизительно, то, что на человѣка нельзя надѣяться въ политическомъ отношеніи. Терминъ „неблагонадежность" примѣняется правительствомъ ко всѣмъ лицамъ, политическія мнѣнія которыхъ не совпадаютъ строго съ воззрѣніями правительства и поведеніе которыхъ поэтому должно подлежать надзору. Статистики этого „неблагонадежнаго" элемента, конечно, не существуетъ; но въ 1880 г., при либеральномъ министерствѣ Лорисъ-Меликова, лицъ, находящихся подъ гласнымъ надзоромъ полиціи, значилось оффиціально 2837 чел. распредѣленныхъ по губ. слѣдующимъ образомъ: въ С-Петербургѣ — 273 ч., въ Москвѣ — 101, въ Калугѣ — 165, въ Архангельскѣ — 96, и въ др. губ. — 1434. (Аксаковская „Русь" № 46, сентябрь 26, 1881 г.). Надо, однако-же, сказать, что лица, находящіяся подъ гласнымъ надзоромъ полиціи, представляютъ собою только небольшую часть громаднаго класса „неблагонадежныхъ людей". Это по большей части лица, насильственно удаленныя изъ своего мѣстожительства въ другія мѣста государства для того, чтобы лишить ихъ мѣстныхъ связей, и подвергающіяся въ опредѣленное время посѣщеніямъ полиціи. Тысячи другихъ, которыя не были такимъ образомъ сосланы, находятся подъ тайнымъ надзоромъ и еще тысячи третьихъ записаны въ жандармскихъ и полицейскихъ книгахъ. При каждомъ

новомъ актѣ насилія или покушенія со стороны крайней революціонной партіи, полиція дѣлаетъ внезапный набѣгъ на всѣхъ неблагонадежныхъ лицъ въ городѣ, гдѣ подобное событіе совершилось, хватаетъ и сажаетъ въ тюрьму десятки людей виновныхъ и невинныхъ, чтобы потомъ разобрать ихъ на досугѣ. Когда генералу Стрѣльникову была ввѣрена царемъ почти диктаторская власть, для подавленія крамолы въ губ. южной Россіи, онъ въ три дня арестовалъ и заключилъ въ тюрьму не менѣе 118 человѣкъ въ одной только Одессѣ. Затѣмъ отправился въ Кіевъ и арестовалъ 89 человѣкъ почти одновременно и приказалъ арестовать сотни другихъ — въ Харьковѣ, Николаевѣ, Полтавѣ, Курсхѣ и другихъ южныхъ городахъ Россіи. Большая часть этихъ арестовъ производилась совершенно безъ, такъ называемыхъ, данныхъ уликъ, единственно только съ цѣлью добыть свѣдѣнія о заговорахъ, существованіе которыхъ полиція предполагала, но которые ей неудавалось раскрыть. Многіе изъ арестованныхъ были просто дѣти, несовершеннолѣтніе учащіеся мальчики и дѣвушки отъ 15 до 17 лѣтъ, которые никакимъ образомъ не могли считаться опасными заговорщиками, но которыхъ, по мнѣнію полиціи, можно было запугать и заставить сознаться во всемъ, что они знали о замыслахъ, разговорахъ и занятіяхъ ихъ старшихъ родственниковъ и друзей. Планъ Стрѣльникова былъ: арестовать одновременно какъ можно болѣе лицъ изъ „неблагонадежныхъ“, запереть ихъ въ тюрьму, продержать дней 10

или 15 въ строжайшемъ одиночномъ заключеніи и затѣмъ подвергнуть страшному инквизиторскому допросу съ цѣлью хоть что-нибудь разузнать отъ каждаго и потомъ составить изъ такихъ отрывковъ цѣлый революціонный заговоръ. Если, напр., молодая дѣвушка, принадлежащая къ „неблагонадежной“ семьи, получила подозрительное письмо, перехваченное полиціей, или была замѣчена выходящей изъ „заподозрѣннаго“ дома поздно вечеромъ, то ее сейчасъ же арестовывали, обыкновенно, ночью, препровождали въ закрытой каретѣ въ Одесскую тюрьму, сажали въ тѣсную одиночную камеру и предоставляли ее собственнымъ ея ужаснымъ мыслямъ. Ей не давали никакого объясненія, и если она обращалась съ вопросомъ къ караульному солдату въ корридорѣ, то получала единственный отвѣтъ: „Приказано не говорить“. Дѣйствіе, производимое на молодую неопытную, впечатлительную дѣвушку подобнымъ внезапнымъ переходомъ среди ночи отъ спокойствія ея собственнаго дома къ этой узкой, мрачной камерѣ тюрьмы, можно себѣ легко представить. Даже при большомъ мужествѣ и твердости характера легко потерять самообладаніе отъ такой пытки. Единственные звуки, нарушающіе тишину тюрьмы, — это тяжелые шаги караульнаго, слабо доносящіеся крики, буйство какого-нибудь пьянаго, котораго связываютъ на другомъ концѣ зданія; при этомъ неопытной дѣвушкѣ представляются страшныя сцены насилія и оскорбленій; хлопанье тяжелыхъ дверей, стоны и истерическій плачъ другихъ, только-что аресто-

ванныхъ политическихъ преступниковъ въ сосѣднихъ номерахъ. Все это, вмѣстѣ взятое, какъ и внезапное, безшумное появленіе отъ времени до времени незнакомаго лица въ четыреугольномъ отверстіи, продѣланномъ въ двери для наблюденіи за заключенными, — все это способствуетъ тому, чтобы первая ночь въ тюрьмѣ бывала для молодой дѣвушки такимъ страшнымъ испытаніемъ, которое до конца ея жизни неизгладится изъ ея намяти. Но все это только начало той пытки, которой должны подвергнуться ея мужество и самообладаніе. Проходитъ день, другой, три дня, десять дней, не принося ей никакихъ извѣстій, никакихъ объясненій относительно того, въ чемъ она обвиняется. Два раза въ сутки молчаливый сторожъ подаетъ ей пищу черезъ четыреугольное отверстіе въ двери, и ничто, кромѣ этого, не нарушаетъ однообразія и одиночества ея жизни. У нея нѣтъ ни книгъ, ни письменныхъ принадлежностей, ничего, чтобы разсѣять ея мысли и ослабить то напряженное состояніе, которое скоро дѣлается нестерпимымъ. Терзаясь мучительными предчувствіями и полной неизвѣстностью относительно своей собственной судьбы и судьбы тѣхъ, кто ей дорогъ, она можетъ только метаться по своей камерѣ изъ угла въ уголъ до изнеможенія, чтобы затѣмъ броситься на узкую тюремную кровать и постараться забыться во снѣ. Наконецъ, черезъ недѣлю, можетъ быть черезъ двѣ, послѣ ея ареста, когда думаютъ, что она достаточно смирилась духомъ, подъ вліяніемъ одиночества и горя, ее требуютъ къ предва-

рительному допросу, который производится безъ свидѣтелей и защитника самимъ Стрѣльниковымъ. Приступая къ допросу, онъ объявляетъ ей, что она обвиняется въ чрезвычайно важныхъ преступленіяхъ по такимъ-то и такимъ-то статьямъ свода уголовныхъ законовъ и что ей грозитъ ссылка въ Сибирь на долгіе годы. Въ виду, однако-же, ея молодости, неопытности и возможности предположенія, что она была совращена на этотъ путь преступными товарищами, онъ считаетъ себя въ правѣ сказать ей, что, если она проявитъ искреннее раскаяніе, чистосердечно сознается въ своихъ заблужденіяхъ и сообщитъ безъ утайки ему все, что ей извѣстно по дѣлу, а также правдиво отвѣтитъ на заданные ей вопросы, то она будетъ тотчасъ же отпущена на свободу. Если же она, напротивъ, проявитъ упорство и тѣмъ покажетъ себя недостойною милосердія, то его долгъ, какъ члена исполнительной власти государства, поступить съ нею по всей строгости закона". Бѣдная дѣвушка отлично знаетъ, что слова о ссылкѣ въ Сибирь не простая угроза. Принадлежа къ неблагонадежной семьѣ, она часто слышала разсказы о Маріи Присецкой*), которая была сослана,

*) Иванъ Максимовичъ Присецкій — богатый землевладѣлецъ Зеньковскаго уѣзда Полтавской губерніи. Его собственная преданность царю никогда не была заподозрѣна, но всѣ его дѣти — три дочери и одинъ сынъ — сосланы въ Сибирь за различныя политическія дѣла. Двое изъ нихъ въ Семипалатинскѣ, на границѣ Средней Азіи, третья въ тюрьмѣ на Карѣ у истоковъ Амура, а четвертый былъ до послѣдняго времени въ деревнѣ Тунка около пограничной линіи между Восточной Сибирью и Монголіей. Я позна-

когда ей не было 16-ти лѣтъ, за то, что не хотѣла выдать свою старшую сестру, и Ивичевичей, сестру и брата, 17-ти и 14-ти лѣтъ, которые были арестованы въ Кіевѣ и сосланы въ Сибирь*) въ 1879 г. безъ всякой другой причины, кромѣ той, что ихъ два старшіе брата принадлежали къ революціонной партіи и были застрѣлены при вооруженномъ сопротивленіи. Не удивительно, если молодая дѣвушка, доведенная до отчаянія одиночнымъ заключеніемъ, безъ знанія законовъ, безъ защитника и безъ поддержки друзей въ такую критическую минуту, не устоитъ подъ вліяніемъ смертельнаго страха и скажетъ инквизитору все, что она знаетъ. Она становится свободной, но только для того, чтобы испытывать страшныя муки угрызенія совѣсти и раскаянія, когда она увидитъ, что самыхъ дорогихъ ей людей арестуютъ, сажаютъ въ тюрьму и ссылаютъ въ Сибирь на основаніи тѣхъ показаній, которыя она сама дала. Часто однако же случается, что дѣвушка остается непоколебимою и отказывается отвѣчать на вопросы, даже послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ одиночнаго заключенія. Тогда власти при-

комился съ тремя изъ нихъ, въ мѣстахъ ихъ ссылки, во время моего послѣдняго путешествія по Сибири и вынесъ изъ этого знакомства самое лучшее впечатлѣніе. Отправляясь въ любую страну путешественникъ не могъ бы заранѣе разсчитывать встрѣтить такихъ развитыхъ, образованныхъ и привлекательныхъ молодыхъ людей.

*) Ивичевичъ: Пристина, дѣвушка 17-ти лѣтъ, и братъ 14-ти лѣтъ, были сосланы въ Киренскъ Иркутской губерніи, болѣе 4-хъ тысячъ англійскихъ миль на востокъ отъ С.-Петербурга.

бѣгаютъ къ еще болѣе безнравственнымъ средствамъ.

Въ 1883 году, Марія Калюжная, дѣвушка 18-ти лѣтъ, дочь одесскаго купца, была арестована по обвиненію въ неблагонадежности, посажена въ тюрьму и подвергнута всему тому, что я сейчасъ описывалъ. Она была однако же дѣвушка умная и съ сильнымъ характеромъ и твердо выдерживала въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ всѣ попытки запугать ее и заставить выдать своихъ друзей. Наконецъ, полковникъ Катанскій, одесскій жандармскій офицеръ, приноситъ ей искусно поддѣланныя ложныя показанія, яко бы данныя ея арестованными сообщниками. Въ дѣйствительности же, документъ этотъ былъ приготовленъ самими жандармами на основаніи свѣдѣній, добытыхъ черезъ шпіоновъ, съ прибавленіемъ собственныхъ догадокъ и соображеній; — это былъ искусно задуманный планъ добиться отъ Калюжиной обманомъ такихъ показаній, которыя могли бы служить обвиненіемъ для ея товарищей, находящихся въ тюрьмѣ, въ ожиданіи суда. Полковникъ Катанскій съ жестокимъ лицемѣріемъ говорилъ Калюжной, что онъ является къ ней не какъ правительственное лицо, но какъ другъ, чтобы сообщить ей показанія ея товарищей и уговорить ее спасти себя, пока еще есть время. Упорство ея и отказъ отвѣчать не могутъ болѣе принести никакой пользы ея товарищамъ, такъ какъ они уже сознались въ своей винѣ. Прокуроръ не узнаетъ, что онъ, Катанскій, показалъ ей эти бумаги и будетъ думать, если она только выразитъ готовность отвѣ-

чать на вопросы, что она раскаялась. Противъ нея нѣтъ серьезныхъ обвиненій и только ея продолжительное упорство препятствовало ея немедленному освобожденію. Она должна только выразить смиреніе и раскаяніе; не нужно даже сообщать чего-нибудь новаго, только подтвердить то, что уже извѣстно полиціи и въ чемъ ея товарищи сами сознались. Неужели она захочетъ погубить свою молодую жизнь изъ-за ошибочнаго донкихотскаго чувства чести, которое не можетъ болѣе принести пользы ея товарищамъ? Они сознались, имъ не станетъ хуже отъ того, что она подтвердитъ ихъ собственныя показанія. Прокуроръ не узнаетъ о томъ, что ей было извѣство ихъ сознаніе, онъ подумаетъ, что ея согласіе отвѣчать — результатъ искренняго раскаянія, и, нѣтъ сомнѣнія, тотчасъ же отдастъ приказъ объ ея освобожденіи. Калюжная попалась въ эту ловушку! Она послала сказать прокурору, что готова дать свои показанія, и на допросѣ подтвердила такіе факты, которые она считала вполнѣ извѣстными полиціи, но относительно которыхъ въ дѣйствительности не было никакихъ доказательствъ. Выполнивъ такимъ образомъ безсознательно ту цѣль, для которой она была арестована, Калюжная была выпущена изъ тюрьмы и снова отдана подъ надзоръ полиціи. Когда наступило слѣдствіе по дѣлу ея товарищей, она узнала, конечно, что никто изъ нихъ не сознавался и что противъ нихъ не было никакихъ серьезныхъ уликъ, кромѣ тѣхъ, которыя дада она. Ужасъ такого положенія для любящей, вели-

кодушной и высокочестной дѣвушки можно себѣ представить. Она видѣла, что ея друзей ссылаютъ на которжныя работы вслѣдствіе ея показаній, она же не можетъ ни раздѣлитъ ихъ участь, ни объяснить имъ обманъ, жертвой котораго она была. Она являлась передъ ними низкимъ трусомъ, выдавшимъ своихъ товарищей для того, чтобы спасти себя. Нѣкоторое время раскаяніе и отчаяніе, овладѣвшее ею, было такъ сильно, что грозило кончиться съумасшествіемъ или самоубійствомъ, но, когда наконецъ къ ней вернулось самообладаніе, въ умѣ ея сталъ постепенно созрѣвать планъ мщенія за нестерпимое зло, причиненное ей, и она рѣшилась показать всему свѣту, что если она невольно выдала своихъ товарищей, то она не боится и раздѣлить ихъ участь. Она достала револьверъ, явилась къ полковнику Катанскому 8—20 августа 1884 г. и выстрѣлила въ него въ то время, когда онъ входилъ въ пріемную комнату. Пуля скользнула по его головѣ, слегка поранивъ одно ухо и засѣла въ стѣнѣ. Прежде чѣмъ она успѣла выстрѣлить еще разъ, онъ кинулся къ ней и выхватилъ револьверъ изъ ея руки. За это покушеніе Калюжную судили военно-окружнымъ судомъ 10 сентября того же года. Такъ какъ ея единственнымъ желаніемъ было попасть къ своимъ товарищамъ въ Сибирь, то она отказалась отъ всякой защиты и сама во всемъ созналась. Судъ обвинилъ ее въ умышленномъ нападеніи, съ цѣлью убійства, и приговорилъ къ 20-ти лѣтней каторжной работѣ. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ

начала послѣдняго акта этой печальной трагедіи. Случилось такъ, что я былъ въ городѣ Читѣ въ Восточной Сибири, 8 декабря 1886 года, когда Марія Калюжная выходила оттуда пѣшкомъ, въ арестантскомъ платьѣ, въ толпѣ закованныхъ арестантовъ, при температурѣ 20° ниже 0, по пути къ Корійскимъ рудникамъ. Я теперь испытываю какое-то грустное удовольствіе при мысли, что несчастная дѣвушка, уходя усталая и убитая съ этапа въ страшный морозъ декабрьскаго утра, знала, по крайней мѣрѣ, что тутъ есть американскій путешественникъ, который знаетъ ея исторію и разскажетъ современемъ міру, почему она покушалась на убійство. — Можетъ быть, подумаютъ, что такіе случаи рѣдки и исключительны, но я, къ сожалѣнію, долженъ сказать, что слышалъ подобныя исторіи отъ ссыльныхъ во всѣхъ мѣстахъ Сибири, а также отъ многихъ русскихъ оффиціальныхъ лицъ. Въ той же Одессѣ повторялись попытки такого-же обмана. Такъ, напр., годомъ раньше пытались обмануть посредствомъ подложныхъ показаній Фанни Морейнисъ, которая находится теперь въ ссылкѣ въ Забайкальской области. Тоже самое пробовали сдѣлать съ г-жею Кутитонской, которая теперь въ тюрьмѣ въ Иркутскѣ. Въ этихъ случаяхъ однако же планъ не удался. — Когда одиночнаго заключенія и обмана оказывается недостаточно для достиженія желательныхъ результатовъ, жандармы и судебныя лица прибѣгаютъ къ другимъ средствамъ, которыя, быть можетъ, менѣе безчестны, но одинаково жестоки. Въ мартѣ

1882 года ген. Стрѣльниковъ, находя, что одиночное заключеніе въ мрачной и дурно вентилированной Кіевской тюрьмѣ представляетъ само по себѣ не достаточно сильную пытку для заключенныхъ, чтобы довести ихъ до сознанія въ томъ, что они, по его предположенію, знали о революціонномъ движеніи, рѣшилъ сдѣлать ихъ положеніе еще болѣе невыносимымъ и сломить, если возможно, ихъ упорство, лишивъ ихъ свѣта. Подъ предлогомъ отнятія у нихъ возможности разговаривать другъ съ другомъ черезъ окна, онъ приказалъ придѣлать къ окнамъ всѣхъ камеръ, гдѣ сидѣли политическіе преступники, желѣзные щиты. Щитъ закрывалъ собою все окно и имѣлъ видъ простаго прямо-угольнаго ящика безъ крышки и безъ одной стороны. Онъ прилегалъ плотно къ окну сверху и съ боковымъ сторонъ, а снизу оставалось отверстіе. Результатомъ подобнаго устройства являлось почти совершенное лишеніе заключенныхъ свѣта и воздуха, а камеры превращались въ нѣчто похожее на погребъ или oubliette. Свѣтъ, проходившій черезъ отверстіе внизу щита, только позволялъ заключеннымъ различать день отъ ночи. Ремесленникъ, дѣлавшій эти щиты, замѣтилъ ген. Стрѣльникову, что они не будутъ отвѣчать той цѣли, для которой они предназначены, что говорить черезъ окна будетъ такъ же легко, какъ и прежде, но ему рѣзко отвѣтили, что это — не его дѣло. Конечно, жизнь заключенныхъ при такихъ условіяхъ сдѣлалась почти нестерпимой. Молодыя, нервныя и впечатлительныя дѣвушки ходили въ этой темнотѣ

изъ угла въ уголъ по своимъ камерамъ, близкія къ помѣшательству. Даже оффиціальныя лица тюремнаго персонала выражали страдальцамъ свое участіе и сожалѣніе. Наконецъ, послѣдніе обратились съ ходатайствомъ къ ген.-губернатору Дрентельну, прося его прислать чиновника осмотрѣть ихъ камеры, и, если возможно, вступиться за нихъ. Въ отвѣтъ на это ходатайство, кіевскій губернаторъ посѣтилъ, по приказанію генералъ-губернатора Дрентельна, тюрьму, вошелъ въ камеру одного молодаго студента, котораго я встрѣтилъ потомъ въ Сибири и спросилъ его: „какъ вы думаете, въ чемъ заключается назначеніе этихъ щитовъ?“ X. отвѣчалъ, что они устроены, по приказанію ген. Стрѣльникова для того, чтобы сдѣлать невозможнымъ разговоры между заключенными. „Достигаютъ ли они желаемой цѣли?“ спросилъ губернаторъ. „Нѣтъ, отвѣчалъ студентъ, я могу доказать вамъ, если вы желаете, что разговаривать черезъ окно также легко, какъ и раньше.“ „Покажите, пожалуйста, сказалъ губернаторъ.“ X. подошелъ къ окну и позвалъ заключеннаго нижней камеры. Товарищъ отвѣчалъ ему и они продолжали разговоръ, пока губернаторъ не заявилъ, что онъ удовлетворенъ. „Я понимаю, обратился онъ къ X., ваше положеніе, но я не могу дать вамъ никакой надежды на какую-нибудь перемѣну: въ настоящее время ген. Стрѣльниковъ дѣйствуетъ на основаніи власти, данной ему самимъ Государемъ, и онъ совершенно независимъ не только отъ ген.-губ. Дрентельна, но и отъ самого министра внутреннихъ

дѣлъ; поэтому губернскія власти ничего тутъ сдѣлать не могутъ." На другой день послѣ посѣщенія губернаторомъ тюрьмы ген. Стрѣльниковъ былъ убитъ въ Одессѣ. Щиты были тотчасъ-же сняты съ оконъ при радостномъ возбужденіи политическихъ преступниковъ, которыхъ это событіе до такой степени развеселило, что они предложили губернатору употребить эти желѣзные щиты, какъ матеріалъ для памятника ихъ изобрѣтателю. — У меня остается мѣсто только для краткаго описанія различныхъ другихъ способовъ вынужденія у арестованныхъ показаній, практикуемыхъ жандармами и лицами судебнаго вѣдомства. Одинъ изъ самыхъ жестокихъ между ними есть, по моему мнѣнію, слѣдующій: старыхъ и слабыхъ родителей запугиваютъ увѣреніями, что ихъ сыновья или дочери неизбѣжно должны быть повѣшены, если они не сознаются, и заставляютъ этихъ бѣдныхъ стариковъ, дрожащихъ отъ страха и горя, вымаливать признаніе у своихъ дѣтей. Чиновники отлично знаютъ, что дѣти не будутъ повѣшены, что даже въ высшей степени сомнительно, подлежатъ ли они суду. Ихъ держатъ въ тюрьмахъ только потому, что прокуроръ надѣется въ концѣ-концовъ добиться отъ нихъ показаній. Если пытка одиночнаго заключенія можетъ быть усилена этими мольбами полуобезумѣвшихъ родителей, тѣмъ лучше. Немного страха можетъ быть, полезно и для стариковъ: это научитъ ихъ наблюдать лучше за своими дѣтьми, а упорная рѣшимость дѣтей не выдавать своихъ товарищей сломится, быть можетъ, при

видѣ отчаянія и горя родителей. По мнѣнію правительства, средство это полезно для обѣихъ сторонъ. Мать одного кіевскаго студента Жебунева, женщина 65-ти лѣтъ, была такъ поражена живымъ описаніемъ ген. Стрѣльникова, какъ ея сынъ, если только онъ не сознается, будетъ качаться и болтать ногами въ воздухѣ съ петлей на шеѣ, что она упала въ обморокъ на полу прокурорской пріемной. Стрѣльниковъ, однако же, отлично зналъ, что у него въ рукахъ нѣтъ достаточно доказательствъ даже для того, чтобы судить Жебунева, не только для того, чтобы повѣсить его. Молодой студентъ, дѣйствительно, и не былъ судимъ, но былъ сосланъ въ Сибирь административнымъ порядкомъ. Другую престарѣлую мать одного ссыльнаго, котораго я встрѣтилъ въ Забайкальской области, увѣрили, что ея сынъ будетъ непремѣнно повѣшенъ, если онъ не скажетъ всего, что знаетъ, и подъ условіемъ, что мать постарается склонить сына къ признанію, позволили ей имѣть съ сыномъ свиданіе въ камерѣ. Тамъ произошла ужасная сцена: старая, сѣдая мать, обезумѣвшая отъ страха и задыхающаяся отъ рыданій, упала на колѣни передъ своимъ сыномъ, ухватилась за его ноги, прижимая къ нимъ свое лицо, облитое слезами, и умоляя его, ради любви къ ней, ради ея сѣдыхъ волосъ обѣщать, что онъ отвѣтитъ на вопросы жандармовъ. Страшное испытаніе, которому подверглись въ этой сценѣ чувство и рѣшимость заключеннаго, подавленнаго и обезсиленнаго многими мѣсяцами одиночнаго заключенія, любившаго

и уважавшаго свою мать, увидѣвшаго ее въ первый разъ послѣ своего ареста и, можетъ быть, въ послѣдней до своей ссылки въ Сибирь, — не можетъ быть передана никакими словами. Наконецъ, мать уходитъ, въ отчаяньи, прощаясь со своимъ сыномъ, какъ бы она прощалась съ умирающимъ, а въ сердцѣ сына, между тѣмъ, глубоко запечатлѣвается воспоминанье объ этихъ горькихъ минутахъ, о жестокомъ обманѣ его матери, о своихъ собственныхъ мукахъ и попыткѣ заставить служить полицейскимъ цѣлямъ самыя священныя человѣческія чувства. Это — такія воспоминанія, которыя притупятъ его нервы и закалятъ его сердце, когда наступитъ часъ мести.

Способъ выпытывать показанія, затрогивающій самыя глубокія и сильныя чувства человѣческаго сердца, практиковался болѣе или менѣе во всѣхъ русскихъ тюрьмахъ, гдѣ содержались политическіе преступники. Подробности каждаго случая, конечно, чрезвычайно разнообразны, смотря по обстоятельствамъ и степени изобрѣтательности инквизитора. Одному заключенному, напр., обѣщаютъ послѣ долгихъ мѣсяцевъ одиночнаго заключенія дать свиданіе съ матерью. Преисполненной радостной надеждой, онъ идетъ за караульнымъ черезъ мрачный и длинный корридоръ на тюремный дворъ, гдѣ его мать сидитъ на жесткой тюремной скамьѣ въ сорока или пятидесяти шагахъ отъ той двери, черезъ которую онъ выходитъ. При видѣ дорогаго лица, дышащаго любовью къ нему, измѣнившагося и состарѣвшагося отъ горя съ тѣхъ поръ, какъ онъ

въ послѣдній разъ видѣлъ ее, сердце его переполняется жалостью и нѣжностью и онъ кидается обнять ее, но караульный останавливаетъ его и говоритъ, что свиданіе должно произойти не здѣсь, а въ тюремной пріемной, куда его и ведутъ. Онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ десять минутъ, пятнадцать, полчаса, наконецъ, дверь отворяется, онъ, бросается къ двери, но его встрѣчаетъ не мать, а прокуроръ, который спрашиваетъ его, не измѣнилъ ли онъ, послѣ нѣкотораго размышленія, своего рѣшенія касательно отвѣтовъ на предложенные ему вопросы. Онъ отвѣчаетъ, что предполагалъ, что его привели сюда для свиданія съ матерью, а не для допроса. Прокуроръ однако же объявляетъ ему, что свиданіе съ родными — привиллегія, которая не дается упрямымъ и закоренѣлымъ преступникамъ, и что, если онъ не имѣетъ ничего болѣе прибавить къ своимъ показаніямъ, то его отведутъ опять въ камеру. Разочарованный, озлобленный юноша возвращается въ свое одиночество съ болѣе глубокой ненавистью въ сердцѣ и усиленною жаждою мести, а убитая горемъ мать, отчаянье которой возрасло при видѣ мелькнувшаго передъ ея глазами сына въ арестантскомъ платье, окруженнаго карауломъ, удаляется одинокая въ свою дальнюю деревню.

Вотъ другой случай, о которомъ я также слышалъ въ Сибири. Арестована была молодая замужняя женщина съ ребенкомъ. Она отказалась отвѣчать на вопросы, предлагаемые ей, съ цѣлью добыть улики противъ ея друзей, и жандармскій офицеръ,

производившій допросъ пригрозилъ ей отнять у нея ребенка, если она будетъ упорствовать. Тогда она обратилась къ прокурору съ вопросомъ, существуетъ ли такой законъ, по которому жандармскій офицеръ можетъ у нея отнять ребенка, если она откажется отвѣчать. Прокуроръ вмѣсто прямаго отвѣта сказалъ, что самое благоразумное для нея не поднимать вопроса о законности власти допрашивающаго офицера, а сказать ему откровенно все, что знаетъ, тогда, навѣрное, онъ не отниметъ у нея ребенка. Но даже ввиду такой странной для матери угрозы (ей еще не было 20 лѣтъ, когда я познакомился съ ней въ Сибири), она все же оказалась непоколебимой въ своемъ рѣшеніи не выдавать товарищей. Ребенка все-таки оставили у нея; но она находилась все время въ мучительномъ страхѣ, одно воспоминаніе о которомъ заставляло ее заливаться слезами.

Я посвятилъ столько мѣста этимъ иллюстраціямъ тюремныхъ нравовъ и средствъ выпытыванія показаній у политическихъ преступниковъ отчасти потому, что, мнѣ кажется, онѣ яснѣе всего даютъ представленіе о томъ состояніи умовъ, которое выразилось въ такъ называемой „террористической“ дѣятельности. Какъ ни смотрѣть на терроризмъ съ точки зрѣнія нравственности, но сказаннаго мною достаточно, чтобы понять причины, вызвавшія это явленіе, — и нѣтъ никакой нужды предполагать, что русскіе революціонеры страдаютъ маніей убійства, или что они — безчеловѣчно жестокіе люди.

Можно бы подумать, что оффиціальныя лица, способныя обращаться такимъ образомъ съ заключенными, люди по природѣ — жестокіе и безсердечные, но такое предположеніе было-бы во многихъ случаяхъ, можетъ быть, даже въ большинствѣ — ошибочнымъ. Многія изъ этихъ правительственныхъ лицъ отъ природы не хуже другихъ людей, но они воспитались при системѣ нетерпимости ко всякой оппозиціи, въ особенности, къ той формѣ оппозиціи, которая называется въ Россіи неповиновеніемъ; они привыкли смотрѣть на себя, какъ на повелителей народа, а не какъ на служителей его; они не чувствовали на себѣ лично всей тяжести правительственнаго гнета; они были раздражены и озлоблены долгой борьбой съ безстрашными, отчаянными людьми, мотивовъ и характеровъ которыхъ они ни могутъ понять и которыхъ они считаютъ безразсудными фанатиками и измѣнниками; наконецъ, ихъ харьера и ихъ состояніе зависятъ отъ успѣха въ этой борьбѣ.

Въ городѣ Читѣ, Восточной Сибири, я встрѣтилъ одного русскаго полковника Новикова, командовавшаго отрядомъ казаковъ, охранявшихъ Карійскіе рудники. Онъ былъ въ 1880 году однимъ изъ членовъ военнаго суда надъ Россиковой, Анной Алексѣевой и другими политическими преступниками въ Одессѣ. Это былъ человѣкъ приблизительно 45 лѣтъ, нѣжно привязанный къ своей семьѣ, хорошо и гуманно обращавшійся съ обыкновенными уголовными преступниками и вовсе не казавшійся человѣкомъ жестокимъ или мстительнымъ. И

вотъ этотъ-то образованный, учтивый, лично привлекательный человѣкъ, говоря со мною о политическихъ преступникахъ, въ судѣ надъ которыми онъ присутствовалъ, въ качествѣ судьи, сказалъ мнѣ: „если бы была моя воля, я всѣхъ бы ихъ выпоролъ шпицрутенами". Надо пояснить, что шпицрутены — это жестокое наказаніе, бывшее въ большомъ употребленіи въ Сибири въ прежнее время, прилагавшееся къ самому послѣднему разряду преступниковъ и извѣстное еще подъ другимъ названіемъ: „прогнать сквозь строй". Арестантъ, обнаженный до пояса, долженъ былъ проходить медленнымъ шагомъ между двумя рядами солдатъ, вооруженныхъ прутьями, достаточно тонкими, чтобы войти въ ружейное дуло, и получить отъ каждаго солдата по удару.

Число ударовъ назначалось отъ двухъ до пяти тысячъ. Двѣ тысячи составляли минимумъ, указанный въ законѣ. Человѣкъ, подвергнутый такому наказанію, если только онъ не былъ исключительно сильный и крѣпкій человѣкъ, обыкновенно падалъ безъ сознанія до полученія назначеннаго количества ударовъ, и его относили съ мѣста наказанія прямо въ больницу. — Вотъ этому то наказанію хотѣлъ подвергнуть полковникъ Новиковъ политическихъ преступниковъ и даже предлагалъ это суду, членомъ котораго состоялъ. „Если бы" — прибавилъ онъ — „ихъ наказывали подобнымъ образомъ, мы скоро увидѣли бы конецъ политической агитаціи". Если принять во вниманіе, что подобное наказаніе

политическихъ преступниковъ было дѣйствительно предложено и защищаемо однимъ изъ судей и что этотъ судья, казалось, не скрывалъ жестокость и варварство этой мѣры, то становится вовсе не удивительнымъ, что жандармскіе офицеры и прокуроры такъ легко смотрятъ на такія сравнительно жестокія вещи, какъ аресты невинныхъ вмѣстѣ съ виновными, запугиваніе родителей и обманъ упорныхъ и непокорныхъ, отказывающихся отъ показаній. Но я еще не исчерпалъ всего, что слѣдуетъ принять въ соображеніе, при желаніи объяснить себѣ, такъ называемую, политику „террора".

Другая причина „бѣлокалильной" интенсивности чувства и такого возмездія есть незаконное содержаніе подозрительныхъ въ политическомъ отношеніи лицъ цѣлыми мѣсяцами и годами въ одиночномъ заключеніи, пока полиція собираетъ по всей имперіи улики противъ нихъ. На судѣ цареубійцъ въ 1881 г. въ Петербургѣ г. Герардъ, одинъ изъ талантливѣйшихъ русскихъ адвокатовъ и одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ защитниковъ обвиняемыхъ, попытался обратить вниманіе суда на эту причину, напомнивъ хорошо извѣстный фактъ, что изъ тысячи слишкомъ лицъ, арестованныхъ по такъ называемой „революціонной пропагандѣ" съ 1872 по 1875 г. и содержавшихся въ одиночномъ заключеніи отъ одного до четырехъ лѣтъ, только 193 ч. были преданы суду и даже изъ этого числа 90 человѣкъ было оправданы судьями, избранными самимъ правитель-

ствомъ*). Другими словами болѣе 900 человѣкъ, невинность которыхъ была признана самимъ правительствомъ, были продержаны въ одиночномъ заключенiи срокомъ отъ одного до 4-хъ лѣтъ и впродолженiи этого времени 80 изъ нихъ, т. е. почти 10 %, лишили себя жизни или сошли съ ума**).

Прежде чѣмъ г. Герардъ успѣлъ договорить свою рѣчь, судъ остановилъ его и приказалъ ограничиться документами, касающими настоящаго дѣла***).

Я могъ бы въ случаѣ надобности, пользуясь одними оффицiальными документами, имѣющимися у меня, наполнить многiя страницы этого журнала именами молодыхъ людей обоего пола, пробывшихъ въ одиночномъ заключенiи отъ одного до 4-хъ лѣтъ,

*) Оффицiальный стенографическiй отчетъ процесса надъ цареубiйцами въ С.-Петербургѣ въ 1881 г. стр. 213—219.

**) Оффицiально засвидѣтельствованная копiя съ приговора суда по процессу 193-хъ, подписанная главнымъ секретаремъ Лютовскимъ и помѣченная 15-мъ февр. 1876 г., находится у меня, какъ и „обвинительный актъ" по этому дѣлу, документъ, содержащiй около 350 стр. in folio, скрѣпленный подписью В. Желиховскаго, тов. оберъ прок. кассац. департ. правит. сената.

***) Смѣлый и пылкiй революцiонеръ Мышкинъ, бывшiй однимъ изъ обвиняемыхъ по этому процессу, сдѣлалъ попытку изложить эти факты передъ судомъ въ своей защитительной рѣчи; ему тотчасъ же приказано было замолчать и, когда онъ не захотѣлъ повиноваться, приказано было жандармамъ вывести его изъ зала суда. За его упрямство и дерзкiя выраженiя на судѣ, его приговорили къ 10 годамъ каторги съ лишенiемъ правъ. (Приговоръ суда по вышеупомянутому процессу 193-хъ стр 13.) — Въ одной изъ слѣдующихъ статей я опишу жизнь Мишкина, который является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ характеровъ, выдвинутыхъ до сихъ поръ русскимъ революцiоннымъ движенiемъ.

признанныхъ судомъ невиновными или освобожденныхъ безъ суда, потому что полиція, не смотря на свою безграничную власть арестовывать, сажать въ тюрьму, допрашивать, не могла найти даже такихъ уликъ противъ нихъ, которыя давали бы законное основаніе хотя-бы для заключенія ихъ на одну ночь. Я опишу въ другомъ мѣстѣ, что должны были испытать эти невинные люди; теперь же я хочу обратить вниманіе только на то, что они были заключены въ тюрьму и что въ концѣ-концовъ само правительство признало ихъ невинными. Все вышеизложенное, надо замѣтить, основано не на партійныхъ показаніяхъ, а на непогрѣшимомъ авторитетѣ оффиціальныхъ документовъ.

Естественно возникаетъ вопросъ: какая причина заставляла откладывать на такое долгое время судъ надъ 1000 слишкомъ заключенными?

Отвѣтъ правительства состоитъ въ томъ, что обвиняемые замѣшаны въ революціонномъ заговорѣ, имѣвшемъ очень широкое распространеніе во всѣхъ частяхъ имперіи; что всѣ они связаны между собою такъ тѣсно, что нѣтъ никакой возможности судить ихъ отдѣльно и что судебныя власти не могутъ составить себѣ яснаго понятія о дѣлѣ, пока не будутъ собраны, разсмотрѣны и сопоставлены всѣ улики относительно всѣхъ заподозрѣнныхъ*). Но обвинявшіеся по этому процессу всѣ единогласно отри-

*) Приговоръ по процессу 193-хъ. Засвидѣтельствованная копія стр. 15.

цаютъ истину этого аргумента. Они говорятъ, что не участвовали въ полномъ составѣ ни въ какомъ революціонномъ заговорѣ; что дѣйствія ихъ въ то время не были преступны; что болѣе трехъ четвертей изъ нихъ были совершенно незнакомы другъ съ другомъ и не имѣли между собой никакихъ сношеній; что дѣло ихъ можно было очень легко раздѣлить и что, наконецъ, само правительство раздѣлило на 18 группъ тѣхъ 193-хъ, которые были преданы суду. Не выражая своего мнѣнія объ справедливости недовольства обвинявшихся, я долженъ сказать, что, мнѣ кажется, какъ несомнѣнно должно казаться и всякому непредубѣжденному человѣку, что отвѣтъ правительства, съ точки зрѣнія оправданія его дѣйствій, недостаточенъ, если бы даже былъ правдивъ. Въ предисловіи обвинительнаго акта этого процесса было сказано: „Осенью 1874 года большая часть пропагандистовъ были заключены въ тюрьму, хотя нѣкоторымъ и удалось избѣжать ареста и продолжать снова свою преступную дѣятельность до начала 1875 г.“ *).

Судъ состоялся только 18 октября 1877 года **); такъ что большая часть пропагандистовъ, включая и тѣ 90 лицъ, которыя были признаны судомъ невинными, пробыли въ одиночномъ заключеніи съ осени 1874 года до 18 октября 1877 года, т. е. впродолженіи 3-хъ лѣтъ. Многіе изъ обвинявшихся были заключены въ мрачные

*) Обвинительный актъ по процессу 193-хъ, стр. 8.
**) Приговоръ суда по этому же процессу.

казематы Петропавловскві крѣпости и, какъ видно изъ обвинительнаго акта, 40 человѣкъ находилось еще тамъ, когда судъ начался. Сказать въ свое оправданіе, какъ говоритъ правительство, что оно содержало 90 невинныхъ человѣкъ въ тюрьмѣ въ продолженіи 3-хъ лѣтъ и болѣе 800 другихъ невинныхъ отъ одного года до двухъ лѣтъ, потому что оно не могло судить ихъ отдѣльно другъ отъ друга и не сочло возможнымъ въ болѣе короткое время собрать и разсмотрѣть улики противъ всѣхъ 1000 лицъ вмѣстѣ, далеко недостаточно, чтобы снять съ себя обвиненія въ несправедливости и жестокости, опирающееся на такой фактъ, что болѣе 800 жизней искалѣчено и 80 человѣкъ умерло, лишило себя жизни и сошло съ ума въ тюрьмѣ.

Процессъ пропагандистовъ былъ, конечно, совершенно исключительный. Я не знаю ни одного примѣра, гдѣбы столько заключенныхъ такъ долго оставалось безъ суда, гдѣ бы число обвиняемыхъ было такъ страшно непропорціонально числу признанныхъ дѣйствительно виновными. Впрочемъ, судебная процедура въ Россіи всегда и вездѣ чрезвычайно медленна.

Долгій срокъ одиночнаго заключенія между арестомъ и судомъ причиняетъ много страданій заключеннымъ и вселяетъ чувство страшной обиды въ сердца тѣхъ, которыхъ, въ концѣ-концовъ, объявляютъ невинными.

Такъ, одинъ изъ 193-хъ, который былъ оправданъ судомъ, сказалъ мнѣ съ грустью: „Они наказываютъ насъ прежде тремя го-

дами одиночнаго саключенія, а потомъ судятъ, чтобы рѣшить, слѣдуетъ ли насъ наказывать“.

Ходъ дѣла обвиняемаго въ политическомъ преступленіи, при обыкновенныхъ, нормальныхъ условіяхъ, приблизительно — слѣдующій: его арестуютъ безъ малѣйшаго предупрежденія, обыкновенно ночью, и запираютъ въ тюрьму.

По прошествіи надѣли или двухъ одиночнаго заключенія, его подвергаютъ предварительному допросу, который ведется жандармскимъ офицеромъ. Для того чтобы онъ не подготовился къ допросу, ему обыкновенно не сообщаютъ, въ чемъ собственно онъ обвиняется.

Жандармы держатся теоріи, что если обвиняемый знаетъ сущность обвиненія, то онъ можетъ сообразить, къ чему будутъ клониться вопросы и подготовиться къ отвѣтамъ на нихъ. Если же онъ ничего не знаетъ объ обвиненіи н даже не знаетъ, допрашивается ли онъ, какъ свидѣтель или какъ обвиняемый, то онъ не такъ быстро пойметъ, къ чему клонятся вопросы, и не такъ будетъ подготовленъ отпаририровать ихъ, и легче будетъ поймать его на неосторожныхъ отвѣтахъ. Жандармы оправдываютъ такой способъ дѣйствія тѣмъ, что, „если обвиняемый — невиненъ, то это не можетъ повредить ему, если же онъ виновенъ, то, конечно, нельзя допустить, чтобы онъ сбилъ съ толку допрашивающихъ и ускользнулъ изъ рукъ правосудія. Цѣль допроса теперь, по крайней мѣрѣ, — не его дѣло. Все, что обязанъ онъ дѣлать, — это

отвѣчать на вопросы". Само собой разумѣется, что обвиняемый, находясь въ такой неизвѣстности, защищаетъ себя и своихъ товарищей при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Если онъ будетъ отвѣчать на всѣ вопросы, онъ не знаетъ, куда это можетъ привести его; если же онъ откажется отвѣчать, то продлитъ безъ всякой надобности свое заключеніе въ тюрьмѣ и дастъ жандармамъ право прибѣгнуть по отношенію къ нему къ тѣмъ мѣрамъ, которыя я здѣсь описывалъ.

Большая часть арестованныхъ избираетъ средній путь, отвѣчая на одни вопросы, отказываясь отъ другихъ. Допросъ оканчивается, когда жандармъ убѣждается, что больше ничего не можетъ вывѣдать. Тогда обвиняемаго ведутъ опять въ камеру, — и проходитъ другая недѣля, въ теченіи которой жандармы отбираютъ показанія о немъ отъ его знакомыхъ и друзей, отъ полиціи, которая, можетъ быть, уже за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, имѣла тайный надзоръ за нимъ, и отъ всѣхъ лицъ, кто объ немъ можетъ что-либо знать. Вся эта масса показаній препровождается затѣмъ къ прокурору вмѣстѣ съ отчетомъ и замѣчаніями, которыя жандармскій офицеръ считаетъ нужнымъ сдѣлать. Прокуроръ тщательно изучаетъ дѣло, сравниваетъ показанія обвиняемаго съ показаніями свидѣтелей вмѣстѣ съ комментаріями и соображеніями жандармовъ и составляетъ программу новаго ряда вопросовъ, которые должны быть предложены на второмъ допросѣ, болѣе оффиціальномъ и долженствующемъ закончить дѣло для

препровожденія его къ министру юстиціи. Какъ я уже говорилъ, до этого времени арестованному ничего неизвѣстно о томъ, въ чемъ его обвиняютъ; онъ не знаетъ, привлеченъ ли онъ, какъ свидѣтель или какъ обвиняемый; онъ не читалъ ни одного показанія, на основаніи которыхъ ставятся вопросы; у него нѣтъ защитника; онъ не знаетъ ничего о томъ, что совершается за стѣнами тюрьмы со времени его ареста. Трудно представить болѣе беззащитное положеніе.

Прокуроръ начинаетъ допросъ, объявляя арестованному, что онъ обвиняется въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ такими-то и такими статьями уложенія о наказаніяхъ. Большая часть политическихъ обвиненіи основывается на статьяхъ 245, 249 и 250, которыя гласятъ такъ. Ст. 245. Изобличенные въ составленіи и распространеніи письменныхъ и печатныхъ сочиненій или изображеній, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ Верховной власти, или же къ личнымъ качествамъ Государя, или къ управленію его государствомъ, — приговариваются, какъ оскорбители Величества: къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на время отъ 10 до 12 лѣтъ. (Наказаніе это ведетъ за собой ссылку въ Сибирь на всю жизнь, по окончаніи срока каторжныхъ работъ. Пр. автора.) — Ст. 249. За бунтъ противъ Верховной власти, т. е. возстаніе скопомъ, заговоромъ противъ Государя и государства, а равно за умыселъ ниспровергнуть правительство во всемъ государствѣ или въ

нѣкоторой части онаго, или же перемѣнить образъ правленія или установленный законами порядокъ наслѣдія престола и для составленія на сей конецъ заговора, или принятія участія въ составленномъ уже для того заговорѣ, или же въ дѣйствіяхъ онаго съ знаніемъ о цѣли сихъ дѣйствій, или же въ сборѣ храненій или раздачѣ оружія и другихъ приготовленіяхъ къ бунту, — всѣ, какъ главные въ томъ виновные, такъ и сообщники ихъ, подговорщики, подстрекатели, пособники, попустители и укрыватели подвергаются: лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни. Тѣ, которые, знавъ о такомъ злоумышленіи и приготовленіи къ приведенію онаго въ дѣйствіе и имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, не исполнили сей обязанности, приговариваются къ тому же наказанію.

Ст. 250. Когда, означенное въ статьѣ 249, злоумышленіе открыто правительствомъ заблаговременно, такъ что ни покушеній, ни смятеній, ни иныхъ вредныхъ послѣдствій не произошло, однако, виновные обнаружили умыселъ дѣйствовать для достиженія своей преступной цѣли насильственно, то они, вмѣсто смертной казни, приговариваются, смотря по большей или меньшей важности преступнаго ихъ умысла, по степени ихъ участія въ заговорѣ и другимъ обстоятельствамъ дѣла: къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ на время отъ 12 до 15 лѣтъ, или же въ крѣпостяхъ на время отъ 10 до 12 лѣтъ. Если же виновные не обнаружили умысла дѣйствовать насильственно, но со-

ставили общество направленное къ достиженію, хотя бы и въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ цѣлей, указанныхъ въ 249 ст., или вступили въ подобное общество, то они, смотря по степени ихъ участія въ сообществѣ и другимъ обстоятельствамъ дѣла, подвергаются: или лишеніи всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на время отъ 4-хъ до 6-ти лѣтъ, или лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, или же лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ крѣпости на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до четырехъ лѣтъ. — Статьи эти, какъ видно, обнимаютъ очень многое. Подъ нихъ подходятъ не только попытки ниспровергнуть существующее правительство vi et armis, не только дѣйствіе, цѣль котораго возбудить неуваженіе къ правительству, но онѣ налагаютъ наказаніе за одно намѣреніе измѣнить существующій строй въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ путемъ мирнаго разсужденія и поднятія уровня народнаго развитія. Даже и это еще не все. — Человѣкъ можетъ быть вполнѣ преданъ правительству, онъ могъ никогда не выражать никакой мысли, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ государю или государеву правительству и, не смотря на это, если онъ узнаетъ случайно, что его сестра или братъ, или другъ принадлежатъ къ обществу, замышляющему „измѣненіе существующаго правительственнаго строя", и, если онъ не пойдетъ добровольно къ шефу жандармовъ и не выдастъ своего

брата, сестру или друга, законъ ссылаетъ его въ Сибирь на всю жизнь. — Когда арестованному объявлятъ въ началѣ допроса, что онъ обвиняется въ преступленіяхъ, предусмотренныхъ ст. 245, 249 и 250 свобода уголовныхъ законовъ, то онъ почти такъ же мало знаетъ, какъ и прежде. Онъ можетъ быть обвиненъ „въ оскорбленіи Величества“ или же въ намѣреніи измѣнить „существующій строй государства“ . . . въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, или же можетъ подлежать каторжнымъ работамъ за недонесеніе своевременно шефу жандармовъ, что онъ считаетъ свою сестру, принадлежащею къ тайному обществу. Онъ можетъ, впрочемъ, утѣшить себя тѣмъ, что, когда, наконецъ, произнесутъ надъ нимъ приговоръ, самая степень наказанія укажетъ ему приблизительно сущность вины, за которую онъ судился. — Второй допросъ во всѣхъ отношеніяхъ совершенно такой же, какъ и предварительный, кромѣ того, что онъ ведется самимъ прокуроромъ и основывается на большемъ количествѣ данныхъ. По оканчаніи его, обвиняемаго заставляютъ подписать свои показанія и затѣмъ снова отводятъ въ камеру. Прокуроръ разрабатываетъ дѣло по своему усмотрѣнію, выставляя тѣ обвиненія, которыя онъ читаетъ доказанными, и отправляетъ его со всѣми документами министру юстиціи. Послѣ этого заключенному, если онъ не выказалъ упорства или сопротивленія, даруются нѣкоторыя привилегіи. Два раза въ недѣлю онъ можетъ имѣть свиданія съ своими родными въ присутствіи жандармскаго офицера.

Онъ можетъ писать и получать открытыя письма и ему даются книги. Но самыя эти привилегіи имѣютъ свои темныя стороны. Родные, которые приходятъ для свиданія съ нимъ, могутъ быть арестованы и сосланы въ Сибирь административнымъ порядкомъ*). Письма, которыя онъ получаетъ, могутъ быть на половину зачеркнуты полиціей, черезъ руки которой они проходятъ, а единственныя книги, которыя ему даютъ, это — Библія и Сводъ Уголовныхъ Законовъ. Документы по дѣлу обвиняемаго доходятъ до министра юстиціи въ теченіи срока отъ одного до трехъ мѣсяцевъ. Тамъ они могутъ пролежать въ ожиданіи разсмотрѣнія еще три мѣсяца или даже и шесть мѣсяцевъ. Когда, наконецъ, министръ приступитъ къ дѣлу и разсмотритъ его, онъ можетъ сдѣлать одно изъ четырехъ. Во-первыхъ, если обвиненія покажутся ему недостаточными даже для заключенія обвиняемаго въ тюрьму, онъ отдаетъ приказъ объ освобожденіи его, какъ это и было съ 800 „пропагандистами". Во-вторыхъ, если обвиненіе само по себѣ недостаточно доказано, но заставляетъ предполагать что-нибудь дѣйствительно серьезное, онъ отсылаетъ его обратно къ прокурору, съ приказаніемъ продолжать слѣдствіе. Результатъ: — дальнѣйшее про-

*) Одинъ молодой революціонеръ, по имени Майданскій, былъ повѣшенъ въ Одессѣ въ 1879 г. Его мать, престарѣлая крестьянка, услыхавъ, что сынъ ея приговоренъ къ смерти, пришла въ тюрьму, чтобы съ нимъ проститься. Ей не позволили видѣться съ нимъ; сама она была арестована и сослана административнымъ порядкомъ въ Красноярскъ Восточной Сибири.

медленіе еще мѣсяцевъ на шесть, по крайней мѣрѣ. Въ-третьихъ, если обвиненій недостаточно, для того чтобы судъ могъ признать виновность, и вмѣстѣ съ тѣмъ министръ убѣжденъ, что обвиняемый дѣйствительно настолько неблагонадеженъ, что было бы опасно освободить его, онъ отдаетъ приказаніе о ссылкѣ его въ Сибирь административнымъ порядкомъ на срокъ не болѣе пяти лѣтъ. Въ-четвертыхъ, если доказательства обвиненія, представленныя прокуроромъ таковы, что могутъ быть убѣдительны и для суда, онъ назначаетъ надъ нимъ судъ. Это рѣшеніе зависитъ не отъ министра юстиціи, а отъ комиссіи при департаментѣ полиціи, и производится по высочайшему повелѣнію. Отъ министра юстиціи дѣло идетъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, гдѣ оно опять ждетъ своей очереди для разсмотрѣнія. Министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ одобрить или не одобрить рѣшеніе министра юстиціи. Въ первомъ случаѣ оно идетъ къ царю для окончательнаго утвержденія, во второмъ — снова пріостанавливается для дальнѣйшаго разсмотрѣнія или же возвращается прокурору для пополненія. Результатомъ всей этой процедуры, каждый шагъ которой замедляется, благодаря большому числу разныхъ департаментовъ и министерскихъ канцелярій, является продолжительная неизвѣстность, въ которой заключенный находится со времени ареста до окончанія дѣла, освобожденія или ссылки. Многіе изъ политическихъ преступниковъ, съ дѣлами которыхъ я познакомился въ Сибири, пробыли

въ тюрьмѣ отъ одного года до двухъ съ половиною лѣтъ, прежде чѣмъ были сосланны въ Сибирь. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ срокъ заключенія былъ еще гораздо длиннѣе. Соломонъ Чудновскій, который теперь находится въ ссылкѣ въ Томскѣ, ждалъ окончанія своего дѣла отъ 27-го января 1874 года до 18-го іюля 1878 года, т. е. въ теченіи 4-хъ лѣтъ и шести мѣсяцевъ. Почти все это время онъ находился въ одиночномъ заключеніи, а впродолженіе 20-ти мѣсяцевъ онъ пробылъ въ одномъ изъ казематовъ Петропавловской крѣпости. Такой долгій срокъ приводитъ въ отчаяніе родныхъ и друзей даже такого заключеннаго, который навѣрно будетъ признанъ виновнымъ, но онъ можетъ просто свести съ ума тѣхъ, кто считаетъ своихъ дочерей, сыновей, сестеръ и братьевъ или друзей невинными, — тѣхъ, которые могутъ ожидать, что ихъ родственники умрутъ или лишать себя жизни до суда въ тюрьмѣ. — Въ 1886 году умерла въ Петербургѣ молодая дѣвушка, которой не было еще 20 лѣтъ, по фамиліи Ѳедотова, слушательница высшихъ женскихъ курсовъ этого города. Она была арестована за годъ передъ тѣмъ по какому-то политическому подозрѣнію и содержалась въ одиночной камерѣ Дома Предварительнаго Заключенія до тѣхъ поръ, пока ея здоровье совсѣмъ разстроилось, и ее, опасно больную, перевезли въ госпиталь, гдѣ она умерла отъ нервной горячки въ бреду. Когда мать ея, госпожа Ѳедотова, узнала о смерти молодой дѣвушки, она отправилась къ начальнику полиціи и спросила, когда

будутъ хоронить ея дочь, такъ какъ она хотѣла присутствовать на похоронахъ. Ей сказали, что похороны должны быть въ такомъ-то часу на слѣдующее утро. Власти не позволяютъ роднымъ умершаго политическаго самимъ хоронить его, ни даже сопровождать его тѣло до могилы, если только есть основаніе бояться такъ называемой, на оффиціальномъ языкѣ демонстраціи, т. е. публичнаго выраженія сочувствія. Въ этомъ случаѣ боялись, чтобы товарищи молодой дѣвушки по курсамъ не послѣдовали за ея гробомъ въ процессіи и чтобы наиболѣе горячіе изъ нихъ не попытались говорить рѣчи или привлечь какимъ-нибудь инымъ образомъ общественное вниманіе на тотъ фактъ, что молодая дѣвушка, заподозрѣнная въ политическомъ преступленіи, умерла въ тюрьмѣ безъ суда. Если бы пубчичные похороны были допущены и если бы друзья покойной попробовали устроить демонстрацію, то полиція должна была бы вмѣшаться, а такое вмѣшательство не только возбудило-бы общественное мнѣніе, но и повлекло бы къ новымъ арестамъ. Кромѣ того, самое вмѣшателъство полиціи при похоронахъ было бы очень непріятно; оно имѣло бы видъ, будто бьютъ мертваго. Ясно, что при такихъ обстоятельствахъ сохраненіе общественной тишины и порядка, и забота о самой молодежи, могущей пострадать вслѣдствіе своей излишней горячности, вполнѣ отправдывали тайныя похороны. Согласно такому разсужденію начальникъ полиціи приказалъ похоронить молодую дѣвушку ночью, не давъ знать

никому изъ родныхъ и друзей. Такъ ее и похоронили. Когда въ назначенный часъ на слѣдующее утро г-жа Ѳедотова пришла въ госпиталь для того, чтобы отдать послѣднюю единственную возможную дань любви безжизненному тѣлу своей дочери и проводить ее до могилы, ей объявили, что похороны уже состоялись. Когда она затѣмъ отправилась къ начальнику полиціи и спросила его, гдѣ похоронена ея дочь, то получила въ отвѣтъ: „это — наше дѣло". Эта печальная исторія была разсказана мнѣ въ первый разъ издателемъ одной извѣстной С.-Петербургской газеты, который, конечно, не посмѣлъ ее напечатать. Послѣ того я слыхалъ и отъ другихъ и въ концѣ-концовъ имѣлъ возможность провѣрить ее и узнать всѣ подробности изъ разговора съ однимъ лицомъ, занимавшемъ оффиціальное мѣсто въ той больницѣ, гдѣ молодая дѣвушка умерла. Для того, чтобы лучше выяснить связь между подобными фактами и такъ называемой политикой „террора", я попрошу читателя этихъ страницъ отвѣтить на одинъ вопросъ, который былъ поставленъ мнѣ: „Представьте себѣ, что вашу единственную дочь, учащуюся дѣвушку, не достигшую еще 20-ти лѣтъ, арестуютъ вслѣдствіе смутныхъ подозрѣній въ политической неблагонадежности, сажаютъ въ тюрьму и держатъ ее тамъ безъ суда въ одиночномъ заключеніи впродолженіе года; что она тамъ умираетъ, наконецъ, заболѣвъ отъ тяжелаго одиночества и горя; что вамъ не позволили быть при ея смерти и что

васъ обманули относительно времени ея похоронъ; что въ концѣ-концовъ, когда вы почтительно обращаетесь къ начальнику полиціи и спрашиваете, гдѣ похоронена ваша убитая дочь, для того чтобы, по крайней мѣрѣ, омочить слезами свѣжую землю ея могилы, вы получаете презрительный отвѣтъ: „это — наше дѣло". Я спрашиваю, чтобы вы тогда сдѣлали? — Страшная жажда мести за такія злодѣянія не можетъ быть оправдана съ нравственной точки зрѣнія; она противна христіанскому ученію; если хотите, она преступна, но она вполнѣ естественна. Нельзя называть человѣка жестокимъ, кровожаднымъ фанатикомъ за то только, что получая такіе удары и не имѣя никакихъ средствъ къ защитѣ, онъ хватается за первое орудіе, которое находится у него подъ руками. Я не имѣлъ намѣренія выставлять этотъ и подобные факты въ оправданіе политики террористовъ или въ защиту убійствъ, какъ средства ослабленія деспотизма, но я хотѣлъ объяснить, насколько это для меня возможно, нѣкоторыя болѣзненныя общественныя явленія. Взявъ на себя этотъ трудъ, я чувствовалъ на своей совѣсти долгъ сказать міру за русскихъ революціонеровъ все то, что они бы могли сказать сами, если бы уста мертвыхъ не превратились уже въ прахъ и если бы голоса живыхъ не были заглушены тюремными стѣнами. Русское правительство имѣетъ свою печать и своихъ представителей заграницей; оно можетъ объяснить, если пожелаетъ свой образъ дѣйствій и защитить себя отъ

тѣхъ обвиненій, которое оно считаетъ неосновательными. Русскіе же революціонеры, заживо похороненные въ отдаленныхъ сибирскихъ пустыняхъ, могутъ разсказывать свою исторію только случайному путешественнику изъ болѣе свободной страны и просить его повергнуть ее на судъ всего міра.

# Чудная.

(В. Короленки.)

— Скоро-ли станція, ямщикъ?

— Не скоро еще, до мятели врядъ-ли доѣхать; вишь закружавило какъ, сивера идетъ.

Да, видно, до мятели не доѣхать. Къ вечеру становится все холоднѣе. Слышно, какъ снѣгъ подъ полозьями поскрипываетъ; зимній вечеръ, сивера гудитъ въ темномъ бору, вѣтви елей протягиваются къ узкой лѣсной дорогѣ и грозно качаются съ опускающемся сумракѣ ранняго вечера.

Холодно и неудобно. Кибитка узка, подъ бока давитъ, да еще некстати тутъ-же шашка и револьверъ провожатыхъ болтаются. Колокольчикъ выводитъ какую-то длинную, однообразную пѣсню въ тонъ завывающей мятели.

Къ счастью, — вотъ и одинокій огонекъ станціи на опушкѣ гудящаго бора.

Мои провожатые, бряцая цѣлымъ арсеналомъ оружія, стряхиваютъ снѣгъ въ жарко натопленной, темной, закопченной избѣ. Бѣдно и непривѣтливо. Хозяйка укрѣпляетъ въ свѣтильнѣ дымящую лучину.

— Нѣтъ-ли чего поѣсть у тебя, хозяйка?

— Ничего нѣтъ-то у насъ...

— А рыба? Рѣка тутъ у васъ недалече?

— Была рыба, да выдра всю позобила.

— Ну, картошка?

— Померзла картошка-то у насъ нонѣ.

Дѣлать нечего; хлѣба дала хозяйка, самоваръ къ удивленію нашелся, и то слава богу.

Погрѣлись чайкомъ, хлѣбца поѣли, луковицъ принесла хозяйка въ лукошкѣ. А вьюга на дворѣ разыгрывалась, мелкимъ снѣгомъ въ окно сыпала и по временамъ даже свѣтъ лучины вздрагивалъ и колебался.

— Нельзя вамъ ѣхать-то будетъ, — ночуйте.

— Что-же, ночуемъ. Вамъ, вѣдь, господинъ, торопиться-то некуда тоже. Видите, — тутъ сторона-то какаа, ну, а тамъ еще хуже, вѣрьте слову. —

Въ избѣ все смолкко. Даже хозяйка сложила свою пряслицу съ пряжей и улеглась, переставъ свѣтить лучину. Водворилпсь мракъ и молчаніе, нарушаемые только порывистыми ударами налетавшаго вѣтра. Я не спалъ. Въ головѣ, подъ шумъ бури, поднимались и летѣли одна за другой тяжелыя мысли.

— Не спится, видно, господинъ, — произнесъ одинъ изъ провожатыхъ, — „старшій" — человѣкъ довольно симпатичный, съ пріятнымъ, даже какъ будто интелигентнымъ лицемъ расторопный, знающій свое дѣло и потому не педантъ. Въ пути онъ не прибѣгаетъ къ ненужнымъ стѣсненіямъ и формальностямъ.

— Да, не спится. —

Нѣкоторое время проходитъ въ молчаніи, но я слышу, что и мой сосѣдъ не спитъ, —

видно, и въ его головѣ бродятъ какія-то мысли. Другой провожатый, — молодой „подручный“ — спитъ сномъ здороваго, но крѣпко утомленнаго человѣка. Временами онъ что-то невнятно бормочетъ.

— Удивляюсь я вамъ, — слышится опять ровный, грудной голосъ унтера, — народъ молодой, люди благородные образованные, можно сказать, — а какъ свою жизнь проводите.

— Какъ?

— Эхъ, господинъ. Неужто мы не можемъ понимать?... Довольно понимаемъ, что вы не въ эдакой, можетъ, жизни были и не къ этому съ измальства привыкли...

— Ну, это вы пустое говорите, — дѣло не въ томъ, къ чему съ измальства привыкли, — было время и отвыкнуть...

— Неужто весело вамъ? — произноситъ онъ тономъ сомнѣнья.

— Не весело, что и говорить... А вамъ весело? —

Молчаніе. Гавриловъ (будемъ такъ называть моего собесѣдника), повидимому, о чемъ-то думаетъ.

— Нѣтъ, господинъ, что я вамъ скажу... Вѣрьте слову, иной разъ бываетъ, просто, кажется, на свѣтъ не глядѣлъ-бы... съ чего ужъ это такъ бываетъ, — не знаю, только иной разъ такъ подступитъ, такъ подступитъ — ножъ острый, да и только.

— Служба, что-ли, тяжелая?

— Служба службой... Конечно, не прогулка, да и начальство, надо сказать, строгое, а только все-же не съ этого.

— Такъ отчего-же?

— Кто знаетъ? —

Опять молчаніе.

— Еще теперь обтерпѣлся немного, — привыкъ. Ну, и начальство не оставляетъ, въ унтеръ-офицеры произведенъ, штрафовъ никакихъ не бывало, да и домой скоро — въ отставку...

— Такъ что-же?

— А вотъ я вамъ, господникъ, разскажу, — случай какой со мной былъ... Поступилъ я на службу въ 1874 году, въ эскадронъ прямо изъ сдаточныхъ. Служилъ хорошо, можно сказать, съ полнымъ усердіемъ, все больше по нарядамъ: въ народъ куда, къ театру, — сами знаете. Грамотѣ хорошо обученъ, ну, и начальство не оставляло. Маіоръ у насъ землякъ мнѣ былъ, и какъ видя мое стараніе, призываетъ разъ меня къ себѣ и говоритъ: „Я тебя, Гавриловъ, въ унтеръ-офицеры представлю; ты въ командировкахъ бывалъ-ли?“ „Никакъ нѣтъ“, говорю, „ваше в—діе.“ „Ну“, говоритъ, „въ слѣдующій разъ назначу тебя въ подручные; присмотришься, — дѣло не хитрое.“ „Слушаю“, говорю, „ваше в—діе, радъ стараться!“ А въ командировкѣ я точно что не бывалъ ни разу, — вотъ съ вашимъ братомъ значить. Оно хоть, скажемъ, дѣло не хитрое, а все же, знаете, инструкціи надо усвоить, да и расторопность нужна. Ну, хорошо... Черезъ недѣлю этакъ мѣста, зоветъ меня дневальный къ начальнику и унтеръ-офицера одного вызываетъ. Пришли. „Вамъ“, говоритъ, „въ командировку ѣхать.“ „Вотъ тебѣ“, говоритъ унтеръ-офицеру, — „подручный. Онъ

еще не бывалъ. Смотрите — не зѣвать, справьтесь“, говоритъ, „ребята, молодцами; барышню вамъ везти изъ замка. Вотъ вамъ инструкція, завтра деньги получай — и съ Богомъ.“ Ивановъ, унтеръ-офицеръ, въ старшихъ со мной ѣхалъ, а я въ подручныхъ, — вотъ, какъ у меня теперь другой-то жандармъ. Старшему инструкція дается, деньги онъ на руки получаетъ, бумаги тоже, онъ, расписывается, счеты эти ведетъ, ну, а рядовой въ помощь ему дается: послать куда, за вещами присмотрѣть, то, другое... Ну, хорошо. Утромъ, чуть свѣтъ еще, отъ начальства вышли, — гляжу: Ивановъ мой ужъ выпить гдѣ-то успѣлъ. А человѣкъ онъ былъ, надо прямо говорить, неподходящій, — разжалованъ теперь. На глазахъ у начальства — какъ слѣдуетъ быть унтеръ-офицеру, и даже такъ, что на другихъ кляузы наводилъ, — выслуживался. А чуть съ глазъ долой, сейчасъ и завертится, и первымъ долгомъ выпить любилъ.

Пришли мы въ замокъ, какъ слѣдуетъ, бумагу вручили, ждемъ, стоимъ. Любопытно мнѣ, — какую барышню везти-то прійдется, и везти назначено намъ по маршруту далеко. По самой этой дорогѣ ѣхали; только въ городъ она назначена была, а не въ волость. Вотъ мнѣ и любопытно въ первый разъ, — жду свою. Только прождали этакъ съ часъ мѣста, пока ея вещи собирали, а и вещей-то съ ней узелокъ маленькій, — юбка тамъ, ну, то, другое, сами знаете. Книжки тоже были, и больше ничего съ ней не было; небогатыхъ, видно, родителей, думаю. Только выводятъ ее;

смотрю, молодая еще, какъ есть ребенкомъ мнѣ показалась. Волосы русые, въ одну косу убраны, на щекахъ румянецъ у нея въ ту пору такъ и горѣлъ, а потомъ, увидѣлъ я, блѣдная, какъ есть бѣлая во всю дорогу была. Такъ мнѣ ее жалко стало, то есть такъ жалко, просто, ну.

Стала она пальто одѣвать, калоши... Вещи осмотрѣть приказали; правило значитъ: по инструкціи мы вещи осмотрѣть обязаны. „Деньги, спрашиваемъ, съ вами какія будутъ?“ — Рубль двадцать копѣекъ оказалось, — старшій къ себѣ взялъ. „Васъ, барышня“, говоритъ ей, „я обыскать обязанъ.“ Какъ тутъ она вспыхнетъ. Глаза это у нея загорѣлись, румянецъ еще гуще выступилъ. Губы тонкія, сердитыя... Какъ посмотрѣла на насъ, — вѣрите, — я и подступиться не посмѣлъ. Ну, а старшій, извѣстно, выпивши былъ, лѣзетъ къ ней прямо... „Я“, говоритъ, „обязанъ; у меня“, говоритъ, „инструкція.“ Какъ крикнетъ она тутъ, даже Ивановъ и тотъ отъ нея попятился. Гляжу я на нее, лицо поблѣднѣло, ни кровинки, а глаза ровно вотъ почернѣли, и злая-презлая... Ногой топаетъ, говоритъ шибко, — только я, признаться, хорошо и не слушалъ, что она говорила... Смотритель тоже испугался, воды ей принесъ въ стаканѣ... „Успокойтесь, просить ее, пожалуйста“, говоритъ, „сами себя пожалѣйте.“ А она и на него тутъ напала... „Варвары“, говоритъ, „вы, холопы.“ Ну, и много дерзкихъ словъ ему выражала. Какъ хотите, — супротивъ начальства это, вѣдь, не хорошо. Такъ мы ее и не обыскивали. Увелъ ее

смотритель въ другую комнату, да съ надзирательницей тотчасъ-же и вышли они; — „ничего“, говоритъ, „при нихъ нѣтъ.“ А она на него глядитъ и точно вотъ смѣется ему въ лицо, а глаза-то злые такіе. А Ивановъ — извѣстно, пьяному море по колѣно, — смотритъ, да все свое бормочетъ: „не по закону, у меня“, говоритъ, „инструкція.“ Только смотритель вниманія не взялъ. — Поѣхали. По городу проѣзжали, все она въ окна кареты глядитъ; точно прощается, либо знакомыхъ увидѣть хочетъ. А Ивановъ взялъ да занавѣску-то опустилъ, — окно и закрылъ. Забилась она въ уголъ, прижалась и глядитъ на насъ. А я, признаться, не утерпѣлъ таки: взялъ это одну занавѣску, будто самъ поглядѣть хочу, — и открылъ, такъ чтобъ ей видно было... Только она и не посмотрѣла въ окно и все такая же сердитая, въ уголку сидитъ, губы закусила, — въ кровь, такъ я себѣ думалъ, искусаетъ.

Поѣхали по желѣзной дорогѣ. Погода ясная этотъ день стояла, осенью это дѣло было, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Солнце-то свѣтитъ, да вѣтеръ свѣжій, осенній, а она въ вагонѣ окно отворитъ, сама высунется на вѣтеръ, такъ и сидитъ. По инструкціи-то оно не полагается, знаете, окно открывать, да Ивановъ мой, какъ въ вагонъ ввалился, такъ и захрапѣлъ, а я не смѣлъ ей сказать. Потомъ осмѣлился, подошелъ это къ ней и говорю: „Барышня“, говорю, „закройте окно.“ Молчитъ и вниманія не взяла, будто не ей я говорю, а сама-то, я знаю, слышитъ. Постоялъ я тутъ, постоялъ, а по-

томъ опять говорю: „Простудитесь, барышня, холодно вѣдь.“ Обернула она лицо-то мнѣ и точно вотъ удивилась чему. Поглядѣла на меня, да и говоритъ тихо таково: „оставьте“, говоритъ, и опять въ окно высунулась, а я махнулъ рукой и отошелъ въ сторону. Стала она спокойнѣе. Закроетъ окно, въ пальтишко закутается вся, грѣется видно: вѣтеръ, говорю, свѣжій былъ, студено. А потомъ опять къ окну идетъ и опять на вѣтру вся, послѣ тюрьмы-то, видно, не наглядится. Повеселѣла даже, глядитъ себѣ и даже улыбаться стала, и такъ на нее хорошо въ тѣ поры смотрѣть было, вѣрьте совѣсти: если бы начальство отдало, такъ бы, кажется, сейчасъ ее женой къ себѣ взялъ, вмѣсто ссылки.

Отъ города на тройкѣ ѣхать пришлось. Ивановъ-то у меня пьянъ-пьянешенекъ; проспится и опять заливаетъ. Вышелъ изъ вагона, — шатается. Ну, думаю, плохо, какъ бы денегъ казенныхъ не растерялъ. Ввалился въ почтовую телѣгу, легъ это и захрапѣлъ тотчасъ. Сѣла она рядомъ, — неловко. Посмотрѣла на него, ну точно вотъ на гадину на какую. Подобралась такъ, чтобъ не тронуть его какъ-нибудь, вся въ уголку прижалась, а я-то ужъ на облучекъ усѣлся. Какъ поѣхали, вѣтеръ-то холодный, я и то продрогъ, и ей, гляжу, холодно. Закашляла крѣпко и платокъ къ губамъ поднесла, а на платкѣ, гляжу, кровь. Такъ меня будто кто въ сердце булавкой кольнулъ. „Эхъ“, говорю, „барышня, — какъ можно. Больны вы, а въ какую погоду поѣхали, — очень холодно... Нешто, го-

ворю, можно этакъ?“ Вскинула она на меня глазами, посмотрѣла, и точно опять у нея внутри закипать стало. „Что вы“, говоритъ“, глупы, что-ли? Не понимаете, что я не по своей волѣ ѣду. Хорошъ, говоритъ, — самъ везетъ, да туда же еще съ сожалѣніемъ суется.“ — „Вы бы“, говорю, „начальству заявили, — въ больницу хоть слегли бы, чѣмъ въ этакой холодъ, ѣхать. Дорога-то вѣдь не близкая.“ — „А куда?“ — спрашиваетъ. А намъ, знаете, строго запрещено объяснять преступникамъ, куда ихъ везти приказано. Видитъ она, что я позамялся, и отвернулась. „Не надо“, говоритъ, „это я такъ... Не говорите, да ужъ и сами не лѣзьте.“ — Не утерпѣлъ я. „Вотъ“, говорю, „куда вамъ ѣхать. Не близко.“ — Сжала она губы-то свои, брови сдвинула, да ничего не сказала. Покачалъ я головою: „Вотъ то-то“, говорю, „барышня. Молоды вы, не знаете еще, что это значитъ.“ Крѣпко мнѣ досадно было, а она посмотрѣла, да и говоритъ: „напрасно вы такъ думаете. Знаю я хорошо, что это значитъ, а въ больницу все таки не слягу. Спасибо. Лучше ужъ помирать, такъ на волѣ, а не въ больницѣ вашей тюремной. Вы думаете, говоритъ, отъ вѣтру я, что-ли, заболѣла, отъ простуды? какъ бы не такъ.“ „Тамъ у васъ“, спрашиваю, „сродственники находятся?“ Это я потому, какъ она мнѣ выразила, что у своихъ поправляться хочетъ. „Нѣтъ“, говоритъ, „у меня тамъ ни родни, ни знакомыхъ. Городъ-то мнѣ чужой, да вѣрно, такіе, какъ и я, ссыльные есть, товарищи.“ Подивился я, какъ это она чужихъ людей

своими называетъ; неужели, думаю, кто ее безъ денегъ такъ поитъ, кормитъ станетъ, да еще незнакомую. Только не сталъ ее распрашивать, потому, вижу я, брови подымаетъ, недовольна, зачѣмъ, я распрашиваю. Только къ вечеру гляжу: тучи надвинулись вѣтеръ подулъ холодный, а тамъ и дождь пошелъ. Грязь и прежде была невысохши, а тутъ до того грязно стало, просто кисель на дорогѣ, да и только. Спину то мнѣ какъ есть грязью всю забрызгало, да и ей порядочно попадать стало. Однимъ словомъ сказать, что погода, на ея несчастье, пошла самая скверная: дождикомъ прямо въ лицо сѣчетъ; оно хоть, положимъ, кибитка-то крытая, и рогожей я ее закрылъ, да куда тутъ. Течетъ всюду, продрогла, гляжу, вся дрожитъ и глаза закрыла. По лицу капли дождевыя потекли, а щеки блѣдныя, и не двинется она, точно въ безчувствіи. Испугался я даже. Вижу, дѣло-то выходитъ неподходящее плохое дѣло...

Въ Я*** городъ самымъ вечеромъ пріѣхали. Разбудилъ Иванова, со станціи вышли, — велѣлъ я самоваръ согрѣть. А изъ города изъ этого пароходы ходятъ, только по инструкціи намъ на пароходѣ возить строго воспрещается. Она хоть нашему брату выгоднѣе — экономію загнать можно, — да боязно. На пристани, знаете, полицейскіе стоятъ, а то и нашъ братъ, жандармъ мѣстный, кляузу подвесть завсегда можетъ. Вотъ барышня-то и говоритъ: „я, говоритъ, далѣе на почтовыхъ не поѣду; какъ знаете, говоритъ, пароходомъ везите.“ А Ивановъ еле глаза продралъ съ похмѣлья,

— сердитый ... — „Вамъ“, говоритъ, „объ этомъ разсуждать не полагается. Куда повезутъ, туда и поѣдете.“ Ничего она ему не сказала, а мнѣ говоритъ: „слышали, говоритъ, что я сказала: не ѣду!“. Отозвалъ я тутъ Иванова въ сторону. „Надо“, говорю, „на пароходѣ везти. Вамъ бы лучше: экономія останется.“ Онъ на это пошелъ, только трусить ... „Здѣсь“, говоритъ, „полковникъ есть, такъ какъ бы чего не вышло; ступай, говоритъ, опросись, мнѣ, говоритъ, нездоровится чтото.“ А полковникъ неподалеку жилъ. — „Пойдемъ“, говорю, „вмѣстѣ и барышню съ собой возьмемъ.“ Боюсь я: Ивановъ-то, думаю, спать завалится спьяну, такъ какъ-бы чего не вышло. Чего добраго, уйдетъ она, или надъ собой что сдѣлаетъ, въ отвѣтъ попадемъ. Ну, пошли мы къ полковнику. Вышелъ онъ къ намъ, „что надо?“ спрашиваетъ. Вотъ она ему и объясняетъ, да тоже съ нимъ не ладно говоритъ. Ей-бы попросить хорошенько: такъ и такъ, молъ, сдѣлайте милость, а она тутъ по своему заговорила. „По какому праву“, говоритъ, — ну, и прочее, все, знаете, дерзкія слова выражаетъ. Выслушалъ онъ ее и ничего, — смирно таково отвѣчаетъ: „Не могу-съ“, говоритъ; „ничего я тутъ не могу. По закону ... нельзя.“ Гляжу, барышняя-то моя раскраснѣлась вся, глаза точно вотъ угли. — „Законъ!“ говоритъ, и засмѣялась по своему сердито, да громко. „Такъ точно“, полковникъ ей, „законъ-съ!“ Признаться, я тутъ позабылся немного, да и говорю: „Точно что, Ваше в—діе, законъ, да онѣ, ваше в—діе, больны.“ Посмотрѣлъ онъ на

меня строго... — „Какъ твоя фамилія?“ спрашиваетъ. „А вамъ, барышня“, говоритъ, „если больны вы, — въ больницу тюремную не угодно-ли-съ?“ Отвернулась она и пошла вонъ, слова не сказала. Мы за ней. Не захотѣла въ болницу, да и то надо сказать: ужъ если на мѣстѣ не осталась, а тутъ безъ денегъ, да на чужой сторонѣ, точно что не приходится. Ну, дѣлать нечего. Ивановъ на меня накинулся. — „Что, молъ, теперь будетъ: непремѣнно изъ за тебя, дурака, въ отвѣтѣ оба будемъ.“ Велѣлъ лошадей запрягать и ночь переждать не согласился, такъ въ ночь и выѣзжать пришлось. Подошли мы къ ней: „пожалуйте“, говоримъ, „барышня, лошади поданы.“ А она на диванъ прилегла, только согрѣваться стала. Вспрыгнула она на ноги, встала передъ нами, выпрямилась вся, прямо на насъ смотритъ, — даже, скажу вамъ, страшно мнѣ на нее глядѣть стало.

„Проклятые вы,“ говоритъ, — опять по своему что-то заговорила, непонятно. Ровно-бы и по русски говоритъ, да нечего понять невозможно. Только сердито очень, да жалко говорила: „Ну, говоритъ, теперь ваша воля, вы меня замучить можете, — что хотите дѣлайте. Ѣду!“ А самоваръ-то все на столѣ стоитъ, она еще и не пила. Мы съ Ивановымъ свой чай заварили, и ей я налилъ. Хлѣбъ съ нами бѣлый былъ, я тоже ей отрѣзалъ. „Выкушайте, говорю, на дорогу-то. Ничего, хоть согрѣетесь немножко.“ — Она калоши надѣвала, повернулась ко мнѣ, смотрѣла, смотрѣла, потомъ плечами повела и говоритъ: „Что это за чело-

вѣкъ такой? Совсѣмъ вы, кажется, сумасшедшій. Стану я вашъ чай пить...“ Повѣрите-ли, до чего мнѣ обидно тогда стало. И по сейчасъ вспомню, и то сердце бьется. Вотъ вы не брезгаете-же съ нами хлѣбъ-соль ѣсть. Рудакова господина везли, татъ тоже не брезгалъ. А она побрезгала. Велѣла себѣ потомъ на другомъ столѣ самоваръ особо согрѣть и ужъ извѣстно: за чай, за самоваръ втрое заплатила... Чудная!“ —

Разсказчикъ смолкъ и на нѣкоторое врешя въ избѣ водворилась тишина, нарушаемая только ровнымъ дыханіемъ младшаго жандарма.

— Вы не спите? спросилъ у меня Гавриловъ.

— Нѣтъ, продолжайте, пожалуйста: я слушаю.

— ... „Много я отъ нея,“ продолжалъ разсказчикъ, помолчавъ, — „много муки тогда принялъ. Дорогой-то, знаете, ночью все дождикъ, погода злая... Лѣсомъ поѣдешь, — лѣсъ стономъ стонетъ. Ее-то мнѣ и не видно, потому ночь темная, ненастная, зги не видать, а, повѣрите, такъ она у меня передъ глазами стоитъ, то есть даже то того, что всегда ночью и днемъ ее вижу: и глаза ея, и лице, сердитое, блѣдное, и какъ она озябла вся, а сама глядитъ куда-то все, точно все мысли свои про себя въ головѣ ворочаетъ. Какъ со станціи поѣхали, сталъ я ее тулупомъ одѣвать. Надѣньте“, говорю, „тулупъ-то, все, знаете, теплѣе.“ Кинула тулупъ съ себя. „Вашъ“, говоритъ, „тулупъ, вы и надѣвайте.“ Тулупъ точно что

мой былъ, да догадался я и говорю ей: „не мой,“ говорю; „по закону, говорю, вамъ полагается.“ Ну, одѣлась... Только и тулупъ не помогъ; какъ разсвѣло, глянулъ я на нее, а на ней лица нѣтъ. Какъ со станціи опять поѣхали, приказала она Иванову на облучекъ сѣсть. Поворчалъ онъ, да не посмѣлъ ослушаться, тѣмъ болѣе, — хмѣль-то у него прошелъ немного. Я съ ней рядомъ сѣлъ. Трое сутокъ мы ѣхали и нигдѣ не ночевали. Первое дѣло: по инструкціи сказано не останавливаться на ночлегъ, а въ случаѣ сильной усталости, не иначе, какъ въ городахъ, гдѣ есть караулы. Ну, а тутъ, сами знаете, какіе города. Да и сама-то все торопитъ, — скорѣй ей все хотѣлось на мѣсто.

Пріѣхали таки на мѣсто; точно гора у меня съ плечъ долой, какъ городъ мы завидѣли. И надо вамъ сказать: въ концѣ она почитай что на рукахъ у меня доѣхала. Вижу, лежитъ она въ повозкѣ безъ чувства, тряхнетъ на ухабѣ телѣгу, такъ она головой о переплетъ и ударится. Поднялъ я ее на руку, на правую, такъ и везъ, — все легче. Сначала оттолкнула было меня, — „прочь“, говоритъ, — „не прикасайтесь!“ — А потомъ ничего... Можетъ оттого, что въ безпамятствѣ была... Глаза-то закрыты, вѣки совсѣмъ потемнѣли и лицо лучше стало, не такое сердитое. И даже такъ было, что засмѣется сквозь сонъ и просвѣтлѣетъ будто. Вѣрно ей, бѣдной, хорошее во снѣ грезилось... Какъ къ городу подъѣзжать стали, очнулась она, поднялась... Погода-то прошла, солнце выглянуло, — вотъ и она пове-

селѣла. Изъ губерніи-то ее далѣе отправили, въ городѣ губернскомъ не оставили, и мнѣ-же ее дальше везти пришлось: тамошніе жандармы въ разъѣздахъ были. Крѣпко измучилась она, да все-же веселая уѣзжала. Какъ уѣзжать намъ, — гляжу, въ полицію народу набирается, — барышни молодыя, да господа студенты, видно, изъ ссыльныхъ ... И все точно знакомые съ ней говорятъ, за руку здороваются, расспрашиваютъ. Денегъ ей сколько-то принесли, платокъ на дорогу. Проводили ... Ѣхала веселая, только кашляла часто и на насъ не смотрѣла даже, точно насъ и не бѣло. Пріѣхали въ уѣздный городъ, гдѣ ей жить назначено; сдали ее подъ росписку. Сейчасъ она фамилію какую-то называетъ. „Здѣсь", говоритъ, „такой-то?" — Сдѣсь, отвѣчаютъ.

Исправникъ пріѣхалъ, — „гдѣ", говоритъ, „жить станете?" — „Не знаю", говоритъ, „но пока къ Рязанову пойду." Покачалъ онъ головой, а она собралась и ушла, съ нами не попрощалась ...

— Что-жъ — такъ вы больше ее и не видѣли?

— „Видѣлъ, да лучше ужъ не видать было ... И скоро даже я опять ее увидѣлъ. Какъ пріѣхали мы изъ командировки, сейчасъ насъ опять парядили и опять въ ту-же сторону. Студента одного везли. Веселый такой, пѣсни хорошо пѣлъ и выпить былъ не дуракъ. Его еще дальше послали. Вотъ поѣхали мы черезъ городъ, тотъ самый, гдѣ ее оставили, и стало мнѣ любопытно про житье-то ее узнать." — „Тутъ," спрашиваю, „барышня-то наша?" — „Тутъ", говорятъ,

„только чудная она какая-то; какъ пріѣхала, такъ прямо къ ссыльному пошла, и никто ее послѣ не видалъ, — у него и живетъ...“ Кто говоритъ: „больна она,“ а то баютъ: въ родѣ она у него, какъ за любовницу живетъ. Известно, народъ болтаетъ — не видали. А я-то знаю, какъ она живетъ-то съ нимъ. Вспомнилось мнѣ, что она говорила: „помереть мнѣ у своихъ хочется.“ И такъ мнѣ любопытно стало, и не то, что любопытно, а, попросту сказать, такъ меня и потянуло. Схожу, думаю, повидаю ее. Пошелъ, добрые люди дорогу показали; а жила она въ концѣ города. Домикъ махонькій, дверца низенькая. Вошелъ я къ ссыльному-то къ тому, гляжу, — чисто у него, комнатка свѣтлая, въ углу кровать стоитъ, и занавѣской уголъ отгороженъ. А рядомъ мастерская у него махонькая, — тамъ на скамейкѣ другая постель положена. Какъ вошелъ я, она-то на постели сидѣла, шалью обернута и ноги подъ себя подобрала, шьетъ что-то. А ссыльный рядомъ на скамейкѣ сидитъ, въ книжкѣ ей что-то вычитываетъ. Шьетъ она, а сама слушаетъ. Стукнулъ я дверью, она какъ увидала, приподнялась, за руку его схватила, да такъ и замерла. Глаза большіе стали, темные да страшные... Ну, все, какъ и прежде бывало, только еще блѣднѣе сама мнѣ показалась. За руку то его крѣпко стиснула, онъ испугался, къ ней кинулся. „Что“, говоритъ, „съ вами, успокойтесь.“ А самъ не видитъ меня. Потомъ отпустила она руку-то его, съ постели встать хочетъ. „Прощайте, говоритъ ему, видно, имъ для меня смерти хорошей жалко. Прощайте!“

Тутъ и онъ обернулся, меня увидалъ, — какъ вскочитъ на ноги ... Думалъ я — тутъ онъ меня и убьетъ, право. Они, знаете, подумали, что опять ее брать пріѣхали. Только видитъ онъ, стою я ни живъ, ни мертвъ, — самъ испугался, да и одинъ ... Повернулся къ ней, за руку взялъ, засмѣялся. „Да успокойтесь вы“, говоритъ, — „а вамъ, спрашиваетъ меня, что здѣсь понадобилось?“ Очень мнѣ совѣстно стало, что испугалъ я ее. Сказалъ ему, что повидать пришелъ, да и она меня узнала. Вижу я, сердится все, какъ и прежде. Ну вотъ сердится, да и только, — такъ и закипаетъ; кажется, ужъ я всей душой радъ былъ услужить, а она какъ глянетъ, точно ты змѣей ей лютой кажешься. Разобралъ онъ, въ чемъ дѣло, засмѣялся къ ней, сталъ ей говорить что-то. Не все я понять-то могъ, вы, вѣдь, господа, чудно промежъ себя говорите. Онъ то спокойно говоритъ, тихо таково, а она сердито, да дерзко. Ссыльный-то ей: „Вы“, говоритъ, „разберитъ: вѣдь, человѣкъ къ вамъ пришелъ, а не жандармъ.“ А она ему: „а зачѣмъ онъ служитъ?“

Господи! думаю, неужто я и не человѣкъ для нея. Нешто по своей волѣ я ей худое что сдѣлалъ. Такъ мнѣ горько стало. „Извините“, говорю, „что испугалъ васъ.“ „Это“, говоритъ, „ничего, что испугали. Не въ томъ дѣло.“ Неловко мнѣ стало. „Прощайте!“ говорю. Она ничего не сказала, а онъ повернулся, руку мнѣ подалъ, спросилъ, далеко-ли ѣдемъ ... „Поѣдете назадъ, заходите“, говоритъ, „пожалуй.“ А она смотритъ на него, да усмѣхается по своему;

„не понимаю", говоритъ. А онъ ей: „поймете", говоритъ, „когда-нибудь, сердце у васъ не злое."

Когца назадъ мы ѣхали, призываетъ начальникъ старшаго и говоритъ: „Вамъ тутъ оставаться впредь до распоряженія; телеграмму получилъ: бумагу вамъ ждать по почтѣ." Остались мы. — Вотъ я опять къ нимъ пошелъ, то есть не къ нимъ, а такъ мимо пошелъ, а тамъ, дай, думаю, зайду, — хоть у хозяевъ про нее спрошу. Зашелъ. Говоритъ хозяинъ домовый: „плохо", говоритъ, „какъ-бы не померла. Боюсь въ отвѣтъ не попасть-бы, потому собственно, что попа звать не хотятъ." Только стоимъ мы, разговариваемъ, а въ это самое время ссыльный вышелъ. Увидѣлъ меня, поздоровался, да и говоритъ: „опять пришелъ? Что-же, войди, пожалуй." Я и вошелъ тихонько, а ссыльный за мной вошелъ. Поглядѣла она, да и спрашиваетъ: „опять этотъ человѣкъ? Вы, что-ли, его позвали?" — „Нѣтъ", говоритъ, „не звалъ я, — самъ пришелъ." Я не утерпѣлъ и говорю ей: „Что", говорю, „барышня, — за что вы сердце противъ меня имѣете? точно я врагъ вамъ какой?" — „Врагъ", говоритъ, „а вы развѣ не знаете? Врагъ!" Голосъ у ней слабый сталъ, тихій, на щекахъ румянецъ такъ и горитъ и столь лицо у нея пріятное, — кажется, не наглядѣлся-бы. Вижу: не жилица она на бѣломъ свѣтѣ, сталъ прощенья просить, — какъ-бы, думаю, безъ прощенья не умерла. „Простите меня", говорю, „коли вамъ зло какое сдѣлалъ." Опять, гляжу, закипаетъ . . . „Простить!

Вотъ еще! Никогда не прощу, и не думайте, никогда!“

Разсказчикъ опять смолкъ и задумался. Потомъ продолжалъ тише, и какъ будто сосредоточенно. — Опять у нихъ промежду себя разговоръ пошелъ. Вы вотъ человѣкъ образованный, по ихнему понимать должны, такъ я вамъ скажу, какія слова упомнилъ. Какъ стали они тише говорить, спокойнѣе, я и вслушался. Слова-то запали, и по сейчасъ помню, а смыслу не знаю. Онъ говоритъ: „Поймите, не прощеніе важно, человѣка признайте. Простить — другое дѣло, онъ самъ-бы, можетъ“, говоритъ, „не простилъ-бы.“ А потомъ уже совсѣмъ чудно заговорили; другъ на друга смотрятъ безъ сердца, а по словамъ-то будто ругаются. Онъ ей: „Вы“, говоритъ, „сектантка.“ — „А вы, она — ему, холодный, равнодушный человѣкъ.“ Какъ она это слово сказала, онъ даже вскочилъ. — „Равнодушный?“ говоритъ, „ну, вы сами знаете, что неправду сказали!“ — „Пожалуй“, она говоритъ, и засмѣялась ему, — „а вы-то развѣ правду?“ — „А я“, говоритъ, „правду.“ Задумалась она, руку ему протянула, онъ руку-то взялъ, а она въ лицо ему посмотрѣла, посмотрѣла, да и говоритъ: „Да, вы, пожалуй, и правы.“ А я стою, какъ дуракъ, смотрю, а у самого такъ и сосетъ что-то у сердца, — этакъ и подступаетъ. Потомъ обернулась она ко мнѣ, посмотрѣла и на меня безъ гнѣва и руку подала. „Вотъ“, говоритъ, „что я вамъ скажу: никогда васъ не прощу, слышите? враги мы. Ну, а руку вамъ даю, желаю вамъ человѣкомъ стать. — Устала я“, говоритъ ему . . . Я и ушелъ.

Померла она скоро. Какъ хоронили ее, я и не видѣлъ, у исправника былъ. Только на другой день ссыльнаго этого встрѣтилъ. Подошелъ къ нему, гляжу: на немъ и лица нѣтъ. Росту онъ былъ высокаго, съ лица серьезный, да ранѣе привѣтливо смотрѣлъ, а тутъ звѣремъ на меня какъ есть глянулъ. Подалъ было руку, а потомъ вдругъ руку мою бросилъ, и самъ отвернулся. „Не могу", говоритъ, „я тебя видѣть теперь. Уйди, братецъ. . . Бога ради уйди. . . Потомъ, коли еще въ городѣ останешься, заходи, пожалуй." Опустилъ голову, да и пошелъ, а я на фатеру пришелъ, и такъ меня засосало, просто два дня пищи не принималъ. Тоска... На третій день исправникъ призвалъ меня и говоритъ: „можете теперь отправляться; пришла бумага, да поздно." Видно, опять намъ ее везти пришлось-бы, да ужъ Богъ пожалѣлъ, самъ убралъ.

. . . Только что еще со мной послѣ случилось, — не конецъ, вѣдь, еще. Назадъ ѣдучи, пріѣхали на станцію одну. Входимъ въ комнату, а тамъ на столѣ самоваръ стоитъ, закуска всякая, и старушка какая-то сидитъ, хозяйку чаемъ угощаетъ. Чистенькая старушка, маленькая, да веселая такая и говорливая. Все хозяйкѣ про свои дѣла разсказываетъ.

„Вотъ", говоритъ, „собрала я пожитки, домъ-то, по наслѣдству который достался, продала и поѣхала къ моей голубкѣ. То-то обрадуется. Ужъ и побранитъ, разсердится, — знаю, что разсердится, а все же рада будетъ. . . Писала мнѣ, не велѣла пріѣзжать. Чтобъ даже ни въ какомъ слу-

чаѣ не смѣла я къ ней ѣхать... Ну, да ничего это.“

Такъ тутъ меня ровно кто подъ лѣвый бокъ толкнулъ. Вышелъ я въ кухню. „Что за старушка?“ спрашиваю у дѣвки прислуги. — „А это“, говоритъ, „самой той барышни, что въ тотъ разъ везли, матушка родная будетъ.“ Вѣрите, тутъ меня шатнуло даже. Видитъ дѣвка, какъ я въ лицѣ разстроился, спрашиваетъ: „что“, говоритъ, „служивый съ тобою?“ — „Тише“, говорю, „барышня-то умерла.“ Тутъ дѣвка эта, — и дѣвка-то, надо сказать, гулящая была, съ проѣзжающими баловала — а тутъ какъ всплеснетъ руками, да какъ заплачетъ, и изъ избы вонъ. Взялъ я шапку, да и самъ вышелъ, слышалъ только, какъ старушка въ залѣ съ хозяйкой все болтаютъ; и такъ мнѣ этой старушки страшно стало, такъ страшно, что выразить невозможно. Побрелъ я прямо по дорогѣ, послѣ уже Ивановъ меня съ телѣгой догналъ, я и сѣлъ.

...Вотъ какое дѣло. А исправникъ донесъ, видно, начальству, что я къ ссыльнымъ ходилъ, да и полковникъ Я—скій тоже донесъ, какъ я за нее заступался, — одно къ одному и подошло. Не хотѣлъ меня начальникъ въ унтеръ-офицеры представлять. „Какой ты унтеръ-офицеръ“, говоритъ, „баба ты! Въ карцеръ-бы тебя, дуракъ!“

Только я въ то время въ равнодушіи находился и даже нисколько не жалѣлъ ничего. И все я это барышню сердитую забыть не могъ, да и теперь то-же самое: такъ и стоитъ, бываетъ, передъ глазами.

Что-бы это значило? Кто-бы мнѣ объяснилъ? Да вы, господинъ, не спите?

Я не спалъ... Глубокій мракъ закинутой въ лѣсу избушки томилъ мою душу, и скорбный образъ умершей дѣвушки вставалъ въ ней подъ глухія рыданія бури...

Вл. Короленко.

# За Байкаломъ.

(Разсказъ.)

Такъ называемый „Кругоморскій трактъ“ ведетъ изъ Иркутска на Култукъ, огибаетъ съ Запада Байкальское озеро и тянется вдоль южнаго берега Байкала до Посольскаго монастыря, находящагося почти у устьевъ рѣки Селенги. Двадцать пять лѣтъ назадъ, задумавши починку этого тракта, русское правительство остановилось на мысли употребить для этой цѣли поляковъ, сосланныхъ въ Сибирь за участіе въ возстаніи 1863 года.

Трактъ идетъ у подножья высокихъ горъ, круто спускающихся къ озеру и покрытыхъ снизу до верху первобытнымъ лѣсомъ. Ущелья и потоки на всякомъ шагу пересѣкаютъ дорогу. Между Култукомъ и Посольскимъ, на протяженіи около двухсотъ верстъ, жилыя мѣста попадаются лишь возлѣ почтовыхъ станковъ, равномѣрно отстоящихъ одинъ отъ другого. Дикъ и негостепріименъ этотъ трактъ въ настоящее время, но еще диче онъ былъ въ 65 году, когда, подъ руководствомъ правительственнаго инженера Шаца, приступлено было къ работамъ. Земляные бараки, служившіе для помѣщенія ссыльныхъ, въ сырой таежной мѣстности, тяжелый трудъ и отсутствіе хорошаго питанія (такъ какъ завѣдующій ссыльно-ка-

торжными полковникъ Черняевъ крайне небрежно, а нѣкоторые утверждаютъ — просто недобросовѣстно, относился къ дѣлу снабженія провіантомъ) привели къ печальнымъ послѣдствіямъ: въ партіи открылись болѣзни съ ужасающимъ процентомъ смертности. Работы продолжались все лѣто 65 г.; съ наступленіемъ осени ссыльные были перевезены для зимовки на сѣверный берегъ Байкала, въ Лиственичное, расположенное у истока Ангары.

Между тѣмъ, въ то же время, по сибирскому тракту нескончаемыми вереницами двигались на востокъ новыя партіи ссыльныхъ. Сибирскія тюрьмы были переполнены поляками; въ Иркутскѣ — главномъ пунктѣ Восточной Сибири — скопленіе ссыльныхъ достигало невѣроятныхъ размѣровъ.

Среди этой-то массы людей*), еще не осѣвшихся и поддерживавшихъ сношенія другъ съ другомъ, а самое важное — отъ души ненавидѣвшихъ русское правительство, стала, мало-по-малу, зрѣть мысль объ организаціи возстанія въ самой Сибири. Это было вполнѣ естественно: отсутствіе въ Сибири войска бросалось въ глаза, и потому можно было вѣрить въ успѣхъ возстанія. На первыхъ порахъ были мечты черезчуръ широкія; такъ какъ въ заговорѣ принимали участіе и нѣкоторые изъ русскихъ, то думали чуть ли не объ отдѣленіи Сибири. Но постепенно цѣль съузилась и свелась, главнымъ образомъ, къ бѣгству изъ мѣста

*) Общая цифра всѣхъ ссыльныхъ поляковъ по 63 году достигаетъ 17—18 тысячъ.

ссылки. Иркутскій тюремнмй замокъ былъ центральнымъ пунктомъ конспираціи. Ссыльные знали, что съ наступленіемъ весны ихъ должны были отправить на „Кругоморскій трактъ“ для работъ, и тамъ, за Байкаломъ, они рѣшили привести свой планъ въ исполненіе.

Руководителемъ заговора являлся нѣкій Цѣлинскій. Еще въ царствованіе Николая I онъ былъ сосланъ на Кавказъ въ солдаты; послѣ долгало времени, ему удалось дослужиться тамъ до офицерскаго чина, и теперь вторично онъ шелъ въ ссылку за участіе въ возстаніи 63 года. Это былъ высокій старикъ съ длинными, сѣдыми усами, державшійся нѣсколько сутуловато и смотрѣвшій исподлобья. Рядъ годовъ, проведенныхъ въ конспираціяхъ, наложилъ на него свою печать. Угрюмый, мало общительный, онъ недовѣрчиво и подозрительно относился къ людямъ. Зимою съ 65 на 66 годъ Цѣлинскій сносился по дѣлу заговора съ Шарамовичемъ, старостою партіи, зимовавшей въ Лиственичномъ, и между ними состоялось соглашеніе.

Заговоръ со всякимъ днемъ росъ. Трудно было не вѣрить въ успѣхъ. Слабые конвои, подъ надзоромъ которыхъ предвидѣлось работать полякамъ въ безлюдной лѣсистой странѣ, очевидно не въ силахъ были создать серьезнаго препятствія для осуществленія цѣли, сводившейся къ тому, чтобы уйти всею массою за предѣлы Россійской Имперіи.

Съ наступленіемъ весны началась отправка. Въ Лиственничномъ ссыльныхъ раздѣ-

лили на двѣ партіи и увезли въ Культукъ и Муринъ — два почтовые станка у юго-западнаго берега Байкала, отстоящіе другъ отъ друга верстъ на сорокъ. Въ Иркутскомъ тюремномъ замкѣ, гдѣ находился Цѣлинскій, тоже начались приготовленія къ отправкѣ за Байкалъ; но въ это время случилось событіе, въ высокой степени повредившее дальнѣйшему ходу заговора: наканунѣ отправки, въ тюрьму пріѣхали власти, приказали полякамъ выстроится во дворѣ, и тутъ былъ прочтенъ имъ „Манифестъ 31-го Мая", по которому часть изъ нихъ переводилась изъ разряда ссыльно-каторжныхъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, остальнымъ же уменьшались сроки каторги.

Какъ ни мало милостивъ, самъ по себѣ, былъ этотъ манифестъ, но на ссыльныхъ онъ оказалъ извѣстное вліяніе; среди нихъ произошелъ расколъ, многіе стали высказываться противъ попытки вазстанія. Цѣлинскій пробовалъ было бороться съ этимъ теченіемъ, но напрасно; возникли несогласія; поднялись споры, принимавшіе все болѣе и болѣе острый характеръ. Ораторы успѣшно оппонировали Цѣлинскому, и его вліяніе среди ссыльныхъ со всякой минутой падало. Въ дебатахъ и спорахъ, очень часто доходившихъ до брани, прошла вся дорога отъ Иркутска до мѣста назначенія.

Въ первыхъ числахъ Іюня патрія высажена была съ парохода на берегъ у Мышихинскаго станка, находящагося къ востоку отъ Култука верстъ на полтораста, и по распоряженію полковника Черняева тотчасъ было приступлено къ работамъ.

Ночь. Вокругъ барака, гдѣ помѣщаются каторжане, ходятъ часовые. Въ баракахъ шумъ, тамъ о чемъ-то говорятъ; голоса то затихаютъ, то поднимаются до самыхъ высокихъ нотъ, но ни одному часовому не приходитъ въ голову подслушать, о чемъ говорятъ въ баракахъ; да все равно: подслушивая, онъ ничего не пойметъ, такъ какъ разговоры ведутся на польскомъ языкѣ.

— На пару словъ, проговорилъ Цѣлинскій, нагнувшись къ самому уху Зборовскаго и направляясь въ темный уголъ барака.

Въ углу Цѣлинскій остановился; Зборовскій подошелъ къ нему.

— Выхлопотали переводъ въ Култукскую партію? спросилъ Цѣлинскій низкимъ голосомъ, подозрительно оглядываясь изъ боязни, не слышитъ ли ихъ кто нибудь.

Зборовскій, раньше чѣмъ отвѣтить, невольно самъ осмотрѣлся.

— Да, проговорилъ онъ, завтра отправляютъ въ Култукъ лопаты, съ этимъ транспортомъ и я отправлюсь.

— Хорошо... До вашего отъѣзда мы вѣроятно больше не увидимся... Передайте эту записку пану Шарамовичу. Цѣлинскій подалъ свороченный клочекъ бумаги.

Молодой человѣкъ взялъ записку.

— Ради бога, не вздумайте читать ее здѣсь! Кто нибудь увидитъ... Спрячьте ее! Вы не ожидаете обыска при отправкѣ? Спрячьте ее куда нибудь. Зашейте ее въ полу халата... Обыска всегда, всякую минуту слѣдуетъ ожидать... Я даю вамъ всема важное порученіе!

Зборовскій зажалъ въ рукѣ записку.

— Я слыхалъ, что Шарамовичъ находится въ Муринѣ, а не въ Култукѣ, замѣтилъ онъ.

— Да, Шарамовичъ въ Муринѣ, отвѣтилъ, Цѣлинскій. Но это все равно, записку вы передадите Арцымовичу, старостѣ Култукской партіи, а потомъ Шарамовичу... Отъ Култука до Мурина недалеко.

Зборовскій молчалъ.

— Я вамъ даю весьма, весьма важное порученіе! повторилъ Цѣлинскій и, не глядя въ лицо молодому человѣку, а куда-то въ сторону, добавилъ шопотомъ: я назначаю день возстанія.

— Кажется, вы черезуръ торопитесь.

— А!

— Я не отказываюсь отъ своего обѣщанія, поторопился замѣтить Зборовскій. Но не во мнѣ одномъ дѣло. Вы видите, каково теперь настроеніе большинства; подобное предпріятіе требуетъ единодушія, а единодушія нѣтъ.

— Хорошо, хорошо... Спорить не буду; не время и не охота. Надоѣли мнѣ дебаты вотъ до сихъ поръ! Цѣлинскій показалъ рукою на горло. Помолчавъ немного, онъ спросилъ: Беретесь ли вы исполнить порученіе, или же прикажете поискать для этой цѣли кого либо другого.

При послѣднихъ словахъ Зборовскій покраснѣлъ и рѣзко отвѣтилъ: Отъ своихъ словъ я нилогда не отказываюсь!... Записку доставлю.

— Это все, что отъ васъ требуется, сухо проговорилъ Цѣлинскій.

Дней пять спустя послѣ описаннаго разговора, именно 20-го Іюня 66 года, по Кругоморскому тракту двигалась толпа вооруженныхъ людей. То были возставшіе поляки; въ Култукѣ они обезоружили конвойныхъ солдатъ и подъ начальствомъ Арцымовича двигались теперь къ Муринскому станку для соединенія съ товарищами. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станка отрядъ остановился и спрятался въ лѣсу; Зборовскій посланъ былъ въ Муринъ для увѣдомленнія о случившемся.

Проѣдя нѣкоторое пространство трактомъ, Зборовскій своротилъ влѣво и спустился лѣсомъ къ берегу Байкала; онъ рѣшился обождать пока стемнѣетъ и присѣлъ на камнѣ. Солнце уже спряталось за горы; обрывистый берегъ съ высокими, зелеными лиственницами отражался въ спокойной, темной водѣ, какъ въ зеркалѣ; стада бѣлыхъ чаекъ съ криплымъ крикомъ кружились надъ озеромъ. Вправо, по направленію къ Варгузину, вода сливалась съ горизонтомъ и далеко-далеко гдѣ-то блестѣла еще отъ солнечныхъ лучей; прямо къ Лиственничному чернѣли горы противуположнаго сѣвернаго берега.

Природа всегда производила на Зборовскаго чарующее впечатлѣніе; среди нея онъ забывался. Но въ этотъ разъ было не такъ: онъ глядѣлъ на окружающую величественную природу и въ то же время его сердце сжималось отъ наплыва воспоминаній.

Давно когда-то, на родинѣ, жили по сосѣдству семьи Зигмунта Зборовскаго и Владислава Котковскаго. Еще старики, ихъ

отцы, были большими пріятелями, а маленькій Зигмунтъ, бывало, всякій день бѣгалъ къ Владиславу въ гости; Владиславъ ему тѣмъ же отплачивалъ. Такъ они играли и росли вмѣстѣ; потомъ учились въ одной школѣ, а когда выросли и возмужали, вмѣстѣ вступили въ революціонную организацію. Между ними существовала самая глубокая привязанность. Вскорѣ однако послѣдовала разлука. Зборовскій, скомпрометированный довольно серьезно въ глазахъ варшавской полиціи, вынужденъ былъ скрыться изъ Варшавы; онъ уѣхалъ въ Литву. На первыхъ порахъ друзья поддерживали между собою оживленныя сношенія; особенно часто писалъ Зигмунтъ, такъ какъ въ Варшавѣ, помимо Владислава, жила панна Розалія, въ которую онъ былъ страстно влюбленъ; онъ не могъ прямо съ нею списываться и Котковскій служилъ ему посредникомъ. Но спустя нѣкоторое время, Зборовскій былъ арестованъ и посаженъ въ виленскую тюрьму; тогда правильныя сношенія у нихъ прекратились. Владислава Котковскаго онъ потерялъ изъ виду, а извѣстія о паннѣ Розаліи стали доходить къ нему кое-когда стороною, отрывками, пока наконецъ не пришла однажды ужасная вѣсть о ея смерти. Эта вѣсть передана была ему въ смутныхъ, неясныхъ выраженіяхъ: онъ могъ только догадаться, что смерть случилась скоропостижно. Напрасно Зборовскій силился изъ тюрьмы разузнать подробности этого событія: оно окружено было для него какою-то непроницаемой тайной, надъ раскрытіемъ которой онъ весь измучился. Только по-

слѣ суда, когда разрѣшены были свиданія съ родными, ему удалось завязать сношенія съ однимъ изъ старыхъ пріятелей, отъ котораго онъ и получилъ наконецъ опредѣленное увѣдомленіе, что панна Розалія была убита Владиславомъ Котковскимъ, и что этотъ поступокъ вызванъ былъ „самой крайней необходимостью“. Во всякое другое время впечатлительная натура Зигмунта вѣроятно не перенесла бы этого удара, но тогда онъ вынесъ: его нервная система была страшно притуплена массой висѣлицъ, воздвигнутыхъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ Муравьевымъ, прозваннымъ послѣ того „Вѣшателемъ“. Зигмунтъ вынесъ ударъ: не умеръ, не сошелъ съ ума, но съ той минуты о Котковскомъ не могъ подумать безъ ужаса. Мѣсяца два тому назадъ, уже въ Иркутскѣ, онъ услыхалъ, что Котковскій въ одной изъ партій препровождался изъ Лиственничнаго на Кругоморскій трактъ.

Теперь, въ Муринѣ, Зигмунту Зборовскому предстояла встрѣча съ Котковскимъ, и это его страшно мучило.

Смеркалось. Горы противуположнаго берега потонули въ туманѣ; Байкалъ подернулся свѣтло-сѣрымъ оттѣнкомъ; чайки улетѣли куда-то; кулики пересвистывались у воды... Зборовскій вскарабкался на берегъ и пошелъ лѣсомъ по направленію къ Мурину; идти трактомъ онъ находилъ неблагоразумнымъ. Но трудно было ему пробираться лѣсомъ. Его ноги тонули въ мшистыхъ кочкахъ; свалившіяся деревья часто преграждали путь; онъ становился

на нихъ, такъ какъ не всегда могъ перешагнуть, и раза два или три проваливался выше колѣнъ: стволы были совершенно перегнившіе. Скоро въ лѣсу наступилъ мракъ, и если бы не бѣлѣвшійся сквозь листву деревъ Байкалъ — онъ вѣроятно заблудился бы. Вѣтви хлестали его по лицу, царапали руки; онъ спотыкался, падалъ, но опять поднимался и продолжалъ идти. Уже совсѣмъ наступила ночь, когда онъ приблизился къ Муринскому станку. Изъ земляныхъ бараковъ блестѣли огоньки. Пробравшись незамѣтно къ одному изъ бараковъ, у входа Зборовскій столкнулся съ какой-то темной фигурой.

— Кто такой? окликнули его на польскомъ языкѣ.

— Порученіе къ Шарамовичу, отвѣтилъ онъ по польски-же. —

Родная рѣчь была лучшимъ паролемъ въ этой странѣ; тѣмъ не менѣе фигура приблизилась къ Зборовскому и въ темнотѣ все же пыталась его разсмотрѣть.

— Однако, кто же такой?

— Войдите поскорѣе въ баракъ, съ досадою проговорилъ Зборовскій.

Вошли въ баракъ. Нѣсколько человѣкъ поляковъ сидѣли и полулежали у ярко горящаго очага.

Темная фигура — оказался нѣкій Заремба.

— Какое у васъ порученіе въ Шарамовичу? . . . Отъ кого? . . . Откуда вы? — спрашивалъ онъ, съ любопытствомъ оглядывая Зборовскаго.

Одинъ изъ сидѣвшихъ у очага подошелъ къ разговаривавшимъ.

— Въ Култукѣ возстали, и теперь въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда ожидаютъ вашего присоединенія — прямо заявилъ Зборовскій, отирая рукою потъ съ лица.

Присутствующіе повскакивали . . . Засуетились.

Вѣсть о возстаніи въ Култукѣ почти всѣмъ муринскимъ полякамъ скоре сдѣлалась извѣстна; она подняла всѣхъ на ноги. Побѣжали сообщить Шарамовичу, бывшему въ Муринѣ арестантскимъ старостою.

Въ баракъ, гдѣ находился Зборовскій, стали собираться поляки; одинъ за другимъ входили новыя и новыя лица; наконецъ вошелъ красивый брюнетъ средняго роста съ огромной черной бородою.

— А, Шарамовичъ! обратился къ нему Заремба. Послушайте вѣсти.

— Къ чему это теперь?! Зачѣмъ это теперь?! разводя руками восклицалъ между тѣмъ Шарамовичъ, проходя черезъ весь баракъ по направленію къ Зборовскому, стоявшему у очага.

— Возстаніе уже начато — отвѣтилъ Зборовскій нѣсколько смущеннымъ голосомъ.

Въ это время у входа показался Владиславъ Котковскій; узнавъ Зигмунта, онъ остановился; но Зигмунтъ отворотилъ лицо въ сторону, и тотъ молча усѣлся на скамьѣ въ углу барака. Такова была ихъ встрѣча послѣ четырехъ-лѣтней разлуки.

— Да, да... Вы правы. Поздно сожалѣть — негромко замѣтилъ Шарамовичъ. — Однако, что побудило Арцымовича начать?

— По распоряженію Цѣлинскаго. Вотъ записка Цѣлинскаго — отвѣтилъ Зборовскій, дрожащей рукою передавая ему записку.

Шарамовичъ присѣлъ къ огню, горѣвшему въ очагѣ, развернулъ клочекъ бумаги свернутый въ нѣсколько разъ, прочелъ слѣдующее: „Что одинъ разъ постановлено — надо исполнить. Откладывать невозможно; каждая минута дорога. Мы должны возстать. Я начинаю. Арцымовичъ со своими долженъ тотчасъ же идти берегомъ къ намъ на помощь. Отвѣта не жду.“

— Кѣмъ передана эта записка? — спросилъ Шарамовичъ, выпрямляясь у очага.

— Записка дана была мнѣ Цѣлинскимъ для передачи вамъ — отвѣтилъ Зборовскій. Онъ весь дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

— Вы изъ Мышихи?

— Да.

— Сколько дней?

— Пять дней назадъ.

— Какъ тамъ дѣла?... Вы больны!? — вдругъ замѣтилъ Шарамовичъ, мѣняя тонъ.

— Въ Мышихѣ дѣла плохи — тихо отвѣтилъ Зборовскій.

— Не знаете-ли, возстаніе тамъ начато? — спросилъ было Шарамовичъ, но тутъ-же самъ себѣ отвѣтилъ: — Да, да, начато и тамъ; Цѣлинскій объ этомъ увѣдомляетъ. —

Шарамовичъ опять присѣлъ на корточки къ огню и задумался.

Густавъ Шарамовичъ былъ родомъ изъ Украйны. Польское возстаніе 63 года застало его въ Кіевѣ, гдѣ онъ въ то время воспитывался въ университетѣ. Одаренный страстнымъ темпераментомъ, онъ отдался

весь польскому дѣлу на Украйнѣ и вскорѣ занялъ довольно видное положеніе среди волновавшейся тогда польской университетской молодежи. Онъ участвовалъ въ сходкахъ, ораторствовалъ на собраніяхъ; принималъ энергическое участіе въ конспиративныхъ дѣлахъ. Но, какъ извѣстно, польскому дѣлу на Украйнѣ не суждено было развиться и принять сколько нибудь широкіе размѣры: крестьяне-украинцы явились главными врагами и съ соединенной тройною ненавистью — національной, религіозной и экономической. — Такъ какъ „паны" на Украйнѣ преимущественно поляки, — устремили свои силы на помощь русскому правительству; по всей Украйнѣ поднялась жестокая травля: крестьяне вязали пановъ-поляковъ безъ разбора, возставшихъ и невозставшихъ, и доставляли ихъ въ руки полиціи; по селамъ организовались добровольныя крестьянскія „варты" (сторожа), уничтожавшіе въ самомъ зародышѣ возможность возстанія, такъ какъ полякамъ нельзя было не только собраться въ сколько нибудь значительный отрядъ, но оказывалось труднымъ даже сноситься другъ съ другомъ. Страшный урокъ исторіи, наглядно доказавшій, что о возстановленіи Польши въ старыхъ границахъ и мечтать невозможно! Только по городамъ полякамъ удалось тогда кое-что съорганизовать, и однимъ изъ лучшихъ пунктовъ въ этомъ отношеніи оказался Кіевъ. Польская университетская молодежь составила изъ себя отрядъ, и ночью отрядъ этотъ вышелъ изъ города; но въ селеніи Соловьевкѣ поляки

задержаны были крестьянами, перевязаны и обратно доставлены въ Кіевъ. Тутъ-же — въ числѣ арестованныхъ и посаженныхъ въ кіевскую крѣпость — находился и Густавъ Шарамовичъ. Веселый, разговорчивый, любившій при случаѣ пустить въ ходъ „красное словцо“, — людямъ постороннимъ, другого лагеря Шарамовичъ казался довольно легкомысленнымъ, пустымъ малымъ; но лица, ближе его знавшія, относились къ нему иначе. Въ партіи, зимовавшей въ Лиственичномъ, онъ былъ самымъ популярнымъ, любимымъ человѣкомъ, я почти единогласно выбранъ былъ старостою.

Шарамовичъ сидѣлъ у очага на корточкахъ и машинально разгребалъ огонь кускомъ дерева, а тѣмъ временемъ между присутствующими — ихъ набилось въ баракъ до того, что негдѣ было повернуться, — по группамъ шли разговоры. Манифестъ 31-го мая и среди этихъ людей оказалъ вліяніе: у многихъ онъ зародилъ смутныя надежды на законный исходъ; прежняго революціоннаго пыла и слѣда не было; тѣ самые, что рвались къ возстанію всего мѣсяцъ тому назадъ, теперь присмирѣли, притихли, словно чего-то выжидали. Замѣчалось почти общее несочувствіе дѣлу, начатому въ Култукѣ; это было видно по недовольнымъ лицамъ, по тѣмъ разговорамъ, что̀ велись по группамъ; слышно было, какъ то въ одномъ, то въ другомъ углу барака рѣзко порицался фактъ, совершенный Арцымовичемъ.

Поднявшись на ноги и потягиваясь, Шарамовичъ какъ-то вяло, хотя громко, про-

говорилъ: — Ну, что же, панове?! Намъ и выбора нѣтъ... Надо идти на помощь...

— Идемъ! Мы готовы — отозвалось нѣсколько голосовъ.

Но большинство молчало.

— Повторяю — выбора нѣтъ! Дѣло начато; не отставать-же намъ отъ товарищей въ эту критическую минуту?! Послушайте, панове, я прочту записку Цѣлинскаго — И Шарамовичъ прочелъ записку.

— Глупое дѣло!! — воскликнулъ Заремба. — Къ чему напрасныя жертвы? Зачѣмъ это возстаніе? Кому оно нужно?

— Вы можетъ быть и правы, только теперь поздно объ этомъ разсуждать, замѣтилъ Шарамовичъ.

— Въ послѣднее время москали пошли на уступки...

— Ужъ не надѣетесь ли вы получить свободу отъ москалей? — прервалъ Шарамовичъ.

— Отчего бы и не надѣяться? Участь многихъ облегчена; пройдетъ нѣкоторое время — вспомнятъ и о насъ.

— Да, вспомнятъ лѣтъ черезъ двадцать... Немногіе изъ насъ до этого доживутъ. Эхъ, пане Заремба! Манифестъ 31-го мая — это жалкая милостыня, брошенная нищему; а вы и взаправду повѣрили въ милосердіе московскаго царя. —

Голоса споровшихъ раздавались глухо подъ низкимъ потолкомъ барака, переполненнаго народомъ.

— На царскую милость разсчитываютъ только холопы — угрюмо, но съ достоинствомъ проговорилъ Заремба.

— Вотъ такъ!! На что же вы тогда надѣетесь? — съ удивленіемъ воскликнулъ Шарамовичъ.

— Только не на милость! Вмѣшательство иностранныхъ державъ вынудитъ москалей къ уступкамъ. Я думаю, что самый манифестъ 31-го мая былъ написанъ подъ диктовку Франціи. Подождемъ, потерпимъ, а тамъ быть можетъ продиктуютъ царю и второй манифестъ.

— По вашему мнѣнію, мы еще недостаточно терпѣли... Очевидно вы успѣли забыть скитанія по московскимъ тюрьмамъ; забыли этапное путешествіе въ нѣсколько тысячъ верстъ...

— Ничего я не забылъ, но необходимость заставляетъ ждать — нетерпѣливо прервалъ Заремба.

— Вы быть можетъ и то забыли, пане Заремба — горячо продолжалъ Шарамовичъ, — какъ умирали лѣтомъ прошлаго года отъ цынги и горячки ваши товарищи здѣсь за Байкаломъ? О, въ такомъ случаѣ вы конечно можете ждать! Но мы всѣ это помнимъ и никогда не забудемъ! Панове! — обратился онъ къ присутствующимъ, — какъ бы мы ни смотрѣли на возстаніе, на сколько несвоевременнымъ ни находили бы его въ настоящую минуту, но — обратите вниманіе — оно уже начато; низко, подло отступаться отъ товарищей въ такую минуту! Мы обязаны ихъ поддержать! Мы должны идти на помощь! —

Произошелъ шумъ: одновременно заговорило нѣсколько лицъ.

— Тише!... Къ порядку! кричали голоса.

Мало-по-малу въ баракѣ успокоилось и послышался гнусливый голосъ Сочинскаго.

— Панъ Шарамовичъ видимо старается подѣйствовать на наши чувства, разжалобить насъ, говорилъ онъ. — Смѣшно, право! Словно мы маленькіе ребята! Но увлекаться чувствомъ въ нашемъ положеніи было бы неблагоразумно...

— Благоразумно!

— Позвольте, дайте мнѣ высказаться — Сочинскій растягивалъ слова, говорилъ въ носъ. Такъ говорить онъ находилъ признакомъ хорошâго тона. — Возстаніе, продолжалъ онъ, не шуточное дѣло; знаете ли, чтò насъ ожидаетъ въ случаѣ неудачи? Смерть! Идти на гибель, рисковать жизнью, не разобравшись въ дѣлѣ, право-же глупо! Раньше чѣмъ на что либо рѣшаться, я предложилъ бы присутствующимъ основательно разобраться въ вопросѣ, взвѣсить шансы за и противъ возстанія; обсудить, насколько есть вѣроятности выиграть или проиграть затѣваемое дѣло; однимъ словомъ, отнестись къ вопросу не по-дѣтски, а съ полной серьезностью.

— На предложеніе пана Сочинскаго я смотрю какъ на попытку внести окончательную деморализацію въ нашу среду. Въ дебатахъ pro и contra мы можемъ провести цѣлый мѣсяцъ, а между тѣмъ дорогà всякая минута: наши товарищи ожидаютъ насъ въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, рѣзко проговорилъ Шарамовичъ.

— Панъ Шарамовичъ отдѣлывается остроуміемъ и софизмами — прогнусилъ Сочинскій. — Возстаніе! Возстаніе!... Вели-

кій Боже, кто изъ насъ не сочувствуетъ возстанію, и какой полякъ не остается всегда въ душѣ „повстанцемъ"!? Но возстаніе за Байкаломъ! О, это совсѣмъ другое дѣло! Не видать намъ здѣсь успѣха! Самъ панъ Шарамовичъ вѣроятно согласится со мною, что уже въ виду одного разногласія, внесеннаго въ нашу среду манифестомъ...

— А вы еще вносите другое! воскликнулъ Шарамовичъ.

— Манифестомъ 31-го мая, продолжалъ Сочинскій, уже въ виду одного этого разногласія намъ не видать успѣха. Къ чему-же затѣвать въ такомъ случаѣ?!

— Не мы затѣваемъ, наши товарищи уже воз-ста-ли!! Поймите, пане Сочинскій, это большая разница! кричалъ Шарамовичъ. — Панове! обратился онъ ко всѣмъ. — У насъ два выхода: или оставить товарищей на произволъ судьбы, или къ нимъ примкнуть и съ ними раздѣлить участь. Спора нѣтъ, горсть возставшихъ, не поддержанная нами, будетъ сразу уничтожена врагомъ. Какіе отъ этого получатся результаты? А вотъ какіе: во-первыхъ жестоко пострадаютъ бунтовщики, а во-вторыхъ достанется и тѣмъ, кто будетъ сидѣть смирно. Да, это такъ! Вы, панове, знаете — должны знать тактику москалей; москали ни передъ чѣмъ не останавливаются: въ порывахъ звѣрства они обыкновенно мстятъ заодно и невиннымъ и виновнымъ. Если бунтовщиковъ перевѣшаютъ, то на нашу долю выпадутъ кнуты и цѣпи. Зачѣмъ не предупредили начальства? Почему не донесли? Таковы будутъ мотивы для осужденія насъ.

Мы разыграемъ гнусную роль по отношенію къ товарищамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и себя не спасемъ. Вотъ почему я вижу единственный для насъ выходъ примкнуть къ возставшимъ. И чѣмъ единодушнѣе мы возстанемъ — тѣмъ болѣе шансовъ на успѣхъ. Еще разъ, зову васъ, товарищи, идемъ на помощь нашимъ товарищамъ! Теперь не время разговаривать!... Кто за мной?...

— Всѣ!... Всѣ! — послышались голоса.

— Нѣтъ, не всѣ! Многіе противъ! — кричали другіе.

— Зачѣмъ преувеличиваете? Зачѣмъ запугиваете какими-то цѣпями и кнутомъ? — среди общаго шума кричалъ Сочинскій. — Это неправда!... Ложь!... Отвѣтятъ только виновные! И пусть ихъ чортъ возьметъ! Почему раньше не спросили нашего мнѣнія? Изъ-за какихъ-то дураковъ не лѣзть-же намъ всѣмъ въ петлю!?

— Сами вы дуракъ и негодяй! раздалось восклицаніе изъ толпы.

— Это безобразіе!... Насиліе! кричали одни.

— Подлецовъ надо насиловать! кричали другіе.

— Вонъ! Вонъ Шарамовича! Вонъ! —

Шарамовичъ, блѣдный, вскочилъ на скамью.

— А! А! Мерзавцы!! Такъ вы хотите предать своихъ товарищей? Спасая свои шкуры, вы готовы относиться безучастно къ смерти вашихъ братьевъ?! — Смерть-же вамъ самимъ!! воскликнулъ онъ, съ яростью потрясая кулаками у самаго потолка.

Въ баракѣ произошла невообразимая сумятица: одни бросились къ выходу, другіе загородили выходъ и никого не хотѣли выпускать.

— Москали догадались!! — крикнулъ что-то въ это время, вбѣгая со двора.

На самомъ же дѣлѣ „москали" вовсе не догадались; изъ караульнаго дома вышла кучка солдатъ съ унтеръ-офицеромъ для смѣны часовыхъ; обыкновенная смѣна произвела тревогу. Какъ бы тамъ ни было, но эта ложная тревога ускорила событія: болѣе рѣшительные поляки увидѣли, что дѣла откладывать невозможно и бросились вонъ изъ барака. Растерявшіеся солдаты были тотчасъ же обезоружены.

— Vivat Шарамовичъ! — кричали возставшіе.

— Да здравствуетъ Польша! — откликнулись имъ издалека; Култукскій отрядъ съ Арцымовичемъ во главѣ быстро приближался Муринскому станку.

Повстанцы соединились.

Но печально было положеніе дѣла! Весь соединенный отрядъ бунтовщиковъ едва достигалъ ста-пятидесяти человѣкъ. Шарамовичъ принялся за организацію отряда; начальникомъ конницы, составившейся изъ лошадей, взятыхъ съ трехъ почтовыхъ станцій, онъ назначилъ Ильяшевича и приказалъ ему двигаться впередъ къ Мышихѣ для присоединенія къ отряду Цѣлинскаго. Цѣлинскому, какъ главному предводителю возстанія, Ильяшевичъ долженъ былъ донести о всемъ случившемся и сообщить, что

Шарамовичъ съ пѣхотою двигается вслѣдъ за нимъ.

Съ разсвѣтомъ конница тронулась въ путь; двинулась и пѣхота. Провизія нагружена была въ лодки, и лодки поплыли вдоль берега по направленію къ Мышихѣ.

Отъ Мурина, гдѣ происходило вышеописанное, до Мышихинскаго станка около ста верстъ. Повстанская кавалерія заѣзжала по пути на почтовыя станціи и забирала лошадей. Не доѣзжая Мышихи, навстрѣчу полякамъ попались двѣ почтовыя кибитки: въ одной ѣхалъ полковникъ Черняевъ, начальникъ каторжанъ, въ другой — инженеръ Шацъ. Поляки ихъ арестовали и съ этой добычей прибыли въ Мышиху.

Въ Мышихѣ между тѣмъ дѣла шли совсѣмъ плохо. Напрасно Ильяшевичъ въ присутствіи всѣхъ каторжанъ торжественно рапортовалъ Цѣлинскому, какъ предводителю возстанія, о дѣлахъ совершившихся въ Култукѣ и Муринѣ, напрасно громко доносилъ онъ объ арестѣ главныхъ враговъ, Черняева и Шаца! Ни на кого это не произвело впечатлѣнія. Цѣлинскій метался какъ угорѣлый; успѣха не было.

Тѣмъ не менѣе надо было что либо предпринимать. Конный отрядъ былъ усиленъ; Ильяшевичу въ помощники назначенъ былъ Рейнеръ и приказано было имъ двигаться далѣе, на сѣверо-востокъ. Планъ Цѣлинскаго былъ тотъ, чтобы занять Посольскій монастырь и помѣшать высадкѣ русскаго войска въ Забайкалѣ. Но въ этомъ поляки опоздали. Слухи о возстаніи каторжанъ на „Кругоморскомъ тракту“ дошли до Ир-

кутска очень скоро. Приняты были энергическія мѣры: тотчасъ-же на мѣсто дѣйствія двинуты были два отряда; одинъ отрядъ подъ командой казацкаго майора Лисовскаго отправился изъ Иркутска по почтовой дорогѣ къ Култуку; другой подъ начальствомъ майора Рика, доставленный на лошадяхъ въ Лиственичное, перевезенъ былъ пароходомъ черезъ Байкалъ и высаженъ у Посольскаго монастыря. Все это совершено было необыкновенно быстро. Поляки объ этомъ не знали, и въ то время какъ Ильяшевичъ съ Рейнеромъ подвигались на сѣверо-востокъ, къ Посольску, русское войско двигалось уже изъ Посольска имъ на встрѣчу. На одномъ изъ почтовыхъ станковъ, гдѣ поляки хотѣли запастись свѣжими лошадьми, они были встрѣчены выстрѣлами изъ-за плетней и строеній; авангардъ Рика сдѣлалъ тамъ засаду. Произошла стычка; поляки были отбиты. Впрочемъ, прорываться, впередъ имъ не было и смысла, такъ какъ главныя силы врага находились впереди всего въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда. Поэтому, послѣ краткаго совѣщанія, они рѣшили отступить. По приказанію Рейнера подожжена была почтовая станція и вслѣдъ затѣмъ польская конница поворотила назадъ къ Мышихѣ.

Цѣлинскій въ-конецъ растерялся, когда услыхалъ объ этой неудачѣ. По свѣденіямъ Ильяшевича и Рейнера, русское войско очень скоро должно было появиться возлѣ Мышихи. Среди повстанцевъ произошелъ переполохъ; изъ отряда Цѣлинскаго стали перебѣгать въ лагерь несогласныхъ, такъ ска-

зать мирныхъ, которыхъ въ Мышихѣ насчитывалось до четырехъ-сотъ человѣкъ. Число возставшихъ съ каждымъ часомъ уменьшалось.

24-го іюня, на разсвѣтѣ, караульные отряда Цѣлинскаго замѣтили двигавшуюся изъ Мурина пѣхоту Шарамовича. Желѣзные наконечники на дубинахъ, которыми большинство пѣхоты было вооружено, блестѣли сквозь утренній туманъ, словно штыки. Радостными криками извѣстили караульные о приближеніи товарищей. Произошло общее оживленіе. Всѣ ожидали, что съ прибытіемъ Муринскаго отряда дѣла пойдутъ лучше; на Густава Шарамовича возлагались большія надежды: Шарамовичъ съумѣетъ внести больше порядка въ ряды повстанцевъ, Шарамовичъ выведетъ дѣло изъ неопредѣленнаго положенія и создастъ дальнѣйшій планъ дѣйствія. Всѣ почему-то ожидали, что отрядъ Шарамовича состоитъ, по крайней мѣрѣ, изъ нѣсколькихъ сотень хорошо вооруженныхъ людей. Донесенія Ильяшевича, не согласовавшіяся съ этими розовыми надеждами, игнорировались: всякому хотѣлось вѣрить въ иллюзіи. Дѣйствительность разбила эти иллюзіи. Однако, какъ бы тамъ ни было, появленіе ста пятидесяти человѣкъ свѣжихъ, не деморализованныхъ, все же внесло не мало оживленія среди мышихинскихъ повстанцевъ. Тутъ многіе знакомились другъ съ другомъ; много было и старыхъ друзей, разставшихся еще на родинѣ и послѣ нѣсколькихъ годовъ разлуки и скитаній по тюрьмамъ, встрѣтившихся теперь въ этихъ глухихъ мѣстахъ Сибири.

Люди двигались по всѣмъ направленіямъ, разговаривали, шушукались.

По прибытіи Муринскаго отряда Цѣлинскій созвалъ военный совѣтъ. Коноводы возстанія собрались въ одинъ баракъ.

— Я пригласилъ васъ, панове — началъ Цѣлинскій, по обыкновенію глядя не въ лица присутствующихъ, а куда-то въ сторону, — чтобы обсудить наше положеніе и сообща принять рѣшеніе. Всѣмъ вамъ, конечно, извѣстно, что отрядъ москалей двигается изъ Посольска на встрѣчу намъ, и не сегодня-завтра долженъ появиться возлѣ Мышихи. Признаться, я не ожидалъ, что обстоятельства сложатся такъ несчастливо... Я думалъ, что вы, пане Шарамовичъ, приведете съ собою по крайней мѣрѣ сотни три вооруженныхъ людей... Дѣйствительность не оправдала моихъ надеждъ.

— Вы доносили о положеніи дѣлъ въ Култукѣ и Муринѣ? — спросилъ Шарамовичъ, обращаясь къ Ильяшевичу.

— Да — отвѣтилъ тотъ.

— Панъ Ильяшевичъ мнѣ доносилъ... Но развѣ можно назвать отрядомъ приведенную сюда кучку людей, вооруженныхъ палками?

— Откуда-же было достать ружей? — спокойно замѣтилъ Шарамовичъ, потомъ добавилъ: — Въ Култукѣ и Муринѣ сдѣлано было все, что возможно было сдѣлать при данныхъ обстоятельствахъ.

— Я хочу сказать — продолжалъ Цѣлинскій — что съ нашими силами намъ невозможно бороться съ непріятелемъ; мы не мо-

жемъ принять битвы. На мой взглядъ намъ надо ретироваться. Какъ ваши мнѣнія, панове, по этому вопросу?

— Раньше чѣмъ высказаться, желательно было бы услышать, въ какомъ направленіи вы находите возможнымъ ретироваться? — спросилъ Шарамовичъ.

— Вы, панове, конечно со мною должны согласиться, что единственная наша цѣль, это освобожденіе отъ московскихъ лапъ — заговорилъ Цѣлинскій, не отвѣчая на вопросъ Шарамовича. — Мы не для того взяли здѣсь оружіе въ руки, чтобы вести войну съ москалями. Это не Польша и не Литва, а Сибирь, и почвы для возстанія здѣсь нѣтъ. Насъ ничтожная горсть, мы не въ состояніи выдержать долгой борьбы въ этой пустынѣ. Намъ остается только пробиться за границу московскаго царства и этимъ способомъ спасти себя отъ неволи и каторжныхъ работъ. Въ виду подобной цѣли было бы чистымъ безуміемъ вступать въ битву съ врагомъ, у котораго несомнѣнно силъ значительно больше чѣмъ у насъ. Опять таки, я настаиваю на отступленіи.

— Да, да! Со всѣмъ этимъ мы, пожалуй, согласны... Но куда? Въ какомъ направленіи? — съ нетерпѣніемъ спросилъ Шарамовичъ.

— Къ Култуку.

— Возвращаться назадъ?!

— Да, отъ Култука монгольская граница близко; изъ Култука легче пробраться за границу. —

Среди тишины, наступившей въ баракѣ, послышался смѣхъ Шарамовича.

— Прошу выслушать меня, панове, и тогда вѣроятно вы оправдаете мой смѣхъ — проговорилъ онъ серьезно. — Четыре дня тому назадъ поднято было возстаніе въ Култукѣ по распоряженію пана Цѣлинскаго; по распоряженію-же пана Цѣлинскаго цѣлыхъ четыре дня мы двигались оттуда сюда, въ Мышиху для присоединенія къ его отряду. Теперь онъ предлагаетъ двигаться обратно къ Култуку... Замѣтьте, москали въ эти четыре дня успѣли высадиться въ Посольскѣ и не сегодня-завтра будутъ въ Мышихѣ. Изъ Иркутска до Посольска москалямъ надо было сдѣлать шестьдесятъ верстъ сухопутныхъ, да переплыть Байкалъ... А знаете ли, панове, какое разстояніе между Иркутскомъ и Култукомъ? Всего на всего нѣсколько десятковъ верстъ почтовой дороги!... Ха, ха — опять засмѣялся Шарамовичъ — нечего сказать, хорошъ планъ.

— Что васъ такъ разсмѣшило въ моемъ предложеніи? — спросилъ Цѣлинскій обиженно.

— Не разсмѣшило, а разсердило! — гнѣвно крикнулъ Шарамовичъ, приподнимаясь со скамьи. — И вы еще спрашиваете что?! Какъ что?! Неужто-же вы сами не понимаете?... Почему вы, съ вашимъ отрядомъ, сразу не двинулись отсюда къ Култуку, а поступили обратно: заставили насъ двигаться сюда? Зачѣмъ мы потратили столько времени? Дла чего мы морили людей?

— Я не ожидалъ, что москали такъ скоро успѣютъ занять Посольскъ... Раньше я имѣлъ планъ двигаться къ Посольску — оправдывался Цѣлинскій.

— Вы этого не ожидали?! Ну, такъ успокойтесь, пане Цѣлинскій, Култукъ, по моему мнѣнію, тоже давно занятъ русскими и отступленіе туда для насъ невозможно. Нужно быть осломъ, чтобы не предвидѣть этого! А отступимъ и встрѣтимъ тамъ москалей, что тогда предпримемъ? Куда предложите вы тогда ретироваться? Посольскъ занятъ, Култукъ занятъ; спереди и сзади москали; съ одной стороны озеро, по которому крейсируютъ непріятельскія суда, а съ другой — Шарамовичъ пріостановился, затѣмъ наклонясь къ Цѣлинскому и глядя ему въ глаза, произнесъ: — непроходимая тайга, пане Цѣлинскій, съ другой стороны. Мы въ западнѣ и намъ отступать некуда. —

Цѣлинскій поднялся со скамьи. Онъ очень обидѣлся на Шарамовича за то, что тотъ будто бы назвалъ его осломъ. Въ споръ вмѣшались другіе; принялись возражать Цѣлинскому, доказывать несостоятельность его плана; тотъ упрямо стоялъ на своемъ.

— Надо, однако, на чемъ нибудь покончить, замѣтилъ Шарамовичъ, молчавшій это время. — Предлагаю баллотировать вопросъ.

— Въ такомъ случаѣ я отказываюсь отъ предводительства... Если вы этого не желаете, вы должны подчиниться моему рѣшенію и принять мой планъ — заявилъ Цѣлинскій.

— Когда вы такъ увѣрены были въ непогрѣшимости вашего плана, чѣмъ созывали совѣтъ? Вамъ надо было отдавать приказанія, а не терять время на споры.

— Это мое дѣло.

— Не ваше, а общее дѣло! Вы должны подчиниться рѣшенію большинства! крикнулъ Шарамовичъ.

— Вовсе не долженъ... Да, наконецъ, пане Шарамовичъ, я отказываюсь съ вами бесѣдовать. Вы человѣкъ неделикатный, грубый. Панове, я снимаю съ себя всякую отвѣтственность; я больше не предводитель возстанія.

— Почему вы отказываетесь отъ предводительства? допытывался одинъ изъ присутствующихъ. — Вамъ принадлежитъ иниціатива; вы подали сигналъ къ возстанію; всѣ первые шаги сдѣланы были согласно вашимъ распоряженіямъ... Почему вы отказываетесь продолжать дѣло?

— Я уже объяснялъ причины... Странно, что вы на этомъ настаиваете — угрюмо отвѣтилъ Цѣлинскій и отошелъ въ уголъ барака.

Вслѣдъ затѣмъ Шарамовичъ принялся развивать свой планъ. Онъ находилъ нужнымъ принять битву съ москалями возможно скорѣе, въ виду деморализаціи, замѣтно развивавшейся въ отрядѣ подъ вліяніемъ бездѣйствія; по его мнѣнію, не было другого исхода, какъ пробиваться на рѣку Селенгу, гдѣ можно было даже надѣяться на поддержку возстанія со стороны Бурятъ. Присутствующіе, кромѣ Цѣлинскаго, сидѣвшаго молча, соглашались съ тѣмъ, что планъ, предлагаемый Густавомъ Шарамовичемъ, былъ единственный при данныхъ обстоятельствахъ. Скептики, совершенно не вѣрившіе въ возможность под-

держки возстанія со стороны Бурятъ, и тѣ находили, что отступать было некуда, и что оставалось только пробиваться на Селенгу; по Селенгѣ до границы Монголіи находятся селенія, гдѣ по крайней мѣрѣ можно достать необходимые для жизни припасы.

— Весь отрядъ мы дѣлимъ на пять „плутоновъ“*), заговорилъ Шарамовичъ тономъ предводителя. — Надъ тремя плутонами пѣхоты будутъ командовать: Панковскій, Квятковскій и Кедронскій. Два плутона конницы поручаемъ вамъ, пане Котковскій, и вамъ, пане Ильяшевичъ. —

Ильяшевичъ поднялся во весь свой высокій ростъ и важно поклонился, принимая это назначеніе.

Владиславъ Котковскій, сидя на скамьѣ, только кивнулъ головою.

По окончаніи военнаго совѣта коноводы вышли изъ барака и тотчасъ начались сборы къ выступленію отряда. Карабины, отнятые у конвойныхъ солдатъ, были розданы коннымъ; пѣхоту снабдили чѣмъ могли; только нѣкоторые получили ружья, большинство-же вооружилось желѣзными ломами, топорами, кирками, а то и просто дубинами. Отрядъ выступилъ. Впереди авангардомъ двигалась конница, сзади шли ряды пѣхоты, Шарамовичъ стоялъ въ лѣсу на возвышеніи съ правой стороны дороги, и смотрѣлъ на мимо проходившихъ повстанцевъ. Вѣтеръ дулъ съ Байкала прямо ему въ лицо, и его черная большая борода трепалась по груди. Деревья шумѣли;

*) Плутонъ — родъ взвода въ 50 человѣкъ.

волны плескались о берегъ. Тучи ползли изъ-за горъ, темнѣвшихся на противуположной сторонѣ озера. Вскорѣ дальній берегъ исчезъ изъ вида; небо и вода смѣшались, приняли мутно-сѣрый цвѣтъ и образовали одинъ безграничный хаосъ. Сорвалась буря съ дождемъ. Высокія лиственницы скрипѣли, качаясь у самыхъ корней; вѣтвы ломались и съ шумомъ падали на землю. Дождь лилъ какъ изъ ведра. Молніи слѣдовали одна за другой; громъ отражался отъ тысячи предметовъ: то грохоталъ онъ у отвѣсной скалы, то въ ту же секунду съ оглушительнымъ трескомъ разсыпался между столѣтними деревьями. Гроза словно разыскивала кого-то по лѣсу.

Страшна природа въ такую минуту, и никогда, быть можетъ, человѣкъ не чувствуетъ себя такимъ слабымъ, ничтожнымъ, какъ въ грозу среди первобытнаго лѣса. И повстанцы это почувствовали. Уныло повѣся головы, они медленно двигались по грязной дорогѣ; сердце каждаго изъ нихъ было полно тяжелыхъ предчувствій. Предчувствія ихъ не обманывали; верстахъ въ пятнадцати отъ нихъ по тому же тракту, только на встрѣчу имъ, шло русское войско подъ командой майора Рика. Русскіе двигались медленно, осторожно, съ остановками, осматривая чуть не всякій придорожный кустъ, чуть не всякую скалу, ущелье, гдѣ могла скрываться засада.

Конные поляки, бывшіе впереди, издали замѣтили русскихъ, поворотили и дали знать своимъ. Шарамовичъ распорядился, чтобы конница воротилась въ Мышиху,

назьючила лошадей провіантомъ и затѣмъ явилась на мѣсто дѣйствія. Пѣхотѣ же онъ далъ приказъ остановиться.

Отрядъ остановился. Гроза прекратилась. Солнце выглянуло изъ за тучъ, которыя, совершивъ свое дѣло, уносились теперь обратно въ горы. Поляки осмотрѣли мѣстность, выбрали удобные пункты для защиты... Но въ это время произошло событіе, окончательно разрушившее всѣ ихъ надежды.

Цѣлинскій, отказавшійся отъ предводительства, далеко однако не отказался отъ своего плана... И вотъ, лишь только конные поляки показались въ Мышихѣ, Цѣлинскій, находившійся тамъ, принялся ихъ убѣждать бросить Шарамовича. Уговаривая, онъ съумѣлъ разогрѣть у своихъ слушателей чувство самосохраненія, какъ извѣстно, рѣдко покидающее человѣка; затѣи и планъ Шарамовича онъ постарался представить въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, и пророчилъ гибель всѣмъ его соучастникамъ. Онъ сталъ убѣдительно доказывать, что при данныхъ обстоятельствахъ бросить Шарамовича и его отрядъ пѣхоты, не будетъ измѣной дѣлу; одному или двумъ оставить отрядъ было бы измѣной; но тутъ простое расхожденіе, такъ какъ конный отрядъ составлялъ почти половину всѣхъ возставшихъ. Въ заключеніе Цѣлинскій добавилъ, что онъ берется благополучно вывести ихъ за предѣлы русскаго царства.

Совершилось страшное дѣло: конный отрядъ, навьючивъ лошадей провіантомъ, выѣхалъ изъ Мышихи подъ предводитель-

ствомъ Цѣлинскаго, но не къ Шарамовичу на помощь, а въ противуположную сторону, по дорогѣ къ Култуку.

Три-четыре человѣка, не присоединившихся къ Цѣлинскому, прибѣжали и сообщили Шарамовичу и его друзьямъ эту ужасную вѣсть. Шарамовичъ выслушалъ извѣстіе, широко раскрывъ свои черные глаза; съ минуту онъ простоялъ неподвижно на мѣстѣ; потомъ присѣлъ, провелъ нѣсколько разъ обѣими руками по лицу, точно его вытиралъ, и затѣмъ ничкомъ прилегъ на мокрую землю. Всѣ молчали. Нѣкоторое время длилась тишина. Наконецъ, одинъ изъ друзей Шарамовича приблизился къ нему и тихо проговорилъ: — Густавъ, надо однако предпринять что нибудь: москали на носу.

Но Густавъ молчалъ.

Въ это время появилась депутація, посланная изъ Мышихи поляками, не принимавшими участія въ возстаніи.

— Отъ лица нашихъ товарищей умоляемъ васъ отступить, говорили депутаты. Пусть москали свободно войдутъ въ Мышиху, иначе они всѣхъ насъ сочтутъ за участниковъ возтанія и много невинныхъ пострадаетъ.

Друзья Шарамовича, наскоро посовѣтовавшись между собою, рѣшили уступить, и польскій отрядъ отступилъ за Мышиху.

Между тѣмъ майоръ Рикъо, владѣвъ Мышихою безъ сопротивленія и оставивъ тамъ для порядка небольшое количество солдатъ, съ остальными двинулся въ погоню за бунтовщиками. Не далеко отъ

станка трактъ пересѣкается горною рѣчкой, тутъ-же впадающей въ Байкалъ и носящей названіе, какъ и самый станокъ, Мышихи. Черезъ рѣчку переброшенъ деревянный мостъ. Возлѣ этого моста по лѣсистому ущелью засѣли поляки и приготовились къ битвѣ. Здѣсь, возлѣ этого моста, совершился послѣдній актъ возстанія.

Русскій отрядъ приблизился; началась перестрѣлка; первое время ни съ одной стороны жертвъ не было, такъ какъ и тѣхъ и другихъ защищали деревья; но положеніе поляковъ уже въ самомъ началѣ было отчаянное: недостатокъ въ снарядахъ и малое количество ружей, большая часть которыхъ была взята конницею, дѣлали перестрѣлку для нихъ совершенно невозможной. Поэтому коноводы возстанія рѣшили попытать счастья въ рукопашномъ бою; построившись къ атакѣ, поляки вышли изъ-за деревьевъ и съ крикомъ побѣжали къ мосту. Солдаты направили выстрѣлы на дорогу; нѣсколько человѣкъ раненыхъ и убитыхъ упало на землю; среди поляковъ произошелъ переполохъ; они смѣшались и бросились въ разныя стороны... Одни, свернувъ съ тракта, попрятались за деревья; другіе, не останавливаясь, побѣжали лѣсомъ. Эта неудачная аттака произвела въ польскомъ отрядѣ полное смятеніе и панику. Скоро изъ трехъ плутоновъ пѣхоты на мѣстѣ дѣйствія держались только незначительные остатки.

Двѣ-три кучки повстанцевъ возобновили перестрѣлку.

За толстой лиственницей, сваленной вѣтромъ, сидѣлъ нѣкій Зміевскій, молодой

человѣкъ, почти юноша; тутъ-же сидѣлъ въ засадѣ и Зигмунтъ Зборовскій.

— У тебя есть заряды? спросилъ Зміевскій.

— Только два, отвѣтилъ тотъ.

— А у меня одинъ... Прощай! Пора умирать, проговорилъ юноша.

Зборовскій не успѣлъ ему отвѣтить, какъ онъ уже поднялся на ноги и вскочилъ на лиственницу.

— Эй, вы! Стрѣляйте! громко крикнулъ Сміевскій, обращаясь къ солдатамъ и раскрылъ свою грудь.

Солдаты оторопѣли.

— Стрѣляйте, подлецы!!

Нѣсколько человѣкъ солдатъ вышло изъ за деревьевъ на трактъ; двое присѣли, чтобы лучше прицѣлиться... выстрѣлилы... Но пули прожужжали въ воздухѣ, не попавши въ цѣль.

— Мерзавцы!... Стрѣлять не умѣете!... Смотрите какъ надо мѣтить!... Зміевскій прицѣлился и выстрѣлилъ; одинъ солдатъ упалъ.

Послѣ этого солдаты принялись въ него стрѣлять, а онъ неподвижно стоялъ на лиственницѣ, отставивъ правую руку, въ которой держалъ незаряженное ружье.

Вдругъ онъ зашатался, тяжело вздохнулъ и повалился навзничъ, убитый наповалъ. Зборовскій, сидѣвшій за лиственницей, тоже почувствовалъ тяжелый ударъ въ голову, и рядомъ съ товарищемъ повалился и онъ на землю.

Въ это время небольшая кучка повстанцевъ опять побѣжала трактомъ на приступъ

къ мосту. Опять солдаты направили выстрѣлы на трактъ; но въ этотъ разъ поляки не пришли въ смятенье; отчаяніе придало имъ силы: они достигли моста. Со стороны русскихъ отдѣлилось десятка два солдатъ и подъ командою офицера Порохова съ ружьями на перевѣсъ двинулись имъ на встрѣчу. Перестрѣлка прекратилась; у моста завязалась рукопашная. На Мысловскаго, бывшаго впереди, напалъ Прохоровъ съ обнаженною саблею; но Мысловскому удалось отбить саблю въ сторону и схватить того рукою за горло; въ борьбѣ оба упали на землю; къ Мысловскому на иомощь подбѣжалъ одинъ мазуръ и ударомъ дубины убилъ Прохорова, но самъ тутъ-же былъ заколотъ содатами. Шарамовичъ получилъ нѣсколько ранъ; платье на немъ было изорвано въ клочья, лицо забрызгано кровью... Горсть повстанцевъ, вступившая въ эту отчаянную драку, конечно, вся погибла бы, если бы среди поляковъ не нашлись люди, то же смѣлые, но болѣе хладнокровнаго темперамента. Товарищи явившіеся на выручку, принялись силою тащить своихъ назадъ.

— Niech żyje Polska! кричалъ Шарамовичъ съ запекшимися губами въ то время какъ Ильяшевичъ тащилъ его за руку въ лѣсъ.

— Niech żyje Polska! слышалось изъ лѣса, но уже слабѣе, такъ какъ уцѣлѣвшая кучка повстанцевъ успѣла отойти довольно далеко отъ мѣста побоища.

Русскіе почему-то не преслѣдовали ихъ.

Когда Зборовскій очнулся, то на мѣстѣ уже не было ни поляковъ, ни русскихъ. Зміевскій мертвый лежалъ возлѣ его. Онъ вспомнилъ, что тоже былъ раненъ; ощупалъ свою голову и нашелъ на темени опухоль. Теперь онъ сообразилъ, что полученный имъ ударъ нанесенъ былъ ничѣмъ инымъ какъ ружьемъ Зміевскаго при его паденіи, Зборовскій всталъ, осмотрѣлся; кругомъ были деревья, камни, мшистыя кочки; дальше виднѣлся трактъ, за трактомъ опять деревья... Ни одной живой души!... Возлѣ моста лежали неприбранные мертвецы... Niech żyje Polska... едва доносилось откуда-то изъ далека. „Крикъ дикаго козла въ горахъ слышнѣе", подумалъ Зборовскій, печально улыбаясь. То кричалъ Густавъ Шарамовичъ, увлекаемый своими товарищами все дальше и дальше въ глубь тайги.

Зборовскій въ раздумьи постоялъ нѣкоторое время на мѣстѣ, потомъ побрелъ лѣсомъ безъ опредѣленнаго направленія; наконецъ, онъ поворотилъ и сталъ подыматься на гору. Съ каждымъ шагомъ вверхъ почва становилась тверже; мшистыя кочки исчезли; показалась желтая хвоя; онъ скользилъ по почвѣ, устланной хвоями, и часто падалъ на руки. Послѣ двухъ-часоваго подъема Зборовскій усталъ и остановился передохнуть. Вокругъ него стояли высокіе прямые стволы деревъ, какъ толстыя колонны, поддерживая вверху зеленый сводъ; въ лѣсу царила такая глубокая тишина, что ему страшно становилось нарушать ее, и всякій разъ онъ вздрагивалъ, когда нечаянно ломалъ ногою сухую вѣтку

и будилъ лѣсное: трескъ громко отражался отъ толстыхъ кривыхъ вѣтвей, переплетенныхъ высоко надъ его головою. Ни одной бѣлки, ни одного птичьяго голоса кругомъ!... Вдругъ ему послышался скрипъ гдѣ-то въ самомъ верху дерева... но нѣтъ то не былъ скрипъ, а скорѣе нѣчто похожее на тихую, мелкую барабанную дробь. Само дерево издало этотъ звукъ, или что другое — одинъ богъ зналъ! И опять наступила самая полная тишина.

Тишина эта всецѣло овладѣла Зборовскимъ, и онъ двинулся впередъ осторожно, крадучись, словно боялся разбудить спавшія деревья.

---

Прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ. Въ первыхъ числахъ сентября Зборовскій введенъ былъ тюремнымъ надзирателемъ въ общую камеру иркутскаго тюремнаго замка; тутъ онъ засталъ уже десятки товарищей, арестованныхъ раньше. Никто не удивился его появленію; одинъ изъ присутствующихъ замѣтилъ только: „вотъ прибылъ и панъ Зборовскій“, словно такъ и слѣдовало ожидать. Его не окружили товарищи, какъ это было въ 62-мъ году въ виленской тюрьмѣ, гдѣ онъ также посаженъ былъ въ „общую“ камеру — не принялись задавать десятки вопросовъ, на которые тогда онъ едва успѣвалъ отвѣчать. Теперь никто даже не спросилъ его: гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ онъ былъ арестованъ; повидимому, никому это не интересно было знать. А между тѣмъ Зборовскому казалось, будто

проведены были годы въ разлукѣ. Въ его глазахъ всѣ товарищи какъ-то перемѣнились за это время, точно постарѣли. Ни пѣсенъ, ни разговоровъ. Тихо и мрачно было въ камерѣ.

Зборовскій сѣлъ на нары; къ нему подошелъ Заремба.

— До сихъ поръ оправдываются предсказанія Шарамовича; эти мерзавцы обвиняютъ всѣхъ: и принимавшихъ, и непринимавшихъ участія въ возстаніи — проговорилъ Заремба такимъ тономъ, будто на эту тэму онъ уже не разъ бесѣдовалъ съ Зборовскимъ.

— Слѣдовало ожидать — кратко отвѣтилъ тотъ.

— Обвинять за то, что мы не оказались шпіонами?! Что мы не донесли своевременно на своихъ товарищей?! Подлыя гадины!! Они всѣ холопы и шпіоны своего „батюшки царя“ и требуютъ отъ насъ того-же! Этого никогда, никогда не будетъ! Заремба говорилъ по польски, но выраженіе „батюшки царя“ вставилъ на русскомъ языкѣ.

— О, подлыя гадины!! повторилъ возмущенный Заремба. Я умру, но не сдѣлаюсь предателемъ...

— Скажите, всѣхъ переловили? прервалъ его Зборовскій.

— Всѣхъ, рѣшительно всѣхъ!

— И Шарамовича?

— Да, и Шарамовича, и Цѣлинскаго.

— Гдѣ арестовали Цѣлинскаго?

— Возлѣ Култука; онъ направлялся туда съ коннымъ отрядомъ въ надеждѣ про-

браться оттуда въ Монголію, но встрѣченъ былъ казаками и его взяли.

— Шарамовичъ?

— О, о немъ разсказываютъ ужасную исторію! Послѣ Мышихинской битвы — ихъ нѣсколько человѣкъ бѣжали въ тайгу; они думали пройти тайгою до монгольской границы. Цѣлыхъ три недѣли блуждали они по лѣсамъ и горамъ безъ одежды, безъ пищи... Каждую ночь коченѣли отъ холода, каждый день страдали отъ голода. Питались ягодами, кореньями... Одинъ разъ отравились, поѣвши какихъ-то ядовитыхъ растеній, но по счастью никто изъ нихъ не умеръ. Да, пане Зборовскій, со вздохомъ продолжалъ Заремба, у меня волосы стали дыбомъ, когда я слышалъ разсказъ объ этомъ ужаснѣйшемъ скитаніи. Такъ, блуждая по тайгѣ, выбрались они наконецъ на степь подъ Кяхтою, и тамъ были арестованы казаками, оберегающими монгольскую границу. Всѣ видѣвшіе ихъ послѣ ареста говорили, что они походили больше на привидѣнія, чѣмъ на живыхъ людей: оборванные, измученные, изсохшіе; раны, полученныя нѣкоторыми изъ нихъ подъ Мышихою, загноились... Заремба умолкъ.

— Гдѣ сидитъ Шарамовичъ?

— Въ отдѣльномъ зданіи вмѣстѣ съ восемью другими, которыхъ москали считаютъ зачинщиками.

— Кого именно считаютъ зачинщиками?

— Главные, конечно, Шарамовичъ и Цѣлинскій; затѣмъ Рейнеръ, Арцымовичъ, Котковскій...

— Какъ идетъ слѣдствіе? — прервалъ Зборовскій.

— Большинство держится прекрасно, а есть и болтуны, заботящіеся о томъ, какъ бы увернуться отъ наказанія. Понятно, среди такой массы привлеченныхъ къ слѣдствію, всегда слѣдовало ожидать, что болтуны найдутся; съ этимъ еще можно было бы мириться. Но вотъ грустный фактъ, пане Зборовскій — добавилъ Заремба понизивъ голосъ и наклонился къ Зборовскому, точно собирался ему сообщить важный секретъ — вотъ что грустно: среди самихъ предводителей нашлись такіе... О Цѣлинскомъ разсказываютъ, что онъ очень путаетъ и всѣми силами оправдывается передъ москалями; а объ Арцымовичѣ ходятъ такіе слухи, что я и повторить ихъ не рѣшаюсь.

— Неужели!! — воскликнулъ Зборовскій. — А Шарамовичъ какъ?

— О, это наша гордость — отвѣтилъ Заремба, выпрямляя станъ и проводя пальцами правой руки по своему длинному усу.

— Кто ведетъ слѣдствіе?

— Какой-то Милютинъ, военный прокуроръ... Да вы скоро познакомитесь съ порядками; вѣроятно еще сегодня потянутъ къ допросу. —

Заремба не ошибся: немного времени спустя Зборовскаго вызвали для снятія показаній.

Слѣдствіе надъ поляками тянулось болѣе двухъ, мѣсяцевъ; назначенъ былъ судъ. Число обвиняемыхъ достигло нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Прокуроръ Милютинъ об-

винялъ; полякамъ дозволено было имѣть защитниковъ, но они отказались и защищались сами. Обвиняемые были раздѣлены по степенямъ виновности на шесть категорій. Къ первой категоріи причислено было восемь человѣкъ и всѣ восемь были приговорены къ смертной казни; по второй категоріи — присудили къ плетямъ и пожизненной каторгѣ, и т. д., по убывающимъ степенямъ.

Приговоръ суда былъ болѣе чѣмъ жестокъ, но это всегда нужно для того, что бы въ концѣ можно было разыграть судейскую комедію помилованій и смягченія наказаній. Послѣдовало смягченіе... Однако участь четырехъ человѣкъ была безповоротно рѣшена. Шарамовичъ и Цѣлинскій признаны были иниціаторами мятежа; Рейнера и Котковскаго обвиняли, помимо того, что оба были начальниками отрядовъ, перваго — въ томъ, что по его приказанію была сожжена почтово-телеграфная станція, — второго... Странно прозвучали слова прокурора въ ушахъ присутствующихъ! „Вы, гг. судьи, говорилъ онъ, должны помнить, что Котковскимъ совершено было въ Варшавѣ убійство дѣйствительнаго статскаго совѣтника Фелькнера."

Фелькнеръ былъ убитъ въ 62-мъ году. Въ то время объ этомъ дѣлѣ въ Варшавѣ много говорили. Полиція употребляла всѣ мѣры для разысканія виновныхъ, но ея усилія оказались тщетными: не было никакихъ опредѣленныхъ указаній, никакихъ слѣдовъ. Даже среди поляковъ, членовъ революціонной организаціи, весьма немно-

гимъ извѣстенъ былъ секретъ. Между тѣмъ Котковскій, виновникъ этого событія, воспользовался конскрипціей Велепольскаго и, зачислившись въ русскую армію, отправился для отбыванія воинской повинности въ Харьковъ. Прошло почти три года. О Фелькнерѣ успѣли забыть. Польское возстаніе было задушено; его участники были перевѣшаны или сосланы въ Сибирь. Только тогда въ Варшавѣ русскому генералу Тухолкѣ удалось напасть на слѣды преступниковъ. Въ 65-мъ г. Котковскій былъ арестованъ въ Харьковѣ и привезенъ въ Варшаву. На слѣдствіи онъ сознался и былъ судимъ. Благодаря тому обстоятельству, что къ этому времени издано было особое правительственное распоряженіе, уничтожающее смертную казнь въ Польшѣ за политическія преступленія, Котковскій былъ приговоренъ къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ и сосланъ въ Сибирь.

Теперь, въ Иркутскѣ, русскому правительству являлся удобный случай примѣнить къ Котковскому варварскій законъ во всей его строгости, и оно схватилось за этотъ случай.

И такъ, оказывалось что убійство Фелькнера, надѣлавшее въ свое время много шума въ Варшавѣ, совершено было Котковскимъ. Убійство Фелькнера — объ этомъ дѣлѣ единогласно тогда рѣшили, что оно совершено рукою героя — принадлежало Котковскому... Для большинства подсудимыхъ это было неожиданной новостью. Въ тюрьмѣ вдругъ заговорили о Котковскомъ, заинтересовались имъ; многіе принялись

распрашивать о немъ, такъ какъ для нихъ онъ оказывался мало извѣстной личностью.

— Какъ узнало правительство? Кто могъ донести? — волновались нѣкоторые.

— Дѣло это было открыто въ прошломъ году генераломъ Тухолкою — разъясняли другіе.

— И Котковскаго судили?

— Конечно.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ прокуроръ упоминалъ теперь объ этомъ дѣлѣ? Какое отношеніе имѣетъ убійство Фелькнера къ Забайкальскому возстанію?

— Московское правосудіе: надо же ему выбрать, кого казнить.

— Да разскажите кто нибудь подробно объ этомъ дѣлѣ; о немъ далеко не всѣ знаютъ — замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ.

И вотъ, минуту спустя, бывшіе въ камерѣ слушали слѣдующій разсказъ.

Фелькнеръ имѣлъ обыкновеніе пить кофе въ десятомъ часу утра, говорилъ разсказчикъ. Въ этотъ-то часъ подъѣхала однажды къ его дому пара лошадей, и изъ фаэтона выскочилъ жандармскій офицеръ. Швейцаръ, стоявшій у входной двери, собирался было сказать, что Фелькнеръ не принимаетъ, но офицеръ, ни на мгновеніе не останавливаясь, быстро прошелъ мимо него и сталъ подниматься по лѣстницѣ. Всякій, кто жилъ тогда въ Варшавѣ, помнитъ, конечно, на сколько тревожное было время. Швейцаръ не рѣшился принять мѣръ, объясняя себѣ торопливость офицера какимъ либо очень важнымъ дѣломъ, не допускаю-

щимъ ни малѣйшаго промедленія. Между тѣмъ офицеръ поднялся на лѣстницу и вошелъ въ пріемную. Жандармъ, дежурившій въ передней Фелькнера, увидя передъ собою офицера своего вѣдомства, засуетился и торопливо стянулъ съ его плечь широкій плащъ. Офицеръ хорошо зналъ расположеніе комнатъ и, не теряя времени, съ портфелемъ въ рукѣ прошелъ въ одну изъ дверей, ведшихъ внутрь помѣщенія. Пройдя двѣ комнаты, онъ отворилъ дверь и неожиданно предсталъ предъ Фелькнеромъ. Генералъ сидѣлъ на диванѣ за столомъ; сбоку въ креслѣ сидѣла его жена; нѣсколько дальше стояла нянька съ ребенкомъ на рукахъ.

— Экстренная бумага, Ваше Превосходительство! проговорилъ офицеръ, вынимая изъ портфеля бумагу и подавая ее черезъ столъ. Фелькнеръ взялъ бумагу и принялся ее читать. Лицо его вдругъ страшно поблѣднѣло... Бумага та, панове, содержала его смертный приговоръ... Въ то-же мгновенье въ рукѣ жандармскаго офицера блеснулъ страшный стилетъ и Фелькнеръ мертвый свалился на полъ; онъ не успѣлъ даже вскрикнуть. Жена упала въ обморокъ; нянька стала звать на помощь. Но офицеръ тѣмъ-же путемъ быстро возвращался назадъ. Выскочивъ въ пріемную, онъ крикнулъ жандарму: „пальто!“ накинулъ плащъ на плечи, сбѣжалъ съ лѣстницы, сѣлъ въ фаэтонъ и скрылся за первымъ поворотомъ улицы. Вслѣдъ за тѣмъ по всему дому пронесся крикъ: „убійство! убійство!“ Все, что было живого, забѣгало, засуетилось; но было поздно: никого не поймали. Потомъ

на слѣдствіи успѣли лишь выяснить, что тотъ офицеръ былъ молодой человѣкъ средняго роста, плечистый... Этотъ-то офицеръ и былъ, панове, Владиславъ Котковскій.

— Вовсе не такъ было! Я въ то время жилъ въ Варшавѣ — замѣтилъ одинъ изъ слушателей.

— И я тогда жилъ въ Варшавѣ, возразилъ разсказчикъ.

— Можетъ быть, но повторяю — дѣло было не такъ. Если желаете, панове, я разскажу; разскажу, вѣроятно, менѣе краснорѣчиво, чѣмъ мой предшественникъ, но ручаюсь, что отъ меня вы услышите истину. —

Присутствующіе исъявили желаніе послушать другой разсказъ, и второй разсказчикъ началъ:

— Послѣ Подвысоцкаго, котораго нашли однажды повѣшеннымъ въ его собственной квартирѣ, но успѣли вовремя вынуть изъ петли и спасти ему жизнь, начальникомъ варшавской тайной полиціи москали назначили Фелькнера. Принявъ эту должность только въ сентябрѣ 62-го г., уже въ октябрѣ онъ успѣлъ проникнуть въ такія тайны, что „жонду народовому" пришлось серьезно подумать о предупрежденіи опасности. Фелькнеръ былъ необычайно ретивъ, и будучи хорошо знакомъ съ варшавской жизнью, сразу сдѣлался въ высшей степени опаснымъ человѣкомъ. „Жондъ" приговорилъ Фелькнера къ смерти и исполненіе этого приговора поручено было Владиславу Котковскому. Пять штилетниковъ, во главѣ которыхъ былъ самъ Котковскій, стали появляться на улицѣ „Твардой", гдѣ жилъ въ

то время начальникъ тайной полиціи. Чтобы не обратить на себя вниманія, они проводили время въ кутежахъ по кондитерскимъ, а вечеромъ подходили къ квартирѣ Фелькнера подъ окно, возлѣ котораго тотъ имѣлъ обыкновеніе работать; лицо Фелькнера зналъ одинъ Котковскій; надо было изучить его остальнымъ штилетникамъ. 8-го ноября 62-го года Котковскій еще съутра разставилъ своихъ соучастниковъ по Твардой улицѣ и приказалъ имъ караулить. Нѣсколько разъ Фелькнеръ проходилъ мимо нихъ, они не могли сдѣлать нападенія: то одно, то другое мѣшало. Такъ прошелъ весь день. Только въ пять часовъ вечера совершилось убійство... въ пять — вечера, а не въ десять — утра, какъ было здѣсь разсказано. У квартиры возлѣ калитки поставлено было два штилетника: Шульцъ и Муляжъ; самъ же Котковскій спрятался за калиткою съ твердымъ намѣреніемъ самому покончить со шпіономъ, разъ другіе почему либо оплошаютъ. Глядя на улицу черезъ щель, Котковскій замѣтилъ, что его товарищи струсили и не рѣшались напасть на полицейскаго, приблизившагося уже къ самымъ воротамъ; тогда онъ выскочилъ изъ за калитки, схватилъ Фелькнера за горло и нанесъ ему стилетомъ три удара въ грудь; Фелькнеръ бездыханный повалился на землю, а штилетники тотчасъ разбѣжались въ разныя стороны. Но на этомъ не конецъ. По дорогѣ Котковскій вспомнилъ, что на мѣстѣ дѣйствія онъ забылъ свою бурку; поворотивъ назадъ, онъ засталъ уже кучку людей, стоявшихъ надъ трупомъ; Котковскій

поднялъ бурку, вынулъ кинжалъ, на глазахъ толпы отрѣзалъ ухо у мертваго шпіона и затѣмъ убѣжалъ. Изъ толпы нѣкоторые бросились его ловить, но благодаря сумеркамъ ему удалось скрыться. Ухо Фелькнера было потомъ представлено Котковскимъ въ „Центральный Комитетъ". Вотъ какъ было дѣло — закончилъ второй разсказчикъ.

— А знаете ли, панове, мнѣ всегда казалось что у Котковскаго лежитъ на сердцѣ нѣчто ужасное — заговорилъ одинъ изъ слушателей. — Я жилъ съ нимъ нѣкоторое время въ одномъ баракѣ: страшно вспомнить какъ онъ стоналъ по ночамъ!... Ночью, когда всѣ спятъ, онъ вскочитъ, бывало, и сидитъ на нарахъ — блѣдный, весь качается отъ усталости.

— Да, да, я помню тоже — замѣтилъ другой. — Мнѣ передавали, что его чрезвычайно мучило убійство одной панны, совершенное имъ въ Варшавѣ. Въ эту панну, онъ, говорятъ, былъ влюбленъ.

— Какъ-же это могло случиться? — спросилъ кто-то.

— Ея братъ или родственникъ какой-то, къ которому она была очень привязана, арестованъ былъ въ Вильно, послѣ чего она задумала отправиться къ Муравьеву съ предложеніемъ: выдать все ей извѣстное о польскомъ дѣлѣ, лишь бы освободили ея брата. Котковскій объ этомъ узналъ и убилъ ее.

— Это вѣрно — подтвердилъ третій. — Могу еще добавить, что убійство этой панны случилось дня за два или за три до убійства Фелькнера.

— Какая ужасная исторія!!

— Еще бы не ужасная: быть вынужденнымъ убить того, кого любишь! Не удивительно, что онъ всегда былъ такой мрачный! А какъ онъ отъ всѣхъ сторонился! Чуть сойдется нѣсколько человѣкъ и поднимутъ общій разговоръ, или начнутся шутки — онъ тотчасъ отходитъ въ сторону. Слова отъ него, бывало, не добьешься! Тогда мнѣ совршенно было неизвѣстно его прошлое, но и тогда у меня уже составилось о немъ убѣжденіе какъ о человѣкѣ необыкновенномъ.

— Ну, разсказывайте теперь заднимъ числомъ! — замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ. — Почему этого прежде не говорили? Напротивъ — видѣли, что онъ сторонится и сами всѣ отъ него сторонились. А вотъ, панове, что мнѣ сообщилъ смотритель: будто послѣ суда одна важная персона заходила въ Рейнеру и Котковскому и предлагала имъ подать прошенія о помилованіи; „нашъ царь милостивъ!" добавила персона. Котковскій разсмѣялся и отвѣтилъ: „Вѣрю, что вашъ царь милостивъ, и я готовъ подать ему прошеніе, что бы онъ не откладывалъ моей казни".

— А Рейнеръ?...

— Рейнеръ выругался. —

Такимъ образомъ, въ представленіи его товарищей фигура Котковскаго мало-по-малу росла и превращалась въ героическій образъ. Даже его мрачность, нелюдимость, раньше отталкивавшая всѣхъ, теперь вспоминалась какъ признакъ душевнаго величія. Однако, по справедливому замѣчанію одного

изъ собесѣдниковъ, все это было „заднимъ числомъ"; Котковскій становился достояніемъ исторіи.

Зборовскій сидѣлъ на нарахъ и слушалъ разсказчиковъ. Котковскаго онъ зналъ съ дѣтства; но этотъ Котковскій совершенно не походилъ на того, о которомъ шла теперь рѣчь въ камерѣ. Потерявши его изъ вида въ 62-мъ году, подобно большинству заключенныхъ, онъ не зналъ ни о дѣлѣ Фелькнера, ни о дальнѣйшей судьбѣ Владислава. Новые крупные факты накладывали новую тѣнь на знакомый ему образъ и онъ чувствовалъ, какъ постепенно создавалось въ его умѣ новое представленіе о Котковскомъ. У него незамѣтно стало возникать къ нему какое-то очень странное чувство. Вспомнился Зигмунту почему-то его старшій братъ, умершій лѣтъ семь тому назадъ; въ его памяти живо воскресла та минута, когда онъ стоялъ надъ трупомъ и всматривался въ лицо покойника; глаза мертвеца были закрыты; но густыя темныя брови, лобъ, подбородокъ — словомъ всѣ черты лица остались прежнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ ужасно перемѣнился! Что-то таинственное легло между нимъ и братомъ, и отдѣлило ихъ навсегда другъ отъ друга. Ему тогда казалось — да это такъ и было — что онъ готовъ былъ рѣшительно все сдѣлать для этого дорогаго ему трупа: интересы жизни были забыты; не задумываясь онъ отдалъ бы тогда все, что потребовали бы отъ него... Но то было новое чувство; оно не походило на ту любовь, которую онъ питалъ къ нему при жизни.

Теперь Зигмунтъ почувствовалъ къ Владиславу нѣчто аналогичное тому, что чувствовалъ нѣкогда къ умершему брату. Образъ Владислава въ его представленіи совершенно перемѣнился, подобно лицу мертвеца. Не потому ли однако, что Владиславъ и на самомъ дѣлѣ скоро будетъ мертвецомъ?... Ну, а если онъ сію минуту войдетъ къ нимъ въ „общую" камеру?... Но онъ не войдетъ больше никогда въ „общую" камеру, и Зигмунтъ никогоа больше не увидитъ его... По какому праву люди осмѣливаются осуждать на смерть другихъ людей? Какая польза, какой смыслъ въ этой отвратительной, цинической жестокости? Собраться толпою въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, привести связаннаго и убить его на глазахъ всего міра!... Во сто кратъ нравственнѣе самое гнусное убійство изъ-за угла! Онъ больше не увидитъ Владислава никогда, никогда... Слово: никогда десятки, сотни разъ пробѣгало въ мысляхъ Зборовскаго; оно звучало ему въ ушахъ точно кто-то нашептывалъ его. А отъ этого слова вѣяло холодомъ. У Зборовскаго родилось непреодолимое желаніе увидѣть Котковскаго еще хоть одинъ разъ.

Подъ вліяніемъ этого чувства онъ послалъ Котковскому записку, и, спустя нѣкоторое время, получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ. „Изъ твоей записки вижу, что ты очень озабоченъ моей судьбой; тебя пугаетъ моя участь; ты не можешь подумать о ней безъ ужаса... Какъ ты добръ, Зигмунтъ, и какъ я всегда любилъ тебя за твою доброту!... Но тревожишься ты все

таки напрасно, совершенно напрасно, мой дорогой! Въ своей тревогѣ ты упускаешь изъ виду мое настроеніе, а въ данномъ случаѣ это едва-ли не самое главное. Со дня приговора я почти веселъ и спокойно ожидаю казни. Послѣдніе дни даже сплю хорошо: ни одного сновидѣнія! Такъ спалъ я только въ дѣтствѣ, въ томъ сараѣ, что стоялъ на дворѣ моихъ родителей. Въ лѣтнія ночи мы съ тобою часто спали тамъ; старикъ Ясь тоже бывало примащивался возлѣ насъ и разсказывалъ намъ сказки... Зигмунтъ, помнишь ли ты этотъ сарай? Помнишь-ли ты одну, страшно пугавшую насъ сказку, какъ какой-то злой волшебникъ, необыкновенно малаго роста, и съ длиннѣйшими усами и бородою — борода была у него до самой земли — укралъ молодую дочь короля и заперъ ее въ свой волшебный замокъ? Дни она проводила въ полномъ уединеніи, а по ночамъ неизвѣстно откуда являлся маленькій волшебникъ и переходя изъ комнаты въ комнату мѣрнымъ шагомъ, громко пѣлъ: na piędź wąs, na piędź wąs, na łokieć broda! Wyjdź do mnie, wyjdź do mnie królewna młoda!*) А она, бѣдная, въ это время вся въ ужасѣ пряталась по уголкамъ... Я вотъ точно сейчасъ слышу, какъ Ясь поетъ эту ужасную пѣсню волшебника!... На чистомъ лѣтнемъ небѣ мерцаютъ звѣзды; изъ сосѣдняго пруда хоръ лягушекъ доносится къ намъ въ сарай; въ сараѣ темно. Яся не видно; слышно

*) На футъ — усы, на футъ — усы, на аршинъ — борода! Выйди ко мнѣ, выйди ко мнѣ, молодая королевна:

только, какъ онъ поетъ пѣсню. Пропѣвши пѣсню, онъ продолжаетъ разсказъ, а мы въ эту минуту, укутавшись въ одѣяла, тѣсно прижимаемся другъ къ другу отъ страха... Мотивъ этой пѣсни дѣйствительно былъ какой-то странный... А сказка, насколько помнится, оканчивается убійствомъ королевны? Не правда-ли?“ *)

„Гдѣ-же теперь это все?... Стоитъ-ли еще сарай, или же сгнилъ и обвалился? И что дѣлается съ нашимъ старичкомъ Ясемъ? Я слыхалъ, что онъ былъ арестованъ... Вѣроятно и онъ покоится уже въ могилѣ. Ну, прощай, Зигмунтъ! Ты былъ моимъ другомъ дѣтства; ты — не правда-ли? — всегда будешь вспоминать своего маленькаго Владислава. Думай-же, что онъ умеръ еще въ дѣтствѣ.“

Въ концѣ письма стояла приписка: „Надѣюсь, что передъ казнью мнѣ разрѣшатъ проститься съ тобою.“

Приближался день казни. Не смотря на то, что приговоренныхъ къ смерти держали въ особомъ зданіи, находившемся въ другой части города, въ общихъ камерахъ тюремнаго замка наступила какая-то особая тишина; не только пѣть — старались даже говорить негромко, ходить — не стуча; если кто нарушалъ эти, сами-собою, безъ сговора установившіеся порядки, ему тотчасъ давали почувствовать неумѣстность его поведенія. Всѣ ждали грознаго часа. Напряженіе нервовъ было такъ велико,

---

*) По сказкѣ молодая королевна избавляется отъ рукъ волшебника.

что минуты превращались въ часы, часы въ дни.

26-го ноября въ корридорѣ послышался шумъ и звонъ, двигавшагося вооруженнаго конвая. Заключенные — побуждаемые любопытствомъ — столпились у двери, стараясь заглянуть на корридоръ черезъ дверное оконце. Поровнявшись съ дверью, конвой остановился; Котковскій подошелъ къ оконцу.

— Зигмунтъ! — крикнулъ онъ.

Зборовскій, сидѣвшій на нарахъ, узналъ голосъ, поблѣднѣлъ и, торопливо соскочивъ на полъ, побѣжалъ къ дверямъ. Толпа, стоявшая возлѣ дверей, разступилась.

— Нельзя-ли отворить камеру? — послышался голосъ Котковскаго.

— Въ камеру не приказано васъ пускать — отвѣтилъ другой голосъ.

— Ну, будь счастливъ, Зигмунтъ! — сказалъ тотъ, поворотившись лицомъ къ двери и просовывая руку въ дверное оконце.

Зигмунтъ, обезумѣвшій отъ горя, схватился обѣими руками за руку Котковскаго и прильнулъ къ ней губами. Рука Котковскаго задрожала; онъ попытался освободить ее.

— Ради Христа! — воскликнулъ Зборовскій. Слезы потекли изъ его глазъ; разъ или два онъ всхлипнулъ и потомъ, какъ дитя, громко на всю камеру заплакалъ.

— О Зигмунтъ! — чуть слышно донеслось изъ за двери.

— Пора — замѣтилъ конвойный офицеръ.

Котковскій крѣпко сжалъ пальцы Зигмунта и выдернулъ руку изъ оконца.

— Прощай! Прощай! — гудѣло ему въ слѣдъ изъ камеры.

Утромъ слѣдующаго дня по городу Иркутску медленно двигался кортежъ, состоявшій изъ двухъ дрогъ, окруженныхъ массой войска. На переднихъ дрогахъ сидѣли Шарамовичъ и Котковскій, на заднихъ — Рейнеръ и Цѣлинскій. Не смотря на сильный холодъ, преступники были въ одніхъ сѣрыхъ, арестантскихъ халатахъ. Тихо — шагъ за шагомъ — подвигалась процессія по предмѣстью, называемому Ушаковка, гдѣ должна была совершиться казнь. Толпа народа слѣдовала сзади; одни перебѣгали впередъ, торопясь раньше добраться и занять удобное мѣсто, другіе бѣжали куда-то въ стороны, должно быть, звать пріятелей на торжество, готовившееся для иркутчанъ. Послѣ часового шествія кортежъ приблизился къ мѣсту назначенія. Четыре деревянныхъ столба, съ выкопанными возлѣ нихъ могилами, стояли за чертой города. День былъ страшно холодный: въ воздухѣ стояла „копоть". Сухой снѣгъ громко скрипѣлъ отъ людскихъ шаговъ. Кусты рододендронъ, росшіе вблизи, низко склонили свои вѣтви подъ тяжестію инея.

„Преступникн" слѣзли съ дрогъ и остановились въ глубокомъ снѣгу, засыпавшемъ ихъ ноги выше арестантскихъ „котовъ".

— На караулъ! — раздалась команда.

Всѣ солдаты — какъ одинъ — выставили свои ружья впередъ и замерли въ позиціи. Началось чтеніе приговора.

Слѣва стоялъ Шарамовичъ, устремивъ свои большіе черные глаза на жандармскаго

капитана, находившагося вблизи отъ него; тотъ не выдержалъ этого взгляда и въ смущеніи опустилъ голову. Нѣсколько сзади Шарамовича, съ опущенной на грудь головою, стоялъ Цѣлипскій; лицо его трудно было разсмотрѣть; видны были только его длинные сѣдые усы; по вздрагивавшимъ длиннымъ усамъ было замѣтно, что онъ про себя шепталъ что-то: должно быть молился. Котковскій и Рейнеръ стояли справа. Котковскій безучастно поворачивалъ голову то въ одну, то въ другую сторону и осматривалъ окружающихъ тусклымъ взоромъ. Рейнеръ переступалъ съ ноги на ногу, отряхивалъ снѣгъ, билъ одной ногой о другую; видимо ему было холодно и на его молодомъ, отъ мороза синеватомъ лицѣ выражалась досада. Но вотъ тусклые глаза Котковскаго оживились — онъ улыбнулся... Показалось ли ему смѣшнымъ какое либо выраженіе приговора, или же онъ вспомнилъ что либо?... Очень можетъ быть, что онъ вспомнилъ панну Розалію; въ эту минуту воспоминаніе о ней вовсе не было для него тяжелымъ.

Приговоръ былъ прочтенъ. Поляки подошли къ столбамъ и размѣстились по одному. На казнь призванъ былъ ксендзъ Шверницкій: русское правительство заботилось, чтобы души казненныхъ „злодѣевъ" попали въ рай. Ксендзъ поочередно подошелъ ко всѣмъ четыремъ и, совершивъ обрядъ исповѣди, удалился дрожа отъ страха; ксендзъ Шверницкій былъ старый человѣкъ. Отданъ былъ приказъ привязать преступниковъ къ столбамъ. Солдаты приблизились.

— Niech żyje Polska! громко крикнулъ въ эту минуту Шарамовичъ, и высоко вверхъ бросилъ свою арестантскую шапку.

Но откликнулся ему одинъ Рейнеръ.

— Самъ буду стоять, тихо говорилъ въ это время Котковскій солдату, привязывавшему его къ столбу.

Цѣлинскій съ опущенной головой шепталъ молитву.

Для кого же крикнулъ Густавъ Шарамовичъ? Кругомъ непрерывною цѣпью стояли русскіе солдаты; въ кругу сновали полицейскіе и жандармы; сзади солдатъ виднѣлись головы любопытныхъ иркутскихъ мѣщанъ... Ни одного смѣлаго лица, ни одного сочувственнаго взгляда!! Тутъ были враги, въ лучшемъ случаѣ — безучастные зрители, для которыхъ Польша была ничто... А до этой самой Польши страшно — страшно далеко отъ мѣста казни!...

Раздались выстрѣли... И вотъ сосѣдніе кусты рододендроновъ сжалились тогда надъ Шарамовичемъ: они подхватили его предсмертный крикъ и перебросили на лѣвый берегъ Ангары; тамъ этотъ крикъ приняла тайга и пустила его прямо на западъ, все усиливая своимъ эхомъ... — Niech żyje Polska! пронеслось по всему Привислянскому краю.

---

# Побѣгъ
## Михаила Федоровича Грачевскаго *).

Дѣло происходило, помнится, съ сентябрѣ и началѣ октября 1879 года. Грачевскій, схваченный въ Одессѣ, безъ малѣйшихъ впрочемъ формальныхъ основаній, уже второй годъ пребывалъ въ Пинетѣ. — Безцвѣтная и безцѣльная жизнь административнаго ссыльнаго въ концѣ концовъ сдѣлалась невыносимою для этой дѣятельной натуры, и онъ рѣшился бѣжать, тѣмъ болѣе что, извѣшивая все пережитое и передуманное, онъ приходилъ къ мысли о необходимости дѣятельной и энергичной борьбы съ правительствомъ, между тѣмъ какъ революціонная партія до сихъ поръ, казалось Грачевскому, не рѣшается стать на эту точку зрѣнія. Послѣднее, собственно говоря, было

*) М. Ф. Грачевскій въ 1873 году служилъ мастеромъ, а потомъ машинистомъ на Козловско-Тамбовской желѣзной дорогѣ. Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго къ процессу 193, онъ болѣе двухъ лѣтъ просидѣлъ въ тюрьмѣ, затѣмъ по суду былъ оправданъ въ маю 1878 года, поступилъ машинистомъ въ Бѣлгородъ на К. Х. А. желѣзную дорогу. Скоро онъ перевелся на Одесско-Балтскую желѣзную дорогу. Послѣ процесса Ковалевскаго, онъ въ числѣ многихъ другихъ былъ сосланъ административно, именно въ Пинему, откуда бѣжалъ въ сентябрѣ 1879 года. Лѣтомъ 1882 года онъ былъ арестованъ въ Петербургѣ.

не вѣрно. Грачевскій, въ своемъ уединеніи, просто не зналъ, что дѣлается въ Россіи. Мы живо помнимъ его удивленіе и удовольствіе, когда, по пріѣздѣ въ Москву, онъ увидѣлъ что ему не приходится никого ни въ чемъ убѣждать, и что въ центрѣ уже приступили даже къ практическому осуществленію разныхъ плановъ, необходимость которыхъ Грачевскій только собирался доказывать. Такимъ образомъ онъ сразу и всей душой примкнулъ къ народовольству. Замѣчательно между прочимъ, что въ 1879 году по всѣмъ угламъ Россіи, совершенно независимо другъ отъ друга, революціонеры стали приходить къ совершенно одинаковымъ выводамъ относительно способовъ дѣйствія, такъ что народовольчество только сформировало, въ сущности, идеи, носившіяся въ воздухѣ, а Исполнительный Комитетъ въ своей дѣятельности, такъ точно выражалъ стремленія партіи, какъ не съумѣло бы ихъ выразить и выборное представительство. Въ этомъ конечно должно искать главную причину жизненности народовольчества, и той громадной энергіи, какую умѣлъ развить Исполнительный Комитетъ.

Возвратимся однако къ Грачевскому. Итакъ, онъ рѣшился бѣжать. Къ сожалѣнію, сношенія съ ссыльными поддерживались ихъ „вольными“ братьями такъ плохо, и помощь, получаемая ими „съ воли“,*) была настолько ничтожна, что Грачевскій, упу-

*) Это — техническое тюремное выраженіе, которое перешло мало по малу въ разговорный языкъ.

ствивши въ ожиданіи помощи, наиболѣе благопріятное для побѣга время, имѣлъ къ началу осени всего 20 рублей денегъ.*) Ждать дольше было однако невозможно. Наступилъ уже періодъ дождей, а тамъ не въ далекѣ виднѣлась и зима. Грачевскій всетаки имѣлъ возможность купить сапоги, тулупъ, запасся мѣшкомъ сухарей и пріобрѣлъ даже компасъ (это уже отъ пріятелей). Въ это же время онъ успѣлъ списаться съ другимъ ссыльнымъ, Орловымъ (по товарищескому прозвищу „Борода"), который былъ въ какомъ-то другомъ городѣ, кажется Холмогорахъ. Грачевскій и Орловъ условились сойтись въ извѣстномъ имъ пунктѣ и затѣмъ уже продолжать путь вмѣстѣ.

Дремучіе лѣса окружаютъ городъ Пинегу и тянутся на сотни верстъ по всему сѣверу Архангельской губерніи, вплоть до самыхъ тундръ, а на югѣ переходятъ въ Вологодскую губернію, до самыхъ границъ настоящей, коренной Россіи. Эти лѣса пересѣкаются могучими потоками, а мѣстами переходятъ въ невылазныя трясины и болота. Много дней можно здѣсь проплутать, можно даже десять разъ умереть съ голоду, прежде чѣмъ наткнешься на человѣческое жилье. Гораздо легче здѣсь встрѣтиться съ медвѣдемъ, стаей волковъ, а подчасъ и съ кровожадной рысью. Страшно какъ-то представить себѣ въ концѣ XIX столѣтія путешествіе на сотни верстъ пѣшкомъ, при

*) На такихъ частныхъ случаяхъ всего легче убѣждаешься въ громадной пользѣ, которую могло бы принести революціи хорошо поставленное учрежденіе, вродѣ Краснаго Креста.

такой фантастической обстановкѣ, которую мы привыкли встрѣчать развѣ только въ полусказочныхъ разсказахъ объ американскихъ охотникахъ. И однако же все это даже не преданіе, а современный фактъ, правдивая страничка изъ жизни современнаго русскаго революціонера.

Сотни двѣ верстъ промикомъ по дикому сѣверному лѣсу не пугали впрочемъ Грачевскаго. Надо сказатъ что человѣкъ это, какъ говорятъ, на всѣ руки, типъ всевыносящаго и ко всему приспособляющагося русскаго человѣка. Онъ средней силы, но чрезвычайно выносливъ. Жизнью не избалованъ, въ удобствахъ и комфортѣ не нуждается. Онъ все умѣетъ сдѣлать: немножко плотникъ, немножко столяръ, по спеціальности механикъ. Съ топоромъ въ рукѣ онъ конечно съумѣетъ себѣ и шаласъ устроить, а при надобности и плотъ. Съумѣетъ защититься и отъ дикаго звѣря. Единственный страшный звѣрь для него — это уродливая разновидность homo sapiens, именуюемая россійскимъ становымъ, урядникомъ, жандармомъ. Но отъ этого звѣря дремучій боръ составлялъ самое надежное убѣжище для бѣглеца. Грачевскій больше всего опасался той части пути, которая вела къ лѣсу, по открытому мѣсту. Я не знаю, какъ онъ выбрался изъ города; но во всякомъ случаѣ онъ успѣлъ благополучно пройти это опасное мѣсто, и скоро гостепріимный, пахучій лѣсъ открылъ ему свои зеленыя объятія. Съ радостнымъ чувствомъ „вольнаго казака“ углубился нашъ бѣглецъ въ таинственный полумракъ, подъ тысячелѣтніе

своды могучихъ сосенъ и бодро зашагалъ впередъ, время отъ времени справляясь съ своимъ компасомъ.

Идти однако было не легко. Очень часто дорогу преграждали завалы изъ огромныхъ деревьевъ, скошенныхъ сѣверной бурей; мѣстами попадались трясины, заросшія обманчивымъ зеленымъ мохомъ, подъ которымъ скрывается жидкая грязь, способная засосать цѣлаго мамонта. Приходилось дѣлать постоянные обходы, и въ тоже время нужно было торопиться, чтобы обезопасить себя отъ погони. Излишне прибавлять, что ссыльный, для котораго воспрещенъ выходъ за городскую черту, не можетъ знать окрестностей, и направленіе пути Грачевскій былъ принужденъ опредѣлять исключительно по компасу, да по своимъ соображеніямъ о тѣхъ извилинахъ, которыя приходилось дѣлать при обходахъ. Вѣроятность сбиться съ пути, благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ возрастала конечно до максимума, но первое время объ этомъ нельзя было слишкомъ много думать, такъ какъ самое главное было — уйти отъ погони.

Наступила ночь, подъ густымъ сводомъ деревьевъ она превращалась въ черную непроглядную тьму. Сверхъ того небо заволоклось тучами, и пошелъ дождь. Съ одной стороны это было обстоятельство очень выгодное, такъ какъ дождь долженъ былъ загладить слѣды бѣглеца. Но продолжать путь зато становилось совершенно невозможно. Измученный Грачевскій отыскалъ себѣ кое-какъ мѣстечко посуше, закрылся, какъ могъ, тулупомъ и заснулъ,

какъ убитый, подъ убаюкивающій шелестъ сосенъ и монотонное шуршаніе дождя. Не мягка была постель, ночной холодъ пробирался подъ тулупъ сквозь каждую щелку, дождевая вода подтекала ручьями. Но свѣтло и радостно было на душѣ счастливаго бѣглеца. Да и чего, дѣйствительно, не скраситъ въ жизни свобода!

На утро Грачевскій открылъ непріятное обстоятельство. Дождь подмочилъ его сухари. Продрогшій и закостенѣвшій за ночь, нашъ путникъ закусилъ промокшимъ сухаремъ и пустился въ дорогу. Весь день продолжался дождь. Почва начала мѣстами размягчаться, и идти становилось труднѣе. Самое же главное — лѣсъ пошелъ просто первобытный. Можно было подумать, что съ сотворенія міра нога человѣка не проникала въ эти трущобы: до такой степени свѣжа, дика и дѣвственна казалась эта могучая природа. Это обстоятельство начало даже безпокоить Грачевскаго, который не могъ не подумать, не уклонился ли онъ уже черезъ чуръ въ сторону. Такъ прошелъ день, другой, въ тяжеломъ трудѣ, въ лишеніяхъ, однообразно, но не скучно. Нѣтъ, напротивъ, объ этихъ дняхъ своей жизни, полныхъ какой-то торжественной и суровой свободы, Грачевскій всегда вспоминалъ съ наслажденіемъ. Онъ настолько подвинулся впередъ, что могъ уже не бояться преслѣдованія. Онъ позволялъ себѣ даже разводить огонь, чтобы обсушиться и согрѣться. Ноги также обтерпѣлись и не очень болѣли, несмотря на форсированный маршъ. Только пища была ужасная. Сухари преврати-

лись въ тѣсто, холодное, грязное: его приходилось горстью зачерпывать изъ мѣшка. Раза два впрочемъ Грачевскому попадались ягоды, хотя онъ не могъ тратить слишкомъ много времени собирать ихъ. Еще черезъ день дождь прекратился. На пятый день Грачевскій сталъ замѣчать, что лѣсъ рѣдѣетъ, и скоро дѣйствительно вышелъ на опушку.

Передъ нимъ открывалась великолѣпная панорама. Огромная рѣка, съ заливами и островами, открывала во всѣ стороны необъятный горизонтъ. Сюда, на рѣку, и долженъ былъ выйти Грачевскій, по маршруту, но сообразивши мѣстность, онъ убѣдился, что сдѣлалъ огромный крюкъ и вышелъ гораздо ниже, чѣмъ разсчитывалъ. Очевидно, что въ лѣсу онъ сильно плуталъ. Теперь нужно было торопиться, чтобы не опоздать на rendez-vous съ Орловымъ. У рѣки между тѣмъ виднѣлся поселокъ, и Грачевскій направился къ берегу, увѣренный, что найдетъ гдѣ нибудь лодку: ему слѣдовало теперь подняться вверхъ по рѣкѣ. Лодокъ на берегу оказалось дѣйствительно сколько угодно. Мысленно извинившись только передъ неизвѣстнымъ хозяиномъ (такъ какъ разумѣется спрашивать хозяина лодки было невозможно), Грачевскій выбралъ себѣ одну, поменьше, взялъ пару веселъ и бодро пошелъ противъ теченія. Погода стояла ясная. Яркое солнце освѣщало великолѣпную рѣку, ея острова, заливные луга и прибрежные лѣса. Послѣ утомительнаго лѣснаго похода, плаваніе казалось Грачевскому настоящимъ праздникомъ. Несмотря на это однако, онъ

сталъ замѣчать въ себѣ самый тревожный упадокъ силъ и при всѣхъ стараніяхъ подвигался впередъ очень медленно. Такъ прошло еще нѣсколько дней. Наконецъ показались на берегу знакомыя мѣста, гдѣ и было назначено rendez-vous. Грачевскій высадился, а лодку оттащилъ подальше, на глубину и пустилъ внизъ по теченію, обратно къ хозяину.

Теперь возникалъ вопросъ, гдѣ искать Орлова. Пунктъ свиданія, конечно, могъ быть обозначенъ лишь приблизительно; что же касается времени, то хотя между бѣглецами и было условлено ждать другъ друга, по возможности, но, принимая во вниманіе всѣ обстоятельства, на это трудно было положиться. Грачевскій самъ очень запоздалъ, потому что плуталъ въ лѣсу и на рѣку вышелъ очень низко. Многое въ этомъ родѣ могло случиться и съ Орловымъ; наконецъ, онъ могъ быть и арестованъ, хотя, съ другой стороны, могъ уже давно прійти на мѣсто, ждать нѣсколько дней и уйти дальше. Долго блуждалъ Грачевскій туда и сюда, замѣтилъ въ одномъ мѣстѣ подъ стогомъ свѣжее логово, съ помятою вокругъ травой, но самого Орлова не находилъ. Оказалось впослѣдствіи, что онъ дѣйствительно имѣлъ пріютъ подъ этимъ стогомъ, и что онъ ушелъ, прождавши Грачевскаго два дня. Грачевскій собственно такъ и подумалъ, но все таки рѣшился на всякій случай прождать условленные два дня. Все это время онъ бродилъ по лѣсу, по берегу, въ кустарникахъ, разсчитывая, не столкнется ли гдѣ нибудь съ Орловымъ. Надежда ока-

залась напрасной. А между тѣмъ недостатокъ пищи и постоянныя ночевки въ сырости настолько истощили Грачевскаго, что ему бы не слѣдовало терять и лишняго часа.

Наконецъ, черезъ два дня, онъ двинулся дальше. Отсюда начинались уже самыя опасныя мѣста, такъ какъ скоро приходилось выходить на дорогу, въ населенныя мѣстности, затѣмъ переправляться черезъ рѣку — пунктъ, гдѣ бѣглецовъ легче всего могли изловить. Не прошло, дѣйствительно, и двухъ дней, какъ Грачевскій встрѣтилъ мужика, разговорившись съ которымъ, узналъ, что „становой стоитъ лагеремъ" на другомъ берегу, у переправы, а по деревнямъ отданъ приказъ всѣхъ проходящихъ обыскивать и представлять къ нему.

— Что же такое случилось?

— Бѣглаго ловятъ. Одного ушъ словили. Другаго ждутъ...

Такъ узналъ Грачевскій и поимкѣ Орлова, схваченнаго незадолго, и тутъ же порѣшилъ, что и ему никакъ не сдобровать. Разъ становой успѣлъ опередить бѣглецовъ и загородитъ имъ путь въ Россію, имъ оставалось только повернуть назадъ въ свои лѣса . . . Но Грачевскій, безъ всякихъ средствъ, и уже совершенно истощенный голодомъ, не рѣшился повернуть назадъ, въ пустыню: тамъ могла его ждать только смерть. Онъ предпочалъ пойти напроломъ впередъ, въ смутной надеждѣ, что авось можетъ быть явится на выручку какая нибудь непредвидѣнная случайность, авось молъ кривая вывезетъ...

Ничего хорошаго однако не случилось, и кривая не вывезла. Черезъ рѣку переправиться оказывалось невозможнымъ, исключая того мѣста, гдѣ сторожилъ становой. Его „лагерь“ даже виденъ былъ съ этого берега. Очевидно, становой былъ увѣренъ, что звѣрь въ лѣсу, и рѣшился расположиться въ своей позиціи чуть не на зимнія квартиры. Проблуждавши нѣсколько времени, Грачевскій, еле живой отъ голоду, долженъ былъ зайти въ деревню, попросить чего нибудь поѣсть. Мужикъ, къ которому онъ адресовался, охотно накормилъ его, но казался вообще очень сконфуженнымъ, а потомъ завелъ рѣчь о бѣглыхъ, о томъ, что всѣхъ прохожихъ велѣно предъявлять... Видно было, что мужикъ совѣстился выдавать человѣка, но и отвѣтственности боится. Грачевскій, видя себя при послѣдней крайности, чувствую, что не нынче завтра ему не миновать поимки, рѣшилъ, что изъ за нѣсколькихъ часовъ свободы не стоитъ подводить мужика.

— Ну, другъ, говоритъ, видно ужъ судьба моя такая. Я самый бѣглый и есть. Веди въ правленіе. —

Мужикъ расчувствовался, сталъ жалѣть Грачевскаго, но въ правленіе все-таки пошелъ. Тамъ собралась цѣлая толпа народу, смотрѣли фальшивый паспортъ Грачевскаго, разспрашивали, что онъ за человѣкъ, охали, сочувствовали и все-таки отправили къ становому. Отправили его на честное слово съ однимъ мальчикомъ, отъ котораго ничего не стоило уйти; но Грачевскій не хотѣлъ портить въ глазахъ мужиковъ репу-

таціи ссыльныхъ и безпрекословно прослѣдовалъ въ „лагерь".

Такъ печально кончился первый актъ этой маленькой Одиссеи. Наступилъ второй, скучный, обидный. На сцену явились допросы, кутузки, клопы, становой, урядники. Съ этапа на этапъ Грачевскій возвратился обратно въ свою постьмую Пинегу, а оттуда тѣмъ же путемъ долженъ былъ слѣдовать въ Архангельскъ. Какъ извѣстной административно-ссыльный, за попытку къ побѣгу, подлежитъ ссылкѣ въ восточную Сибирь: отправляютъ же туда изъ Архангельска. Орлова увезли еще раньше. Что касается Грачевскаго, то онъ вовсе не былъ особенно огорченъ такимъ оборотомъ дѣла. Въ Архангельскѣ у него были друзья. Слѣдовательно если-бы ему удалось вырваться изъ рукъ полиціи, гдѣ нибудь по близости отъ Архангельска, то дальнѣйшій побѣгъ былъ бы обезпеченъ гораздо лучше, чѣмъ при попыткѣ уйти прямо изъ Пинеги. Грачевскій такъ и расположилъ свой планъ дѣйствій. Всю дорогу онъ велъ себя „тихо-благородно", не дѣлалъ никакихъ попытокъ скрыться и только зорко всматривался въ этапные порядки, съ цѣлью воспользоваться малѣйшей оплошностью сторожей, когда настанетъ благопріятное время.

Этапъ шелъ за этапомъ, день за днемъ. Стали подъѣзжать и къ Архангельску. На послѣдней станціи, за нѣсколько верстъ отъ города, Грачевскій рѣшилъ, что минута настала. Его везли на телѣгѣ съ двумя провожатыми, изъ которыхъ одинъ сидѣлъ на козлахъ и дремалъ, а другой вовсе спалъ,

рядомъ съ Грачевскимъ. Вдоль дороги тянулся лѣсъ, по направленію, какъ видно, къ Сѣверной Двинѣ; мѣстами онъ подходилъ вплоть къ дорогѣ. Грачевскій пошевелился, высвободилъ свой тулупъ: сторожъ ничего не замѣчаетъ, храпитъ. Грачевскій моментально соскочилъ съ телѣги и бросился къ лѣсу. Кучеръ кинулся въ погоню, но Грачевскій схватилъ толстую дубину, и размахивая ею, бросился на нападавшаго. Тотъ испугался, вскочилъ въ свою телѣгу, лошади рванули... другой сторожъ тоже проснулся, но Грачевскій уже былъ на опушкѣ и исчезалъ между деревьями. Нѣсколько секундъ его преслѣдователи оставались въ нерѣшимости, но потомъ видно разсудили, что вдвоемъ невозможно поймать въ лѣсу человѣка, а что за какой нибудь часъ онъ не успѣетъ уйти далеко; какъ бы то ни было, они, какъ угорѣлые, погнали лошадей въ городъ: помчались очевидно за подкрѣпленіемъ.

Грачевскій, пока они были еще въ виду, принялъ направленіе, будто онъ бѣжитъ по дорогѣ отъ города. Но едва успѣла скрыться телѣга, онъ немедленно повернулъ назадъ, прошелъ мѣсто, гдѣ только что происходила вышеописанная схватка, прошелъ сколько могъ ближе къ городу, а потомъ свернулъ съ дороги въ лѣсъ и запрятался, какъ могъ лучше. Всѣ эти предосторожности оказались весьма удачными. Черезъ нѣсколько времени по дорогѣ отъ города пролетѣла мимо Грачевскаго цѣлая свера полицей-скихъ и солдатъ. Исправникъ мчался ... экипажѣ, гдѣ сидѣло еще нѣсколь...

вѣкъ. Около экипажа скакало нѣсколько верховыхъ. Они остановились на минуту около мѣста происшествія и поскакали дальше; вѣроятно замѣтили, что слѣды въ кустарникахъ и по измятой травѣ потверждаютъ показаніе провожатыхъ о направленіи которое избралъ бѣглецъ. Тогда Грачевскій вышелъ изъ засады и пустился далѣе.

Положеніе его, при началѣ этого третьяго акта, было однако очень критическое. Безъ сомнѣнія, полиція должна была скоро возвратиться назадъ. Затѣмъ, безъ сомнѣнія, и въ городѣ полиція на сторожѣ. Грачевскій поэтому рѣшился переждать нѣсколько времени въ лѣсу и затѣмъ въ Архангельскъ войти съ какой нибудь другой стороны. Разсудивши такимъ образомъ, онъ направился черезъ лѣсъ къ Двинѣ, потому что на рѣкѣ нельзя сбиться съ дороги, да и спрятаться легче. Скоро онъ вышелъ на Двину. По другую сторону широкой рѣки виднѣлись острова и что-то въ родѣ озеръ или заливовъ. Въ туманѣ Грачевскому показалось, будто тамъ торчатъ кое-гдѣ мачты. На берегу, по близости сидѣла група рыбаковъ, а немного въ сторонѣ старикъ рыбакъ что-то копался въ своей лодкѣ. Грачевскій подошелъ и попросилъ перевесть его на ту сторону. Надо сказать, что у него было при себѣ рубля 2—3 денегъ.

Старикъ сперва встрѣтилъ его радушно, но между прочимъ спросилъ, зачѣмъ ему нужно на ту сторону. Грачевскій очень раз[illegible]о отвѣчаетъ, что нужно, молъ, на судно подо[illegible]му хозяину. Старикъ удивленно и [illegible]ьно посмотрѣлъ на него:

— Да ты, милый, кто такой будешь?

— Я мѣщанинъ здѣшній...

— Н-д-да, протянулъ старикъ, а то тутъ всякіе бываютъ... Ты же гдѣ, почтенный, проживаешь? —

Грачевскій не зналъ архангельскихъ улицъ и бухнулъ что-то такое, видно очень неподходящее. Старикъ окончательно принялъ подозрительный видъ и началъ чуть не формальный допросъ. Грачевскій очутился въ невозможномъ положеніи и съ охотой пустился бы даже бѣжать. Но какъ бѣжать? Старикъ крѣпко присталъ къ нему, а по близости цѣлая куча рыбаковъ: стоитъ крикнуть, и они въ пять минутъ изловятъ бѣглеца. Въ такой крайности Грачевскій рѣшился идти на проломъ и заявилъ старику, что все это онъ раньше вралъ, а на самомъ дѣлѣ онъ политическій ссыльный, бѣжалъ и теперь ищетъ, куда бы спрятаться. Старикъ выслушалъ очень внимательно и сталъ подробно разспрашивать: за что сосланъ, да правда ли, что именно за то, да какъ ушелъ, вздыхалъ, качалъ головой, но въ концѣ концовъ видимо смягчился и повѣрилъ:

— Ну, милый, самъ я тебя не повезу, а парню прикажу. Ты ступай на островъ, тамъ переночуешь: это ты все правильно разсудилъ. Да только, слышь, никому не говори, что ты на свое судно идешь (старикъ усмѣхнулся): по той сторонѣ, когда я парнишкой былъ, судна точно стаивали; ну а нынѣ, нѣтъ, милый, нынѣ тамъ уже лѣтъ тридцать ни одного судна не бывало! —

Оказалось, что подозрѣнія рыбака возбудилъ именно этотъ отвѣтъ Грачевскаго, со-

| | М. пф. |
|---|---|
| **Русско-польскія отношенія.** Очеркъ графа Леливы (1895) . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . | 2 50 |

---

| | |
|---|---|
| **Н. Г. Чернышевскій.** Прологъ пролога. Романъ изъ начала шестидесятыхъ годовъ (1896) . . . . . . . . . . | 4 — |
| **Н. Г. Чернышевскій.** Что дѣлать? Разсказы о новыхъ людяхъ. Романъ (1898) . . . . . . . . . . . . . . . | 6 — |

---

| | |
|---|---|
| **Г. Гейне.** Германія. Зимняя сказка. Переводъ Заѣзжаго, просмотрѣнный И. С. Тургеневымъ и исправленный по его замѣчаніямъ (1875) . . . . . . . . . . . . . | 2 — |
| въ переплетѣ | 3 — |
| **В. К. Кюхельбекеръ.** Избранныя стихотворенія (1880) . | 1 50 |
| въ переплетѣ | 2 50 |
| **М. Ю. Лермонтовъ.** Демонъ и запрещенныя стихотворенія (1881) . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . | 1 50 |
| въ переплетѣ | 2 50 |
| **Лютня I.** Собраніе свободныхъ русскихъ пѣсенъ и стихотвореній (1869) . . . . . . . . . . . . . . . . . | 5 — |
| въ переплетѣ | 6 — |
| **Лютня II.** Потаенная литература 19-го столѣтія (1874) . | 6 — |
| въ переплетѣ | 7 — |
| **Лютня III.** Молодая Россія въ стихахъ (1897) . . . . | 2 — |
| въ переплетѣ | 3 — |
| **Н. Огаревъ.** Юморъ и свободныя стихотворенія (1906) . | 1 50 |
| въ переплетѣ | 2 50 |
| **А. С. Пушкинъ.** Собраніе запрещенныхъ стихотвореній (1873) . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . | 1 50 |
| въ переплетѣ | 2 50 |
| **К. Ѳ. Рылѣевъ.** Войнаровскій и запрещенныя стихотворенія (1880) . . . . . . . . . . . . . . . . . . | 1 50 |
| въ переплетѣ | 2 50 |
| **К. Ѳ. Рылѣевъ.** Думы. Историческія стихотворенія (1871) | 1 50 |
| въ переплетѣ | 2 50 |

**Подробные каталоги высылаются по желанію.**